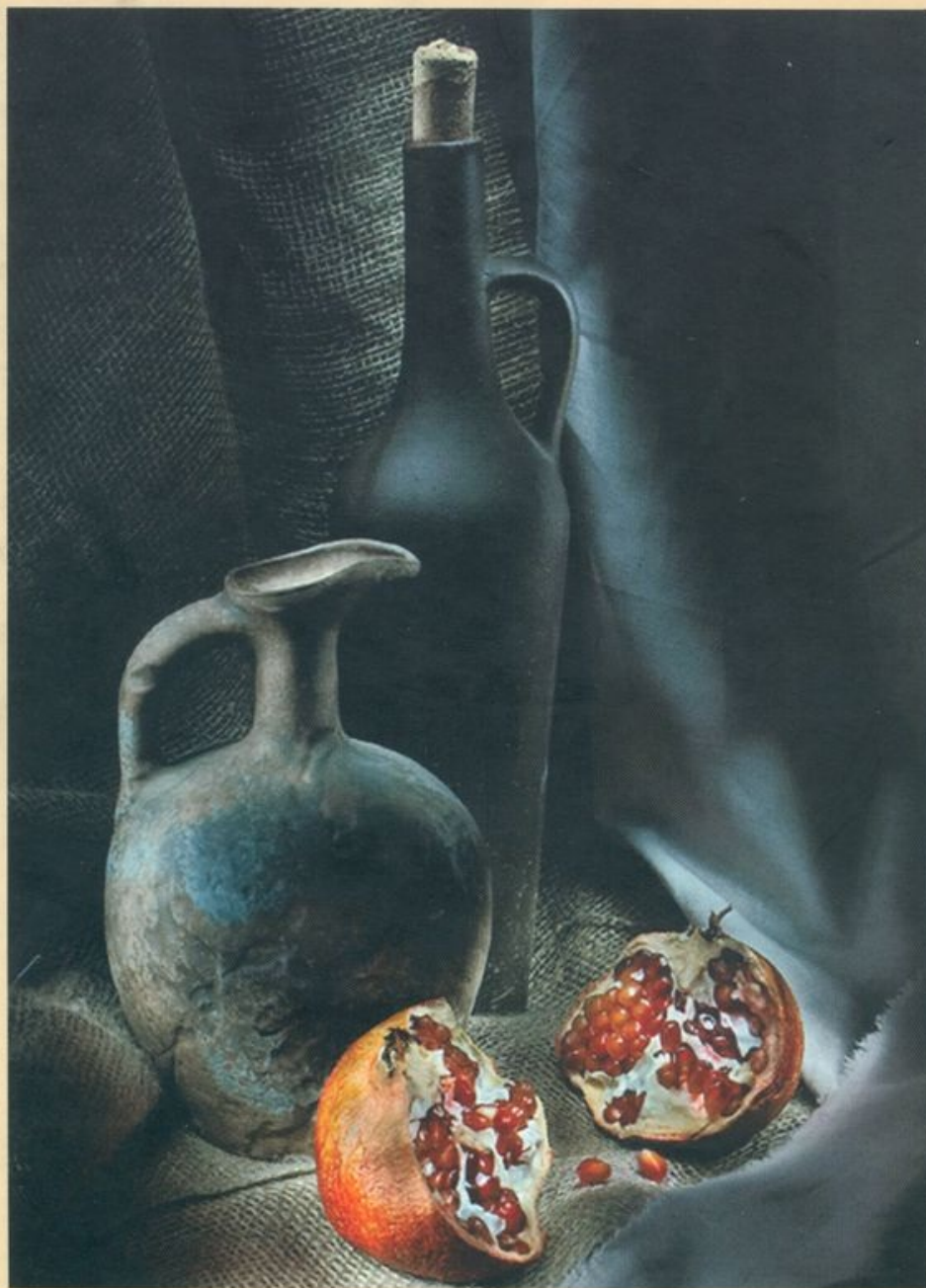

Идрис Шах

Знать как знать

ЭННЕАГОН ПРЕСС

Эта уникальная работа суфийского Мастера вводит во внутренний круг суфийской мысли. Книга содержит поразительно откровенный материал, который — шокирующим образом разбивает все стереотипы о духовности. Она посвящена тому, как быть и оставаться современным человеком, и в то же время развивать себя в другом измерении, а также тому, как люди порой упускают этот шанс, превращаясь в экзальтированных эзотериков. Книга «Знать как знать» была опубликована только после смерти автора.

Идрис Шах

Знать как знать. Практическая философия суфийской традиции

Идрис Шах (1924–1996), Великий шейх суфиев, писатель и ученый, родился в г. Шимла (Индия) в известной семье Хашимитского рода^[1]. Родословная и титулы семьи Идриса Шаха восходят к пророку Мухаммеду, что подтверждено и засвидетельствовано докторами исламского права в 1970 году. Его обучением занимались частные наставники на Востоке и Западе во время его странствий, и, кроме того, на него оказали влияние многочисленные встречи с различными людьми в разных концах света. За свою жизнь он совершил немало путешествий, что характерно для суфийского образования и развития. В соответствии с суфийской традицией, вся его жизнь, в сущности, была посвящена служению. Его знания и интересы казались безграничными, а усилия и достижения обнаруживались в самых неожиданных областях человеческой деятельности во многих странах.

Шах был директором по науке Института культурных исследований — образовательной организации, поддерживающей изучение человеческой мысли в сфере взаимодействия различных областей знания и культурного обмена. Он был советником ряда монархов и глав государств, одним из основателей и постоянным членом Римского клуба, членом правления Королевского гуманитарного общества, а также Королевского госпиталя и Дома неизлечимо больных, основателем издательского дома Октагон Пресс.

Идрис Шах автор серии книг по истории и развитию культуры; он публиковал разнообразный фольклорный материал, писал книги для детей, труды по психологии и социологии, взаимодействию культур в процессе формирования цивилизаций Востока и Запада — больше тридцати томов на различные темы, в том числе путешествия, библиографии, собрания сказок, юмористические произведения, книги философского и антропологического характера. Труды Идриса Шаха были изданы общим тиражом свыше 15 миллионов экземпляров на двенадцати языках мира, а сам автор награжден многими международными премиями. Мировая печать, в частности такие известные издания, как «Нью-Йорк таймс», «Трибьюн», всегда живо откликалась на выход новых книг Шаха. Своими публикациями Идрис Шах создал общекультурный духовный феномен (как в литературе, так и в затронутых им других областях культуры), изменивший современные представления о человеке, его социальной и духовной функции в мире, природе и предназначении людей.

В своих книгах Шах предпринял широкомасштабную попытку представить картину деятельности суфиев на протяжении всей истории человечества. Преодолевая на первых порах сопротивление определенных представителей ученого мира и догматически настроенных теологов, Шах вынес суфизм из кабинетов ученых, до той поры считавших его своей вотчиной, отказав при этом разномастным «эзотеристам» в их претензиях на причастность к суфиям, и сделал суфизм доступным широкой читающей публике.

Идрис Шах приглашает читателя приблизиться к суфийским идеям и попробовать применить их на себе. Его отрезвляющий голос весьма отличен от эзотерического гвалта последних десятилетий. Работы Шаха отличаются живостью и современным духом, они вводят нас в мир традиционной психологии, литературы, философии и суфийской мысли и обеспечивают, таким образом, широкий исторический и культурный контекст для суфийской мысли и действия.

Труды Идриса Шаха получили широчайший резонанс в литературной и научной среде Запада и Востока. Методы и образцы подходов к самым различным вопросам, встречающиеся на страницах его книг, стали использоваться совершенно разными людьми, и каждый из них применял эти методы в своей области. С легкой руки суфийского мастера в течение последних

десятилетий произошел неожиданный скачок в развитии таких областей, как психология, социология, философия, педагогика, антропология и художественная литература. На развивающий стимул, заложенный в произведениях Идриса Шаха, отозвались такие известные люди, как поэт Роберт Грейвс, писательница Дорис Лессинг, социолог Леонард Левин, основатель одной из школ психотерапии Артур Дейкман, а также один из основоположников теории правого и левого полушарий мозга Роберт Орнштейн. Современное литературоведение выявило, что суфийская традиция являлась фундаментальным источником вдохновения творчества Луиса Борхеса.

«Представьте себе, что Эйнштейн взял бы один из аспектов своей теории относительности и «подсунул» его астроному, другой, скажем, — биологу и так далее. Вполне вероятно, что после этого в различных областях науки начались бы поистине революционные процессы, хотя вряд ли бы кто-нибудь заподозрил, что ко всему этому приложил руку мастер. Не исключено, что нечто подобное происходит сегодня... Возможно, Идрис Шах как раз и есть тот самый человек за сценой, который дал импульс подобным процессам...», — писала лондонская газета Evening News.

Многие университеты и колледжи Востока и Запада ввели его работы в списки обязательной литературы по таким дисциплинам, как психология, социология и литература. Международный словарь биографий в 1969 году присудил ему премию за заслуги в области служения человеческой мысли. Другие его награды: «2000 выдающихся людей» (1971 г.); шесть первых призов, выделенных ЮНЕСКО в Международный год книги. Он также состоит в списке «Кто есть кто среди золотых медалистов поэзии» (1975 г.). В некрологе Идриса Шаха, помещенном в лондонской «Дейли телеграф», сообщается: «Его воздействие не поддается оценке, а его наследие — неизмеримо. Говорят, он был Суфийским учителем века».

Предисловие

Том толщиной почти четыреста страниц не обязательно вмещает что-то ценное. Иная книга может содержать не более намека, один-единственный факт, представляющий огромную важность для читателя.

Содержание большинства книг могло бы быть гораздо лучшего качества, ведь многие из них раздуты до внушительных размеров только потому, что автор, издатель или читатель (а то и все трое) считают объем весьма важным достоинством.

Материал, содержащийся в этом труде, даже при самом приемлемом его развитии можно было бы легко развернуть на сотни страниц. Правда, не факт, что такое расширение было бы полезным.

Если вас впечатляет внушительный вид увесистых томов, то эта книга не для вас и вы скорее всего будете разочарованы, обнаружив, что она не изобилует разнообразием и богатством словесных россыпей.

С другой стороны, если бы вы были в состоянии извлечь ту же пользу из подобного материала, будь он издан в неказистой брошюре, вы бы и не подумали читать эту книгу, потому что уже располагали бы содержащейся в ней информацией и вам не было бы нужды черпать ее из книг вроде этой.

Если вы сумеете воспринять и применить послание, заключенное в тексте в виде невыраженного сообщения, вместе с тем получая удовольствие от оформления и объема, тогда эта книга — для вас.

Все мы интересуемся духовными, психологическими и социальными вопросами, в особенности, когда они пересекаются с нашими личными проблемами. Но, чтобы понять, как следует учиться и что нужно знать, нам необходима информация.

Вот первое, что требуется усвоить, — существуют два важных понятия: включение и исключение. Идея принципиальной важности состоит в том, *что* мы включаем в наше изучение и *что* из него исключаем.

Хотя идея эта, именно в такой форме, большинству людей покажется, на первый взгляд, незнакомой, понять ее несложно. И все же многие постоянно совершают определенные ошибки, преследующие как отдельных людей, изучающих высшие материи, так и целые культуры.

Ошибки возникают из-за непонимания или неправильной постановки акцента в вопросе: *что* такое включение, а *что* — исключение. Подобное непонимание влечет за собой тяжелые последствия, но ошибку легко исправить. Позаботимся же об этом с самого начала.

Начнем с того, что просто определим данную проблему.

Прежде всего, я покажу на примере, *что* люди обычно воображают относительно практики «включения и исключения». Например, люди религиозные (заметьте, я не говорю «духовные люди») стараются избегать того, что им неприятно, нежелательно или запрещено их религией. В подобном случае исключение можно сформулировать так: «Я исключаю себя из этого мира; я исключаю из своей жизни общение с дурными людьми; я исключаю изучение всего, что не освящено религией».

Это знакомое традиционное исключение. Стоит вам присоединиться к некоей религиозной общине, как вы тут же обнаружите, что вам запрещено изучать какие-то вещи, посещать некоторые места, заниматься той или иной деятельностью или даже иметь определенные мысли.

Это пример исключения. От добропорядочного монотеиста ожидается, что он не будет посещать храмы идолопоклонников и бить в бубен, стало быть, исповедуя монотеизм, вы должны одни ритуалы исключить, а другие включить. Даже в храме идолопоклонников, где я увидел множество изображений — от Девы Марии до Деда Мороза, — в ответ на мои расспросы мне объяснили, что служители храма, будучи терпимыми к любому изображению, никогда не позволят удалить из храма какого-либо идола. Это тоже пример исключения.

Независимо от нашей культурной принадлежности такая концепция не кажется экзотической. Что-то включать или исключать является совершенно обычной практикой во всех странах. И все же люди не думают об этом в подобных категориях.

Если мы проследим за возникновением причин, вследствие которых что-то включается или исключается, то увидим, что всякий раз, когда первоначальное определение некоторой деятельности перестает совпадать с тем, как эта деятельность понимается сегодня, возникает проблема.

Иными словами, изменение в определении деятельности влечет за собой изменение характера самой деятельности. Поэтому, чтобы понять, как лучше использовать включение и исключение в наших с вами занятиях, следует обратиться к более ранней стадии. Но стоит нам сделать это, как мы тут же столкнемся с новой проблемой.

Дело в том, что люди, привыкшие к чисто механическому включению и исключению,

вообразят, что мы нападаем на них или угрожаем им.

У нас, однако, нет подобных намерений.

В некотором смысле нам все же повезло, так как мы действуем в современном мире, в его реальном контексте. Хочу, кстати, сделать упор на нашем преимуществе в этом отношении. То есть, говоря о включении и исключении, я могу сослаться на современные методы изучения того или иного предмета. Различие в данном случае состоит в моей попытке ввести в этот тип изучения древнейший метод, ныне уже утерянный, — метод «специализации». Специализация является современным и в то же время очень древним феноменом. В течение долгого времени этот метод находился в забвении. Мы пытаемся специализироваться. Скажем, если мы беремся изучать что-либо, то *должны* уметь исключать.

К примеру, решив изучать испанский язык, мы обязаны исключить французский, а включить только испанский. Если хотим побеседовать в какой-либо комнате, то *должны* исключить детей, шум и «включить» интерьер этой комнаты, язык, на котором говорим; все перечисленное — часть необходимых элементов ситуации. Фактически это и есть специализация. То есть мы ограничиваем себя, чтобы яснее видеть.

Существует, однако, и другой метод, весьма укоренившийся в сознании современных людей. Я имею в виду феномен, который в современной терминологии назван «обусловленностью».

Обусловленность — это не просто специализация, но и приобретение определенных автоматических реакций, в результате чего человек теряет способность мыслить гибко. Ошибки и проблемы, порождаемые этим типом мышления, можно увидеть повсюду в современном мире — в политической, религиозной и социальной жизни.

Когда людей захватывает какая-то идея, они становятся одержимыми и в результате менее способными — заметьте, менее, а не более — к обучению. В подобном состоянии они могут только действовать и чувствовать, проявлять интеллект или эмоции, однако не способны учиться глубокому знанию.

Мы можем помочь им восстановить гибкость специализации и регулировку фокуса. Такой метод обучения сильно отличается от используемого сегодня большинством людей.

В современном мире мы находимся в весьма парадоксальной ситуации, поскольку, хотя человек теоретически знает, что может сначала обратить внимание на какой-то объект, а потом отвлечься от него, чаще всего он этого не делает. Во многих областях индивидуум не способен сначала взглянуть на что-то, а затем отделиться от этого и обратить внимание на иной предмет.

Стоит человеку встретиться с тем, что его привлекает, он всецело этому отдается и уже не в состоянии отвлечься, в результате чего теряет объективность. Заметьте, во многих, если не во всех, языках есть слово «объективность», которое побуждает людей воображать, будто они уже обладают подобным качеством или могут легко пользоваться им. Это фактически то же самое, что сказать: «Раз я знаю слово «золото» — значит, я богат».

С последствиями недостатка гибкости мышления мы встречаемся повсюду, в каждой стране, любой культуре, и подобное отсутствие гибкости более всего угрожает существованию человечества. Не будет преувеличением сказать, что человек в результате может погубить себя. Важность этой проблемы трудно переоценить.

Хочу обратить ваше внимание на последствия описанного ментального образца в ситуации, над созданием которой я работаю. Здесь происходит следующее: многие приходят и изъявляют желание учиться; они хотят изучать, хотят создавать группы, развивать себя и говорят мне: «Дайте нам наставления, дайте материалы, дайте информацию. Дайте то, дайте это».

Если я предоставлю им все это (или кое-что из того, что я способен дать), в то время как они страдают болезнью одержимости, я стану их злейшим врагом.

Вот почему в моих книгах вы найдете истории, как раз и устанавливающие рассматриваемый факт. Они иллюстрируют якобы парадоксальную ситуацию, в которой я становлюсь вашим злейшим врагом, если даю вам то, что вы просите. Хотя такой подход может показаться странным, чуждым нашему образу мысли, — он отражает реальную ситуацию.

Вы сами в своей жизни, наверное, не раз наблюдали проявление подобного недуга, и, скорее всего, нет необходимости останавливаться на нем, но об этом полезно подумать.

Если вы поразмыслите, то не сможете не согласиться со мной в том, что и сами в прошлом наблюдали его последствия.

К счастью, указанная болезнь поддается лечению, но только в случае, когда в соответствующих обстоятельствах подходящие люди вовлечены в усилие нужного характера.

Это, однако, вовсе не означает, будто для каждого человека в мире есть способ исцеления по его требованию, и мы также не утверждаем, что можем в пять минут изменить сложившуюся тенденцию или в состоянии сделать нечто подобное, не причиняя вам неудобства.

Мы обязаны сказать об этом прямо, если стремимся быть реалистичными и хотим, чтобы вы знали правду.

Мы не торгуем обещаниями и фантазиями, а заняты практическим делом. Такие слова звучат не очень романтично (а большинство людей в виде платы за свое внимание требуют некоторой доли романтизма и воображения), но нас интересуют только результаты. Предоставим другим заниматься фантазиями. Всегда полно тех, кто ориентирован эмоционально, — мы же должны быть серьезными.

Не забывайте, что многие люди фактически спят и им снятся романтические сны. Они склонны восставать против нашего подхода и питают к нему неприязнь — так было всегда. Оно и понятно, ведь мы, конечно, мешаем им развлекаться, прерываем их сны.

Сами они ни за что не признают, что находятся в подобном состоянии, и потому будут противиться этим идеям, разумеется, находя тому другие объяснения. Так им удобнее оставаться во сне, а нам в данной ситуации необходимо сохранять спокойствие и констатировать болезнь. Если человек болен, вы не обвиняете его в болезни, но также и не особенно прислушиваетесь к его бреду.

Когда человек страдает или живет в мире своих фантазий, вы из-за этого не испытываете к нему ни любви, ни ненависти. Вы уделяете не слишком много внимания тому, что он говорит или делает, ведь он все равно не поймет вас, и реагировать на его поведение эмоционально или интеллектуально было бы совершенно неверно, о чем следует всегда помнить. В подобной ситуации прежде всего необходимо самообладание.

Кстати, действуя таким образом, вы обнаружите, что милосердие и доброта к другим людям относятся не к добродетели, а к необходимости — необходимости, продиктованной самой ситуацией, исходящей из правильной оценки реальности, а не из высших духовных побуждений. Милосердие и доброта не являются какими-то высшими качествами, они диктуются реализмом и необходимостью, в их основе лежит долг, сострадание и чувство меры.

Позвольте привлечь ваше внимание к одной исторической ситуации, где некий учитель имеет дело с довольно примитивными людьми, не осознающими реальных обстоятельств и не обладающими способностями к постановке верного диагноза.

Учитель, взывая к чувству милосердия этих людей, склоняет их к объективности; поначалу ему приходится взывать к их эмоциям, он представляет им милосердие как добродетель, поскольку ничто другое они не в состоянии понять. Но это примитивная стадия, стадия, предшествующая развитию понимания. Если вы доктор, вам нет необходимости в каком-то эмоциональном ключе проявлять милосердие по отношению к больному. Видя, что перед вами больной, вы не говорите: «Я добр к этому человеку, потому что того хочет Бог».

Вы должны быть добры к человеку ради него самого, вы должны быть добры к нему потому, что это диктуется необходимостью.

Если человек корчится от боли и набрасывается на вас, потому что нестерпимо страдает, вы же не говорите: «Я не дам ему отпор, потому что я религиозный человек». Напротив, вы скажете: «Я доктор, я знаю, что происходит с этим человеком, поэтому не стоит эмоционально реагировать на его поведение. Мой долг — попытаться ему помочь». В этом случае вы поднимаетесь на одну ступень выше примитивного уровня. Аргументация, к которой вы прибегаете в подобных случаях, очень важна, поскольку людей в современном мире по-прежнему обучают так, будто они находятся на примитивной ступени развития.

Их наставляют: будьте милосердными, будьте понимающими, потому что это — от Бога. К ним относятся так, как если бы они были примитивными варварами, порывающимися вернуться к еще более дикому состоянию, чем то, в котором они были ранее. На самом деле люди не так уж примитивны. Просто так называемые наставники презируют их.

В результате человек очень легко оказывается в смятении. На самом же деле он способен осознать свой сон, понять собственное наркотическое забытие, и потому с ним должно разговаривать об этом именно на таком уровне. Глобальная порочность многих гипотетически духовных учений состоит в том, что они продолжают обращаться с людьми как с первобытными дикарями, жившими две тысячи лет тому назад или даже раньше.

При подобных обстоятельствах никакой процесс развития невозможен, и именно потому, что культурный уровень современной аудитории не соответствует культурному уровню тех, кто ее обучает. Например, как вы сами можете убедиться, в некоторых так называемых духовных учениях последователей наставляют с помощью угроз и обещаний. Людям говорят: если вы сделаете то-то и то-то, вам будет благо, но если совершите что-то иное, будете наказаны. Таким образом, их либо стращают, либо манят различными приманками. Но это самый примитивный способ воздействия на человеческие существа. То есть для некоторых примитивных общин он вполне подходит, но отнюдь не является необходимым для всех членов любых сообществ современного мира. Я не хочу сказать, что угрозам и обещаниям нет места вообще, я только подчеркиваю, что и для того, и для другого существует свое специфическое место, весьма ограниченное.

Именно по этому поводу Рабийя — очень известная женщина, одна из святых в нашей традиции, оставила нам в наследство одну красивую молитву. Она сказала: «О Боже, если я поклоняюсь Тебе из страха перед адом, ввергни меня в ад. И если я поклоняюсь Тебе в надежде на рай, лиши меня рая». Это означает: она делает что-либо не потому, что хочет угодить или не угодить Богу, побудительный мотив ее действий иной — понимание. Подобный принцип чрезвычайно важен и ведет к более высокому уровню, чем общеизвестные границы примитивных религий.

Таким образом, как видите, если мы имеем дело с примитивным индивидом или общиной, то вполне оправданно можем применить угрозу наказания и обещание награды. Но при взаимодействии с более продвинутым обществом чрезмерный упор на страх и надежду приведет к тому, что человек вернется к более примитивному состоянию, чем то, которого он уже достиг. И тогда мы не только не принесем ему никакого добра, но фактически навредим, потому что обусловим его откликаться лишь на стимулы страха и надежды.

Конечно, этот факт был известен на протяжении многих тысячелетий, и людям о нем неустанно сообщали. Тем не менее всегда существовала значительная часть общества, оставшаяся в неведении.

К счастью, в наше время, с развитием социологии и психологии, а также экспериментального знания, на эту тему было опубликовано огромное количество материалов,

опубликовано не нами, а соответствующими специалистами во всем мире. И весь этот материал подтверждает сказанное здесь. Так что нет необходимости слепо доверять нашим утверждениям.

Имея возможность сослаться на научные исследования, мы находимся в преимущественном положении по сравнению даже по отношению к прошлому столетию, когда подобные изыскания еще не проводили.

Давайте поблагодарим ученых, снабдивших нас этими замечательными данными, и не будем больше заблуждаться, полагая, что между нашим и научным методами есть какие-то противоречия.

Хочется также отметить, что, начиная со второй половины XX века, результаты научных открытий в рассматриваемой области настолько распространились, что даже последователям традиционных религий придется принять их к сведению и приспособить свои учения к требованиям науки, иначе их религиозные системы вымрут.

Жил некогда в Испании очень известный суфий по имени Мухийуддин Ибн аль-Араби, отметивший в своих манускриптах, что, обучая человека чему-либо, вы должны прежде всего оценить его уровень и вам следует поместить своих учеников в разные группы, в соответствии с их способностью к пониманию.

За это утверждение Ибн аль-Араби подвергся очень резкой критике и был обвинен в «несправедливости». Его критики говорили: «Ни у кого нет монополии на истину. Просто скажи правду каждому человеку, и люди поймут ее».

Только в последние несколько десятилетий, фактически всего несколько лет назад, теория Ибн аль-Араби была понята должным образом. Появилась возможность ее подтверждения, так как мы узнали, что с каждым человеком нужно говорить в соответствии с уровнем его понимания, иначе можно навредить ему.

А теперь вернемся к включению и исключению. Вы, конечно, знаете, что традиционные духовные учения призывают нас к жертвенности, отказу от потакания тем или иным желаниям, ограничению своих амбиций. Мы должны уважать других людей, нам не стоит создавать вокруг себя много шума, питать свою гордыню и так далее. Это лишь некоторые из добродетелей, которые мы, предположительно, должны в себе развивать. Глубокая психологическая необходимость в культивировании подобных качеств действительно существует.

И вот что следует понять прямо сейчас: упомянутые добродетели, в развитии которых мы заинтересованы, имеют научную обоснованность и они нужны нам ради сохранения психической целостности, а не ради какого-то социального благополучия.

Если это не полностью объяснено и не до конца понято, то развитию людей может быть нанесен серьезный ущерб. Рецидивы такого рода ущербности мы очень часто находим во многих, если не во всех, религиозных организациях. Например, люди внешне ведут себя смиренно, но это только их маска — персона.

А происходит это потому, что существует склонность судить о других по их поведению: «Вот он — скромн, ест всего лишь один раз в день, значит, хороший человек». То есть о человеке судят по внешности, потому что так людей научили оценивать все и вся. Выходит, что важно, как кто-либо ведет себя, а не то, «кем он является на самом деле». Именно такой искаженный образ мыслей формирует убеждение, что «чудеса» предполагают божественное волеизъявление, прямой контакт и тому подобное.

Вернемся к женщине-суфию Рабийе. Когда люди стали утверждать, что видели, как у нее на кухне чудесным образом появился лук, она сказала: «Мой Господь — не зеленщик!»

Здесь мы видим еще одну важную иллюстрацию идеи служения и идеи жертвы. Эти две идеи очень важны для человечества. Но если они становятся болезнью или одержимостью, их воздействие на людей может быть разрушительным.

Вот пример: неделю или две тому назад, в Лондоне, я был на лекции одного знаменитого религиозного деятеля, человека, который учил и проповедовал в течение 50 лет.

Он без устали призывал свою аудиторию проявлять смирение, раскаиваться, жертвовать и сокрушаться. И в результате все его слушатели чувствовали себя весьма удрученными, потому что они уже многим пожертвовали, уже чувствовали себя виноватыми, служили как могли, и просто не понимали, что еще они могут сделать.

Но он продолжал взывать к ним, как заезженная пластинка: «Вы должны страдать, вы должны жертвовать, вы должны сокрушаться». Он был как доктор, который прописывает больному аспирин и говорит, что тот должен принять пятьдесят таблеток, а лучше сто, а еще лучше — все двести таблеток!

Но слишком большая доза аспирина может убить! Любой психолог скажет вам, что аудитория этого религиозного проповедника, все его последователи были обусловлены при его появлении каждый раз погружаться в отчаяние. И пока он не начинал ободрять своих последователей и не возвещал, что все будет хорошо, их состояние не менялось. Разве в этом состоит цель религии?

Я знаю другого учителя, который ведет себя противоположным образом, но в целом подобен первому. Он собирает огромные толпы людей и заставляет их чувствовать себя счастливыми, говоря им разные приятные вещи, заявляя, что все пойдет хорошо, и, если его слушатели будут делать то-то и то-то, они станут счастливыми и благополучными. За это они его любят и чувствуют себя умиротворенными.

Но, к сожалению, присмотревшись к подобным людям, вы обнаружите, что они в высшей степени неэффективный и никчемный народ. Единственное, что у них есть, — это ощущение умиротворенности. Если вы это и ищете, — вам нужен такой наставник. Фактически он занимается ментальной инженерией.

Он инженер, такой же, как и проповедник, о котором я рассказывал выше.

В обоих случаях упомянутые господа одно исключают, а другое включают. Но, к сожалению, полученная ими смесь мало на что пригодна, хотя ни у кого нет оснований их в чем-то упрекнуть. Возникает очень серьезная проблема, и состоит она в том, что, пока люди верят чему-то или кому-то, они никогда не осудят и не обвинят своего манипулятора, поскольку не осознают факта манипуляции.

Здесь вы могли бы заметить, что я покушаюсь на некую составляющую, которую многие в заблуждении считают самой основой так называемого духовного учения (забавно, не правда ли?), возведенного в универсальный статус, и я, разумеется, не рассчитываю, что моя критика не вызовет поистине варварского отпора.

Но мне хочется напомнить вам: то, во что верит большинство, не обязательно является истиной.

Это подводит нас к выводу, что дело, собственно, не только во включении и исключении, а в том, *что* включать и *что* исключать. Мы должны быть очень конкретными в формулировках, когда решаем, *что* именно необходимо исключать.

В этой связи я должен сказать, что принцип, по которому мы одно включаем, а другое исключаем в целях ознакомления с нашим подходом, предлагается вам для изучения и экспериментирования. Мы не можем доказать, что наш принцип включения и исключения какой-то иной или лучше других аналогичных принципов, мы можем только говорить, *что предлагаем* его для изучения.

Вот почему мы не собираемся обращать вас в веру, убеждая в правильности того, что делаем. И по этой же причине суфизм не может быть назван культом, так как, по определению, мы не ожидаем от вас веры.

Люди, называющие наше учение культом, лишь показывают свое невежество относительно самой природы культовых объединений. Здесь интересно отметить, что культовым движением нас считают в основном жители развитых западных стран, так как им не известно о научных исследованиях, проводимых западными учеными в этой области. На Востоке никто не считает суфизм культом. Разумеется, как на Востоке, так и на Западе есть культовые организации, использующие наше имя и воображающие себя суфиями, но это не в счет — любому здравомыслящему человеку совершенно очевидно, что они собой представляют.

Наших подражателей критикуют на Западе, и вполне заслуженно. Страдаем же из-за этого мы, поскольку сфера нашей деятельности настолько незнакома западной культуре, которая еще не осознала своих собственных открытий, что мы все еще находимся в весьма невыгодном положении.

Приведу такую интересную иллюстрацию. У меня есть список более двадцати международных авторитетов в таких областях, как литература, философия, наука и так далее. Некоторые из них профессора, другие возглавляют университетские кафедры, третьи также весьма уважаемые фигуры, занимающие очень высокое положение в разных странах, и все эти люди, авторитетные специалисты в своих областях, пишут по главе для готовящейся книги по суфизму.

Среди них есть члены правительств, послы, министры, некоторые миллионеры, другие преуспевающие бизнесмены, пользующиеся широкой известностью у себя на родине. Это выдающиеся люди, заслуженные, почитаемые, имеющие большое влияние в обществе. Так вот, эти люди не просто знакомы с суфизмом, но и хорошо разбираются в вопросах его истории, развития и ценности.

В числе этих людей есть турки, персы, пакистанцы, индийцы, арабы из Египта, Ирака, Сирии, Иордании, Ливана, Северной Африки и Судана, не говоря уже об афганцах.

Один председатель Верховного суда Индии, то есть самый главный судья в Индии, другой духовный руководитель коптской церкви в Египте, третий индийский отшельник. Многие из них не мусульмане. На них нельзя оказать давление с помощью денег или пропаганды — у них есть собственные общины, достижения и тому подобное. При этом каждый из них хорошо понимает и уважает суфийскую историю, философию и культуру. На Западе этому нет эквивалента.

* * *

Один крестьянин пахал землю на своей лошади, когда мимо проезжал генерал. Вдруг в копыто лошади генерала попал камешек, и она захромала. Генерал, привыкший приказывать, крикнул крестьянину:

«Эй, ты! Пойди сюда. Поддай-ка мне ту лошадь, да поживее».

Крестьянин подошел и спросил:

«Почему это я должен подать тебе свою лошадь?»

«Моя захромала, у нее в подкове застрял камень».

«Да кто ты такой, чтобы я отдал тебе лошадь. Отдать ее тебе, а самому пойти по миру, что ли? Вот тебе, а не лошадь! Лошадь — это моя жизнь».

Тут генерал воскликнул:

«Я — генерал, ты что, не понял?»

Тогда крестьянин спросил:

«А что такое генерал?»

«Чин армейский, вот что!»

Крестьянин оживился:

«А! Не знаю, что такое генерал, но, когда я служил в армии, моим начальником был сержант, вот если бы он велел мне отдать лошадь, я бы не спорил. Раз тебе нужна моя лошадь,

веди сюда сержанта, потому что я знаю, кого слушаться. Я знаю, что тот, кто надо мной, — это сержант, а генерал — да черт его знает, кто такой генерал!»

Очевидный практический смысл этой истории в том, что человек не может заглянуть слишком высоко, он видит не дальше одной ступени вверх, так что если он всего лишь крестьянин, то сержант для него — Бог.

Это, конечно, верно, но только на уровне поверхностной морали. Давайте взглянем на историю с другой стороны — со стороны структуры, поскольку ее герой, крестьянин, работает в некоей структуре. Хотя рассказ кажется посвященным вопросу иерархии, на самом деле он касается структуры.

Крестьянин был еще и в армии, так что он действует в двух структурах; одна из них — лошадь и поле. Потеряв лошадь, он умрет или разорится. Другая структура — армия: едва генерал упоминает об армии, крестьянин тут же осознает себя в этой структуре, включающей сержанта, и ему совершенно ясны его обязанности в данном контексте.

Стало быть, я говорю о структуре, а не об иерархии. Человек из нашего рассказа, будучи частью некоего целого, получал от кого-то приказы — это было все, что он знал.

Нам недостаточно просто создать структуру, в которой люди могли бы учиться, а потом покинуть ее, предоставив тем, кто в ней участвует, продолжать обучение до конца дней своих. Такой подход просто автоматизирует людей. Вот почему мы не можем создавать массовые движения, наше предприятие-это явление органического характера.

Отличие органического движения от массового в том, что последнее представляет собой некую массу людей, тогда как органическое объединение подобно растению, в котором указания поступают по мере необходимости, в соответствии с потребностями.

Например, если растению требуется больше воды, оно посылает сигнал корням, и необходимое количество воды поднимается от них к стеблю и выше.

Когда вы работаете с массами, такого, естественно, нет. У вас просто есть массы людей, которые жаждут чего-то. Растение же, конечно, — тонкая, сложная и разнообразная структура. Не всем листьям одновременно нужна вода, так что их питание должно быть правильным образом организовано. Поэтому мы используем термин *органическое движение*.

Многие говорят о каких-то органических организациях, но фактически у них нет подобного объединения, а есть лишь массовое движение, которое они называют органическим. Так что следует не только слушать, что они провозглашают, но и наблюдать сам феномен. У нас есть поговорка: «*Аль-муджазу кантарат аль-Хакика*», что значит: «Явленное — канал к Истине».

Этой фразой мы пользуемся для обозначения вышеописанного процесса.

В нашей деятельности работа может осуществляться в разных формах. Например, ею может быть профессия, деятельность по изготовлению чего-либо. Мы собираем некоторое количество людей с целью производить что-то, например, ковры, или столы, или ремесленные изделия. При условии скрупулезного подбора людей и постановки правильной цели можно достичь значительного результата. Этот вид деятельности в прошлом создавал величайшие образцы искусства и человеческой культуры. Именно в работу такого рода мы вовлечены, в работу, с которой, как вы, может быть, слышали, были связаны строители грандиозных старинных кафедральных соборов и художники прошлого, преследовавшие как профессиональные, так и духовные цели.

Речь идет именно о подобной деятельности. Однако на Западе сведения о великом делании и его творцах были утеряны. Люди страстно желают как можно больше узнать об этом, но и не подозревают, что, даже если бы такая информация была для них доступна, они никак не смогли бы ею воспользоваться, разве что для пополнения музейных коллекций или составления каталогов.

В результате попыток отыскать методы старых мастеров западные люди стали эмоционально вдохновляться искусством, так как увидели и почувствовали что-то в творениях прошлых эпох, а поскольку эмоции так важны для современного человека, люди объединили эти две вещи (эмоции и искусство) и стали эмоционально одержимы искусством.

Поступив так, люди Запада упустили идею метода. Правда, мало-помалу некоторые, независимо от нас, частично восстанавливают сам метод, и это радует.

В одной телепередаче я привел пример, вызвавший громадный отклик, преимущественно в виде писем.

Прецедент, так заинтересовавший слушателей, заключался в следующем: в США сделали открытие, заключающееся в том, что существует иной способ обучения, не похожий на все, к чему мы привыкли.

Говоря «не похожий», я имею в виду, что он не основан на внушении и давлении, повторении и возбуждении: «Сделай раз, еще раз и еще раз». Если новый метод, испытываемый сейчас на животных, удастся перенести на людей, нам придется пересмотреть все образовательные программы.

Вкратце речь идет вот о чем: если взять кошек и начать их обучать исполнению каких-нибудь простейших трюков, на это уйдет уйма времени, потому что кошки с трудом поддаются дрессировке; их способность к вниманию весьма ограничена, и у них нет природной склонности учиться чему-либо. Поэтому их очень редко дрессируют.

Группу кошек стали обучать выполнению определенных заданий и засекали по часам время, затраченное на дрессировку. После этого исследователи взяли одного «обученного» кота и поместили в вольер с «необученными» кошками того же возраста, из той же группы и семейства. И вдруг оказалось, что необученные кошки «учились» у обученного кота, просто находясь в его присутствии и наблюдая за ним.

Они выучились в пятьдесят раз быстрее своих собратьев, обучавшихся посредством дрессировки. Когда результаты этого открытия впервые были опубликованы в Англии, автор статьи в популярной форме излагавший данное исследование, закончил ее важным выводом.

Он писал, что, возможно, данное открытие проливает свет на то, почему в Средние века великие художники и мыслители были постоянно окружены учениками, которые обожали своего мастера, жили с ним под одной крышей и служили ему. Они работали с ним, учились у него и, в свою очередь, становились мастерами. Таким образом, вполне вероятно, что мы просто открываем заново метод обучения, в определенных сферах превосходящий по своей эффективности все, к чему мы привыкли.

Однако сегодня, особенно на Западе, весьма затруднительно применить подобный подход к людям, по причине, которую непременно стоит рассмотреть.

Дело в том, что в наше время, если вы собираетесь обучаться у конкретного человека, мужчины или женщины, достигшего вершины мастерства в той или иной профессии, вас будут учить лишь с помощью пропаганды, зубрежки и ажиотажа.

В результате учебный процесс распадается: профессионал вряд ли потерпит, чтобы вы учились у него тогда, когда он занят своими повседневными делами. Вы же не переедете к нему и не будете обучаться у него, принимая участие в его жизни, так как это не считается эффективным. В действительности большинство экспертов сегодня слишком тщеславны, слишком полны чувства собственной важности и, попросту говоря, в первую очередь будут стремиться передать вам именно это: собственную значимость. Учебный процесс в подобных обстоятельствах осуществляться не может.

Наш-то ученый кот ничего особенного не почувствовал от того, что он чему-то научился, он не стал думать: «Я великий Котофей, ведь я теперь кое-что умею». Потому он и смог передать

свой опыт. Итак, легко заметить, что научиться чему-то от западного человека сегодня очень трудно, ведь сам факт собственной учености наполняет его чувством некой важности.

Это, в свою очередь, возводит барьер между предполагаемым учителем и вами. Таким образом, вы можете оценить мудрость людей прошлых эпох, которые завещали нам всем, и мне, и вам, культивировать смирение по отношению к учителю, так как это позволяет открыться для того, чему он или она учит. К сожалению, традиция не столь явно подчеркивала важность смирения самого учителя, и в результате в процессе обучения возникли серьезные нарушения. Теперь мы можем оживить наше наследие.

От вашего внимания наверняка не ускользнуло, что обычай подписывать работы и становиться известным в своей области, в общем, довольно нов. В прошлом имена многих авторов великих произведений искусства оставались неизвестными.

Однажды, путешествуя по Индии, я воспользовался возможностью поговорить с местными духовными лидерами. Я как раз сидел в присутствии одного из таких высокопочитаемых учителей, когда объявили о приходе некоего американского джентльмена, затратившего массу усилий, чтобы добраться до тех мест.

Новоприбывший обратился к этому гуру, как там называют подобных людей, с такими словами: «Скажи мне, кто такой гуру? Как распознать гуру? Кто величайший гуру на свете?»

Это было все, что он хотел знать. Его вопросы во многом совпадали с теми, которыми была переполнена моя корреспонденция. То же самое каждый день читатели моих книг спрашивают у меня. Индийский господин, а он сам был гуру, улыбнулся и ответил американцу:

«То, что я скажу, не доставит тебе удовольствия. Надеюсь, ты пришел сюда не за удовольствием».

«Нет! Я хочу знать правду!» — настаивал американец.

«Хорошо, вот ответ на твой вопрос: если я иду по тропинке через джунгли и на моем пути лежит камень, о который я спотыкаюсь и падаю, то этот камень и будет моим гуру, в том случае, конечно, если я научился у него смотреть под ноги, и он в результате меня чему-то научил. Гуру — не тот, кто собирается учить тебя, не тот, кто может научить, а тот, кто тебя чему-то научил. И если это был камень, значит, твой гуру — камень. Но ты, разумеется, имеешь в виду человеческое существо, некоего богочеловека.

Так вот гуру — это нечто или некто, у кого ты чему-то научился, а не просто хотел бы научиться, кого уважаешь ты или уважают другие. Если ты не способен учиться, гуру для тебя "не существует"».

Теперь вернемся к структуре и обучению.

Настоящие суфийские центры находятся во многих, если не в большинстве стран мира, там, где в них возникает потребность. Так всегда было и продолжается поныне вот уже много веков.

Подобные центры организуют сознательно. Иными словами, мы не используем западную систему. Западная и другие примитивные системы собирают людей, интересующихся неким вопросом, после чего предполагается, что эти люди вполне подходят для обучения и могут учиться. Люди воображают также, что их способен обучать каждый, кто хочет это делать, или был избран бог знает на каком основании. Или считают, что при затрате определенных усилий или движении в заданном направлении обучение произойдет само собой.

Такого рода «восточное» мышление для нас совершенно неприемлемо. Мы считаем это «восточным» нонсенсом, потому что вы не имеете никакого практического опыта в данной области: в этой сугубо опытной сфере вы не только не практичны, но воображаете, что практичность даже неуместна в сфере иррационального, и когда я начинаю говорить о практическом подходе, вы думаете, что это имеет отношение не к духовной области, а к какой-то другой.

Нам трудно работать с такими людьми. Естественно, приверженцы подобного образа мысли, приезжающие в Азию, чтобы учиться духовным вещам, не способны ни учиться, ни учить. Парадоксально, но факт.

Собственно говоря, эти люди ходят и ищут тех, кто внешне похож на гуру. Мы обычно ничего им не говорим, потому что они нас не слышат.

В действительности я пытался говорить, но многие даже не желают слушать. И еще необходимо запомнить один очень важный момент: эзотерический сектор в средствах массовой информации — на телевидении, радио и в газетах — буквально монополизировали люди, занимающиеся саморекламой, выпячивающие себя, заинтересованные в ажиотаже или в распространении своей известности как великих духовных учителей. У них активные крикливые ученики, многотысячная армия последователей, слоняющихся по всему свету, что и создает впечатление, будто в подобных явлениях и заключается духовность Востока.

Если вы посетите их центры, например в Индии, вы увидите там тысячи американцев, англичан и индийцев. Мало того — к этим движениям принадлежат миллионы индийцев, потому что в Индии собрать толпу в миллион человек достаточно легко.

И люди, конечно, думают, какой это, должно быть, великий духовный учитель, ведь его слушает миллион человек одновременно. Но я должен напомнить вам две вещи. Во-первых, количество — это еще не качество. Видимость тоже не говорит о качестве. Кроме того, запомните, что, хотя я свободно пишу об этом, попробуй я выйти с подобным заявлением на публику, как тут же тысяч десять важных и уважаемых в Англии людей освищут меня, обзовут лжецом, злоумышленником и заявят, что я просто полон ненависти; все потому, что они одержимы, а я отбираю у них игрушку, их развлечение.

Как ни прискорбно, но все именно так и есть. «И все-таки она вертится», — как сказал Галилей. Так же и мы, несмотря ни на что, продолжаем работать. Теперь, быть может, станут ясны определенные причины, по которым мы не можем тягаться с этими людьми в средствах массовой информации или в создании массовых движений.

Ну что ж, вернемся к вопросу рабочего формата, к структурам. Мы обнаружили, что западного человека трудно убедить в том, что мы можем работать только с отобранными, подходящими для нашей работы людьми, а не с теми, кто желает в ней участвовать, даже если последние готовы пожертвовать своими деньгами, служить нам верой и правдой и так далее.

Предположим, некоторые люди не подходят, по крайней мере в данный момент. Что с ними делать? Хочу напомнить, что, отстаивая свое право выбирать студентов, мы делаем то же самое, что и вы.

В вашей собственной образовательной системе человека не допускают к изучению сложных предметов, если он, например, неграмотен. Вы выбираете студента по его способностям и на основании предыдущей подготовки.

Мы настаиваем на таком же праве. Вот видите, как далеко вы отошли от норм вашей собственной цивилизации, вашей культуры и традиций, смирившись с тем, что толпы людей безо всякой подготовки, без проверки способностей могут участвовать в подобных экстраординарных сборищах. Здесь есть, конечно, деликатный момент. Вы, наверное, верите, что в демократическом обществе каждый вправе получить то, что предлагается.

Согласен. Но! Вместе с демократической ментальностью в западном сознании существует еще одна ментальность. К сожалению, это ментальность массового производства, согласно которой люди не человеческие существа, а некий продукт. На такой ментальности выстраивается современное мышление, но вам следует остерегаться ее. Подобный склад ума, этакий фабричный подход порождает следующую мысль: «Заведите всех этих людей в помещение, что-нибудь им расскажите, натренируйте их и затем выпустите в свет как готовый

продукт».

Наше понимание человека значительно шире этого. Для меня вы индивидуальности, а никак не объекты, подлежащие обработке, прохождению через мой курс, словно все вы, одинаковые на входе, получив одно и то же, становитесь одинаковыми на выходе. Такой подход хорош для производства сосисок, но не для развития человеческих существ.

Вы скажете: «Да, действительно, все это не очень-то эффективно, но должен же существовать какой-то выход. Как же быть с людьми, если их — массы?» Рад сообщить вам, что есть решение этой проблемы, потому что мы разработали средство. Наше решение не похоже на ваше, и вам придется ознакомиться с методами, которыми пользуемся мы.

Наши методы далеки от ваших теоретических методик. Они продиктованы возможностями, а не фантазиями.

Прежде всего, мы знаем, что, когда группа становится слишком большой, ее следует разделить, чтобы поддержать ее органическую природу, природу самого движения. В такой концепции нет ничего странного, и легко увидеть и понять ее очевидные преимущества. Кроме того, чтобы работать одновременно с большим количеством людей, необходимо преодолеть все зло, все побочные эффекты и вредные последствия, возникающие всякий раз, когда вы концентрируете столько народа в одном географическом месте, как это предусматривается западными теоретиками.

Поэтому у нас есть иная система коммуникаций. Говоря о коммуникации иного характера, следует быть осторожными, чтобы не допустить возбуждения и эмоциональной вовлеченности, иначе это нарушит саму систему.

Данная система состоит из двух частей. Во-первых, мы даем задание или назначаем род деятельности группе людей и приглашаем их заниматься предписанным до тех пор, пока сами не попросим прекратить занятия.

Назначенная деятельность будет содержать в себе все необходимое для данной группы до того момента, пока не возникнет потребность остановить или видоизменить данную активность.

Прежде всего, есть наша работа, и ее составляющие содержатся в атмосфере самой деятельности; это первый элемент коммуникации. Атмосфера, создаваемая работой группы, входит в контакт с участниками посредством тех вещей, с которыми они работают.

Другими словами, мы помещаем людей, в ситуацию содержащую если не все, то половину составляющих, в которых они нуждаются.

Это то же самое, как если бы мы послали вас в путешествие и дали на дорогу провизию в достаточном количестве. Таков первый элемент системы коммуникаций.

Второй элемент заключается в том, что, если группа действует правильно, в соответствии с требованиями, будучи должным образом сбалансированной, без лишней эмоциональности и излишнего интеллектуализма, возникает прямой контакт между людьми, связанными с нашей работой, и контакт этот — телепатический.

Но проблема состоит в том, что большинство людей в учебных группах не желают учиться, они просто хотят внимания. Им хочется посетить какого-нибудь гуру, услышать что-то фантастическое, пощекотать себе нервы; поэтому они вовсе не учатся, но становятся социальным феноменом, лишая себя возможности учиться; вот почему они отчаянно жаждут обучения и почему с ними ничего не происходит.

Это порочный круг. Здесь мы имеем дело с социологическим феноменом, а отнюдь не с духовным или образовательным.

Если вам доводилось работать в группах, какими бы они ни были, вы, возможно, встречали людей, привлекающих к себе внимание, создающих те или иные проблемы, желающих психотерапии или денег, комфорта или родительской опеки, или еще чего-нибудь. Заметим

сразу, что в обычном мире каждый может получить все это проще, легче и удобнее, и потому мы поощряем человека иметь близких друзей, свой круг социальных знакомых, определенную нишу в жизни, чтобы он не зависел от нас в этом вопросе. В ином случае вы превратите вашу учебную группу в общественную организацию и ее цели будут потеряны, став узко социальными.

Это происходит с духовными группировками по всему миру. Всегда. Мы должны постараться избежать этого. Благо, число человеческих типов и групп, которые они образуют, не бесконечно. Они подпадают под несколько категорий. Количество типов людей и типов групп ограничено, что облегчает нашу задачу; будь оно бесконечно, мы не смогли бы с ними работать.

Поэтому в каждой группе мы обычно определяем людей, которые находятся на разных стадиях или на самом деле относятся к другим группам. Им следует быть в группе иного типа, чем та, в которой они находятся. А мы должны позаботиться о том, чтобы большинство членов подходили своей группе. Некоторые могут и не подходить, но это не имеет большого значения, если они являются исключением. Люди часто образуют группы, не имеющие никакой надежды стать чем-то. Члены таких объединений никогда этого не признают, потому что не хотят оказаться в неудобном положении, и тем не менее факты упрямая вещь.

По счастью, группы без потенциала устойчивости, не способные к стабилизации, как правило, распадаются сами, притом довольно быстро, на самой ранней стадии, либо мы, если можем, помогаем им в этом.

Есть много простых способов помочь им сойти на нет, и мы используем необходимые. Например, когда к нам приходят письма, из которых очевидно, что члены некоторой группы ищут лишь эмоционального возбуждения, или нам задают вопросы, показывающие, что некое собрание просто ищет социальной стабильности, мы посылаем указание, приводящее к неудовлетворенности участников и распаду данного объединения.

Точно так же, когда ко мне приходят люди в поисках гуру, я начинаю рассуждать как материалист, далекий от проблем человечества, и веду себя довольно развязно. Я отпускаю всякие шуточки, и пришедший понимает, что я личность несерьезная, и безболезненно покидает меня.

Его вывод: «Это нехороший человек. Слава богу, что я не попал в его руки!» Каждый остается при своем. Это восточная методика, потому что на Западе люди не любят принижать свою значимость, не любят терять чувство собственного достоинства, тем самым лишая себя эффективного оружия, выпуская из рук важный инструмент.

Замечаете, как мы включаем, а другие (по причине собственной важности) исключают некоторые действия?

У суфийских групп, как и у всего, что становится популярным и вызывает широкий интерес, есть свои имитаторы. Среди этих подражаний редко встретишь злонамеренную подделку. Напротив, многие из них опираются на идею, лежащую в основе таких внешне различных явлений, как симпатическая магия и мода: «Если я выгляжу как что-либо, значит, могу каким-то образом стать этим». Иногда подобная концепция выражается в форме такого непреднамеренного суждения: «Если буду думать о чем-то, то это случится».

Следует избегать магического мышления. Религиозное мышление требует, чтобы человек стал достойным своей цели, магическое мышление стремится создать, сотворить желаемый эффект.

Лет двадцать назад я столкнулся с живой иллюстрацией того, как далеко в своей абсурдности может зайти человеческий механизм самооправдания: лидеры обучающихся групп из Европы и Америки встретились со мной и попросили совета, чему и как учить.

Пораженный сперва самим вопросом, я спросил, долго ли существуют их группы и каким образом им удастся продолжать свою деятельность, если у них нет представления, как учить. Выяснилось, что в таком состоянии они просуществовали около 40 лет. «За счет чего?» — спросил я.

«Видите ли, нам стало известно, что источник учения находится на Востоке, — объяснили они, — вот мы и прикинули, что, если создать здесь учебные центры, истинные учителя услышат о нас и потянутся сюда. Фактически, так было заявлено нашими руководителями, и тогда эта идея показалась нам вполне логичной».

«Мы прикинули»?! Поначалу я решил, что они просто шутят. Но мой смех только огорчил этих искренних и совершенно заблудших людей.

Большинство человеческих существ склонно питать отвращение к жажде власти, но когда эта жажда проявляется бессознательно, она еще уродливее.

Эти люди пытались сотворить желаемое событие...

Вы, конечно, не назовете их неискренними, но какое же еще подобрать слово? С одной стороны, они говорили вполне откровенно и недвусмысленно, признав, что почти ничего не знают. С другой — они известили своих учеников, что ожидают послания от учителей с Востока, а сами эти ученики, многие из которых были высокоинтеллектуальными людьми, не увидели ничего странного в подобной концепции.

Для любого мало-мальски здравомыслящего человека их теория может быть перефразирована следующим образом:

«Где-то на Востоке, неизвестно где, существует община людей, которые владеют особым, продвинутым, знанием о человеке. Эти люди культивировали такое знание в течение целых эпох, создали школы и системы, через которые оно передается. Будучи заинтересованными в продолжении своей деятельности на благо всего человечества, они владеют способом, необходимым для реализации высших учений».

Но никому из этих добрых людей, как я понял, так и не пришло в голову, что, если представить, будто восточные учителя, о которых они все время твердили, действительно существуют, они, при любых обстоятельствах, несомненно, располагают собственными методами проецирования своего учения туда, куда пожелают или где в нем есть нужда или

СМЫСЛ.

Я пережил нечто необычное, увидев выражение, которое эти страстные эзотеристы изобразили на своих лицах, когда я сказал:

«Ваши восточные учителя, по всей видимости, чудной народ, если, обладая той мудростью, которую вы им приписываете, не способны передавать свои учения без вашей помощи».

Я представил себе столь же нелепую, гипотетическую ситуацию: добропорядочные жители небольшой деревушки Кент, расположенной по соседству с моим домом, собираются вместе и решают, что им позарез нужны знания, ну, скажем, по микроэлектронике. И вот они потеют над имеющейся у них информацией в надежде, что какой-нибудь технолог, воодушевленный таким героизмом, сжалится над ними...

До сих пор существуют сотни подобных групп искателей знания, насчитывающие в своих рядах тысячи членов.

Но это — только одна из форм подражательных групп. Значительно шире распространены группы, черпающие свои силы из более знакомого, хотя и менее очевидного источника, чем простое отсутствие здравого смысла. Такие образования считают суфийскими, но динамика, которая их объединяет, является чем-то совершенно иным.

Это можно определить как негласный договор тех, кто желает находиться в социальной группе, с теми, кто (чаще всего неосознанно) желает проявлять лидерство.

Подобный феномен сегодня хорошо известен и задокументирован экспертами в таких областях, как антропология, социология и психология. Но он все еще недостаточно понятен для широкой массы людей. Причину не надо долго искать. Когда сколько-то человек объединяются во имя общей цели, они исходят из аксиомы, что их номинальная очевидная цель и есть основной фактор, объединяющий и сохраняющий группу.

Реальность же состоит в совершенно обратном. Если бы у этих индивидов не было желания сбиться в кучу, никто из них и не подумал бы о формировании группы. Если бы у них не было предполагаемой цели, чтобы объединиться, они бы нашли другую. Вот ведь как все просто.

Одна из причин того, что захватывающее и важное знание, подтвержденное огромным количеством социологических исследований на Западе, с таким трудом проникает в сознание обычного человека, состоит в следующем: люди дорожат своими группами. Они также искренне заинтересованы в целях, провозглашенных группой. Все, кто, как им кажется, смеется над ними или угрожает существованию их объединения, всего лишь ставя под вопрос некоторые их убеждения, делаются врагами.

Таким образом, с психологической точки зрения, в поведении группы наблюдается явление с далеко идущими последствиями как для группы в целом, так и для ее отдельных участников, и это наиболее ярко проявляется в том, что людям мучительно трудно расстаться со своей группой, даже когда их участие в ней нежелательно.

И еще одна дополнительная сложность: многие группы часто представляют собой по своему ценные объединения, выполняющие важную и полезную работу. В силу этого у людей возникает невольное убеждение, что образованное ими объединение НЕ МОЖЕТ не быть благотворным и полезным. Их чувство уверенности подкрепляется духом товарищества, присущего человеческой общности: люди извлекают эмоциональное удовлетворение из своего участия в сообществе.

Подобные группы, однако, что бы себе ни воображали их члены, не являются суфийскими. Если кто-то посторонний скажет им: «Ваша группа — всего лишь общественная ячейка», — ему ответят: «Вам не понять, какую ценность она для нас представляет. Вы просто не в состоянии почувствовать то же, что и мы».

Когда такое происходит, группа вырабатывает мощный инстинкт самосохранения, но,

разумеется, подобную группу нельзя назвать духовной, какой бы она ни казалась ее участникам. Здесь налицо работа воображения, замаскированная под нечто иное.

Кто-то может спросить, как меня часто спрашивали, а что в этом плохого? Один человек сформулировал это так:

«Согласен, поведение групп диктуется инстинктом. Но это же не более чем форма, содержание-то совсем в другом. Подобный инстинкт играет положительную роль, и не будь его, люди никогда бы не объединялись. Мы должны ценить существование в нас этой тенденции. Например, люди могут объединиться для оказания медицинской помощи пострадавшим, и их деятельность принесет много добра. Могли бы они осуществлять благотворительную работу, если бы не их тяга к общим понятиям, согласованным действиям и планированию?»

Хотя это утверждение красноречиво и, на первый взгляд, выглядит разумно, на самом деле оно основано на путанице в мышлении и недостатке информации. Приводя аргумент, не имеющий отношения к вопросу о высшем сознании, рассуждающий весьма нуждается в исправлении своего низшего (или обычного) сознания. Дело в том, что я говорю о суфийских обучающихся группах, а не о бригадах скорой помощи.

Есть огромное количество несуфийских мероприятий, которые могут осуществляться группами, основанными на естественной тенденции к объединению и использующими подобную склонность во благо, — разве это уже само по себе не достойно поощрения?

Путаница возникает, когда люди исходят из предпосылки, что существует только один вид групп и что подобный образец является наилучшим инструментом в любой деятельности. Суфийские группы представляют собой крайне специализированные объединения, что вовсе не по зубам любителям.

Возможно, вы обнаружите некоторую логику внутри этого абсурда. Наша старая подруга логика говорила устами того человека: «Я признаю, что совершаю это по привычке и благодаря инстинкту. Но взгляни, сколько добра я делаю в результате и, кроме того, другого пути нет!»

Вариант этого заблуждения иногда звучит так: «Если бы Богу было угодно, чтобы мы летали, Он дал бы нам крылья».

Кроме того, ни один суфий не скажет, что должны существовать группы, совершенно свободные от естественных человеческих склонностей, или группы, которые должны абсолютно отличаться от знакомых нам группировок. Однако он скажет, что ни одна суфийская группа не сможет функционировать с пользой до тех пор, пока групповое сознание в ней не будет сведено до минимума. Для того чтобы это случилось, чтобы суфийская группа могла появиться, участники группы должны прежде всего располагать информацией о групповом факторе и знать, как минимизировать принудительный элемент, свойственный стремлению людей собираться в группы.

Поэтому истинная группа, в суфийском смысле этого слова, есть такая группа, которая содержит в себе минимум «групповщины». Подражательные суфийские группы являются не более чем группировками.

В этом случае было бы полезным провести такой эксперимент: свободно ли почувствуют себя в группе люди совершенно посторонние, не интересующиеся ничем эзотерическим. Если им будет не по себе, то эта группа — не суфийская.

Более того, суфийская группа не есть что-то постоянное. Она может быть распущена, перегруппирована, ее деятельность может быть приостановлена на месяцы, даже на годы, для того чтобы избежать нежелательных специфических черт, которые в ней укоренились.

Другое качество подлинной суфийской группы состоит в том, что ее участники отбираются и приводятся в гармонию, чтобы извлечь максимум преимуществ от группового обучения. Чтобы достичь этого, нужна не трогательная вера в восточных мастеров, которых можно заманить, но

очень специализированное суфийское знание гармонизации.

Суфийские обучающиеся группы — это не центры по вербовке последователей. Они не собрание людей, которые откликнулись на объявление в газете или сформировали группу после того, как прочитали некую книгу или прослушали лекцию, или стали группой в результате того, что поддерживают связь с кем-то, или потому, что интересуются суфийским путем, или в силу того, что они, то есть участники, просто искали компанию, к которой могли бы присоединиться. Такого рода несуфийские группы могут быть опознаны совершенно случайными наблюдателями по личностным конфликтам между членами группы.

Участники же суфийской группы — это те, кому было предписано присоединиться к группе человеком знающим, что делает. И это может быть только суфий. А суфием может быть человек, завершивший процесс своего обучения и воплотивший в себе конечный результат развивающегося процесса — во всяком случае, это не тот, кто все еще учится. Искатели суфиями не являются.

Какая угодно иная группа, члены которой воображают, будто занимаются суфийским изучением, имеет такие же шансы изучить суфийское знание, как и любое собрание людей, пытающихся овладеть какой-нибудь наукой при отсутствии необходимого фундаментального руководства (подобно моим соседям из Кента, если бы они попытались разобраться в электронике).

С этих позиций становится совершенно очевидным, что суфийская группа представляет собой весьма специализированную организацию, чем-то весьма отличную от случайного или созданного наугад объединения людей, которые просто разделяют убеждения друг друга или общие цели.

Уже по одной этой причине ни одна из групп не может быть названа суфийской — если она не создана суфием. Здесь нужно отметить, что суфии не утверждают, будто их группы каким-то образом стоят выше всех остальных разновидностей человеческих объединений. Они просто говорят, что суфийские группы весьма отличаются от них.

Говоря о причастности к группе, можно сказать, что, только присоединившись к суфийской группе, вы можете стать суфием, но это вовсе не означает, что цель любого суфия — делать из людей суфиев. Суфий, однако, обязан установить четкую границу между группами с суфийской целенаправленностью и другими объединениями, какими бы привлекательными или целеустремленными эти последние ни казались.

Существует и другое достаточно распространенное, хотя и не всегда преднамеренное самооправдание, к которому прибегают претенденты в «искатели». Как только им сообщают, что суфийская группа должна возглавляться суфием, они задним числом переименовывают себя в «подготовительную» группу или навешивают какой-нибудь другой похожий ярлык. Название может измениться, но реальность остается прежней. Возможно, у вас добрые намерения, возможно, вы хотите сообщить людям о суфизме, мало разбираясь в этом сами, попутно предполагая, что от лекций и собраний вреда не будет, и прочее. Но эта деятельность полна ловушек и нежелательных побочных эффектов, намного более многочисленных, чем кажущиеся преимущества. Мудрость не проистекает из невежества, и дело не только в этом. Невежество и самообман могут принести огромный вред. Самое безобидное в перечисленных случаях — это то, что подражательные группы неуклонно разрастаются, поскольку предотвратить подобный процесс невозможно.

Желающие действительно учиться посредством суфийских методов могут легко себя проверить. Это такой же тест, посредством которого здравомыслящий человек способен определить свою готовность к изучению любого предмета: готов ли он учиться тому, чему можно научиться на избранном поприще, тем способом, в той компании, с теми материалами, в

те сроки и используя те методы, которые соответствуют требованиям времени, места и индивидуальной ситуации учеников и самого обучения? Или же он (она) предпочитает учиться способом, который ему/ей кажется верным?

Суфийская фраза «Увеличьте свою необходимость» говорит, заметьте, не о желании, а о необходимости. Большинство людей поворачиваются к суфийскому учению не той стороной. Может быть, они и ищут, но отнюдь не того, что могут дать суфии.

Весьма причудлива еще одна тенденция, способная возникнуть в обучающихся группах: вид заболевания, происходящего не от суфийского мировоззрения или учения, но от «мирского вируса». Подобный недуг проявляется следующим образом: человек вбивает себе в голову, будто суфийские идеи необходимо распространять, и создает группу, не имея нужной квалификации. Такого «лидера» легко опознать, опираясь на здравый смысл. Он начинает с того, что противится этому самому здравому смыслу, конечно, ко всеобщему сожалению.

Например, он может взять наши книги, широко опубликованные и доступные всем, и предложить их людям для изучения. Затем он откажется от рациональной интерпретации идей, содержащихся в наших текстах, утверждая или подразумевая, что эти материалы обладают каким-то «другим, скрытым и особым смыслом». Он может выразить это так: «Все, что здесь написано, нельзя понимать буквально». Или же он может объявить: «Нас просто испытывают». Подобные люди сильно западают на идею испытаний. Но суфийские испытания никогда не проводятся в форме, которая позволила бы ученику их заметить, и уж тем более, когда обучающийся находится в «подготовительной группе».

Всякий, кто пытается учить других, говоря при этом, что не понимает смысла написанного, или утверждая, что опубликованные нами материалы содержат какой-то особый смысл, отличный от очевидного, в лучшем случае обманывает сам себя.

Другое весьма распространенное утверждение или подоплека, различимая в словах бесполезного наставника, звучит следующим образом: «Мы не понимаем, но, если будем настойчивы, понимание придет к нам».

С таким субъектом особенно тяжело иметь дело потому, что он или она страдает тайным желанием доминировать. Эта болезнь скрыта как от самого больного, так и от остальных участников группы за завесой «жадности» и самообмана. Только восстановление истинного смирения способно излечить от нее. Для этого необходимо раскаяться в желании доминировать. Но для того, кто вошел во вкус своего пристрастия, подобное требование будет просто невыполнимым.

Часто люди спрашивают: «Этот человек так предан цели, ничего не получает от группы взамен, как же может быть, чтобы он заблуждался или стремился к личной власти?» Задавая подобный вопрос, вы игнорируете тот факт, что есть и другие вещи, которые могут корыстно извлекаться из ситуации помимо, скажем, денег или явной власти.

Как правило, наблюдатель способен опознать заблуждающегося, хотя и высоко ценимого другими руководителя, по следующему признаку: такой лидер создает у других впечатление, что он действует согласно каким-то инструкциям, получаемым от некоего Учителя, живого или уже умершего.

В повседневной жизни подобных людей наблюдается весьма знакомая модель. Как правило, очень часто, у них возникают огромные трудности личного и социального характера, сопровождающиеся постоянными проблемами, приписываемыми «неким испытаниям» или «личному кресту». Все это объясняется очень просто: данный индивид присваивает событиям какие-то воображаемые причины, в результате чего подобная жизненная модель порой преследует его в течение многих лет.

К счастью, иногда ситуация поддается исправлению. Но это частично зависит и от

способности подобного руководителя группы признать, что ему (или ей) необходимо учиться самому, прежде чем руководить другими. В знаниях такого человека существует большой пробел. Пока этот недостаток не будет ликвидирован, никакой прогресс невозможен.

Однако перестраиваться должны не только руководители. Большая доля «вины» за сложившуюся ситуацию лежит также и на остальных участниках группы. Их желание участвовать в чем-то важном, особом или многообещающем, тот факт, что они поддались чрезмерному чувству собственной зависимости, — все это привело к тому, что они усыпили в себе здравый смысл, необходимый суфиям в качестве предварительного условия духовного прогресса.

Мне неоднократно попадались люди, которые заявляли: «Я цепляюсь за эту группу только потому, что действительно хочу учиться и не вижу для себя другой возможности».

Тому, кто так говорит, собственные слова кажутся совершенно разумными. Но как он объяснит тот факт, что существуют тысячи, возможно, миллионы людей, которые хотят учиться не меньше, чем он, но не ввязываются в неадекватные сборища?

Описанный феномен отнюдь не ограничен группами якобы суфийского направления: на самом деле среди интересующихся суфийским учением таких псевдогрупп гораздо меньше, чем среди других эзотерических объединений. Любой социолог подтвердит, что подобные социальные структуры почти везде будут продолжаться формироваться просто потому, что они используют такие психологические потребности, как зависимость и желание чудес, присущие каждому человеку. Суфии стараются уменьшить влияние этих характерных черт, эзотеристы же питаются ими — они ищут чудес, «понуждений», охотятся за сокровенным смыслом и откровениями. Такой подход в высшей степени неприемлем.

Какие еще причины, помимо некоторых естественных человеческих склонностей, создают перечисленные выше проблемы, превращающиеся в камень преткновения для людей, часто вполне разумно проявляющих себя в остальных областях жизни? Здесь небезынтересно будет отметить, что еще существует только одна причина. Ее присутствие мы обнаруживали везде, где встречались с описанными выше отклонениями. И состоит она всего-навсего в том, что, как оказалось, обсуждаемые здесь личности не смогли придерживаться одной-единственной программы обучения.

Они сгребли в кучу все виды эзотерических, религиозных и тому подобных фрагментов, взятых из разных источников, и стараются связать их вместе или, во всяком случае, включить в свое мышление. Иными словами, эти экспериментаторы пытаются делать обратное тому, чего требует любая прозрачная система обучения.

Суфийское учение не отличается от какой-нибудь другой целенаправленной и отработанной системы обучения, принятой в любой области. Оно требует от ученика пройти серию тщательно выверенных, последовательных стадий развития, не вовлекая в этот процесс воображение, предположения, материалы из других источников или концепции, принадлежащие другим эпохам, местам и людям. Иными словами, куда бы она ни проецировалась, эта система является завершенной.

Подобный подход не привлекает тех, кто, воображая себя желающими учиться и идти вперед, на самом деле просто хочет вариться в собственном соку. Они достаточно эффективно отрезали себя от всякого реального учения или изучения.

Предположение, лежащее в основе всех человеческих культур

Все человеческие культуры, какими бы разными они ни казались поверхностным

наблюдателям, в конечном счете неизменно основываются на одной и той же предпосылке, вроде предположения, что если алчность порочна, то, стало быть, отречение от алчности, как нечто противоположное, должно быть правильным. Путем автоматических рассуждений (что становится ясным, если брать в расчет не аргументы, используемые в той или иной культуре, а собственно свершения — более надежный метод оценки) в этих культурных контекстах формируется следующий вывод: *раз уж абсолютная алчность полностью предосудительна, то совершенное от нее отречение должно быть полностью достойным похвалы.*

Конечно, основываясь на такой идее, культурные сообщества подобны младенцам или дикарям с их бесполезным образом мышления, побуждающего, например, прийти к такому выводу: *если одна таблетка аспирина снимает головную боль, значит, 1000 таблеток аспирина приведет к просветлению.*

Правда лежит посередине. Никто не спорит, что алчность вредна, и ее последствия можно легко проиллюстрировать, следуя даже такому заведомо преувеличенному логическому построению: «Если бы алчность одного человека возросла до абсолютного предела, остальным людям не хватило бы еды и алчный остался бы в одиночестве. Тогда жадность уничтожила бы самое себя, так как не осталось бы никакого объекта для стяжательства, правда, и человечество тоже вымерло бы».

Однако почти всегда существовали менее многочисленные объединения людей, сознававших, что варварские способы мышления не только непродуктивны, но и явно недостаточны и создают больше проблем, чем решают.

Эти-то группы и передавали остальным намного более утонченные образцы мышления, явно отсутствующие во всех современных культурах.

Представители современных культур, проявляющие способность к пониманию подобного обрывочного развития своих мыслительных моделей, должны бы осознавать, что никто не в праве ожидать от человека отказа от общепринятых способов мышления. Ведь в этом случае он оказался бы непонятым своими товарищами, что серьезно помешало бы ему успешно жить в обществе в духе добрососедства и согласия. Это, однако, не означает, что «утонченный варвар» и вовсе лишен возможности внести дополнительные измерения в свое понимание, даже если он не может сделать эти измерения доступными для своих товарищей в пределах тех убогих мыслительных структур, в которых они требуют объяснений.

Однако, прежде чем индивид попытается увеличить широту своего знания и собственную объективность, пусть спросит себя, действительно ли он к этому стремится. Я говорю так, поскольку совершенно очевидно, что большинство людей не желает углублять свои знания, что бы они ни воображали по этому поводу. Если бы это было не так, люди давно бы уже заметили, по крайней мере, некоторые из нелепостей и недостатков своей нынешней модели мышления. Реальных признаков, свидетельствующих о том, что за последние несколько тысяч лет подобные прорывы происходили в сколько-нибудь значительном масштабе, не обнаружено.

Никто из тех, кто стремится распространить вышеозначенное знание в человеческой среде, не может не осознавать следующего факта: среди людей, верящих, будто они пытаются увеличить свое знание, восприятие и сознание, лишь очень немногие действительно стараются это сделать. Остальные просто пользуются теми же словами, требуя от подобной деятельности того или иного личностного удовлетворения: социальные, личные и общественные интересы — это лишь наиболее очевидные факторы, отвлекающие человека.

Почти всем человеческим сообществам свойственно придерживаться универсального убеждения — свято чтимого и некритически принимаемого общественными институтами, — что та или иная мысль (идея) может быть истиной только в том случае, если она:

- удобна;
- правдоподобна;
- убедительна;
- допустима на основе прецедента;
- является общепринятой истиной;
- доказуема в пределах критериев, которые установлены самозванными авторитетами или их преемниками;
- признается некоторой учрежденной группой экспертов, — в противном случае ее запрещено считать истиной.

Но если мы на минуту остановимся, чтобы разобраться, в чем тут дело, сразу же станет очевидным следующий факт: идея, проект или почти все что угодно в действительности не нуждается ни в каких иных характеристиках, кроме одной — быть истиной.

Правило: истина не зависит от того, считает ее истиной или нет какие бы то ни было индивидуумы, машина или группа людей.

Внимание

Человек добивается внимания, потому что нуждается в нем.

Оно — часть его человеческого питания.

Получение и использование внимания происходит по образцу поиска и употребления пищи.

Слишком малое количество внимания вызывает признаки голода.

Внимание в чрезмерных дозах «переполняет» индивида, и он лишается способности постигать что-либо другое.

Человек находится на стадии, на которой он жаждет внимания и не осознает этого. Он желает не объекта внимания, но самого внимания, получаемого от объекта.

Он подобен ребенку, дикарю или животному в том, что у него есть нужда, парализующая его, так как ее удовлетворение не организовано должным образом.

Если бы человеческие существа не выработали привычку к регулярному питанию, они, сходным образом, ни к чему не были бы пригодны, так как то и дело совершенно импульсивно прерывали бы свои занятия, чтобы поесть.

Люди, способные давать и получать необходимое количество разнообразного внимания нужного качества, несравнимо более эффективны и свободны, нежели те, чья жизнь подчинена страстной погоне за вниманием, при отсутствии ясного представления о своей ситуации.

Желание быть замеченным

Люди, заявляющие, что им не уделяют такого внимания, какого они заслуживают, вели бы себя иначе, если бы это было правдой.

В равной мере заблуждаются и те, кто заявляет, что не нуждаются во внимании, тогда как оно им необходимо. Когда им дают то, на что они претендуют, они часто отвергают предложенное, поскольку все время хотели только одного — внимания. Это, однако, ни в коем

случае нельзя называть вниманием, поскольку такие личности предпочитают чувствовать, что их привлекает нечто «более важное».

Подлинное сообщество

Наше сообщество — это подлинное сообщество. Обычные сообщества возникают, растут, развиваются, умирают и восстанавливаются по определенным, очень схожим образцам.

Принято думать, что эти сообщества отличаются друг от друга различными внешними формами.

Но всем им присущи характеристики, основанные на использовании таких человеческих склонностей, как самоуважение, алчность, желание получать одобрение (или, в случае неудачи, — порицание, словом, внимание любого рода) и так далее.

Будучи не в состоянии или не желая сопротивляться общественному спросу на те или иные виды удовлетворения, почти все руководители человеческих групп, сознательно или нет, пользуются этими рычагами.

Соответственно почти все человеческие группировки, какими бы ни были их видимые цели, по своей структуре неизбежно напоминают одна другую. Они являются, или быстро становятся, воплощениями упомянутых характерных черт, лишь маскируясь под тех, кто «ищет знание», или «духовно возвышает людей», или «распространяет информацию», или даже «увеличивает богатство и производительность».

Они смогут создавать видимость названных устремлений лишь до тех пор, пока отдельные индивиды и массы людей будут реализовывать свои низшие потребности или им можно будет обещать подобное удовлетворение.

Этот факт очень хорошо известен социологам и психологам. И поскольку он так примечателен, многие специалисты зашли столь далеко, что считают, будто ни одно человеческое сообщество не может возникнуть, развиваться или выжить, если не будет потворствовать низшим человеческим склонностям.

Если бы это действительно было так, у рода человеческого не осталось бы никакой надежды.

И хотя очевидно, что на низшем уровне развития личности человеческий эгоизм можно использовать для достижения общественных целей («сделай что-нибудь «хорошее», и ты почувствуешь себя хорошо»), высшая философия все-таки должна в какой-то момент начать действовать. Если этого не произойдет, если более высокоорганизованный тип сообщества не будет развиваться, ничему, вне общего социального знаменателя, не суждено появиться.

Суфийская деятельность направлена на развитие в человеке осознания того, что удовлетворение его привычного «я» может быть законно в незначительных вещах, но им нельзя воспользоваться как трамплином к высшему пониманию.

Наше сообщество остается преданным высшему развитию человека ровно в той степени, в какой принадлежащие к нему индивиды и группы в процессе изучения не забывают о возможности существования цели более высокой, чем замаскированный поиск самоудовлетворения.

Являются ли люди машинами?

Люди не любят, когда их называют машинами. Тем не менее большинство людей нельзя

даже машинами назвать, пока они не приобретут способность оценивать качественную сторону переживаний. Вместо того чтобы уметь воспринимать в одном-единственном опыте целый спектр влияний, они чувствуют, что пережили нечто трансцендентное, если это их глубоко тронуло. К тому же, в отличие от машин, у человека нет рычага, включающего или выключающего переживание. И наконец, чтобы создать переживание, человек не располагает никакими иными средствами, кроме наиболее опасных, — методом тыка: например, погружаясь с головой в случайные ситуации или принимая наркотики.

Одна из целей настоящей эзотерической подготовки состоит, в первую очередь, в том, чтобы овладеть низшим контролем — таким, какой присутствует в машине, — прежде, чем стремиться к высшему контролю.

Оценка и служение

Представьте себе ребенка, примитивного или необученного человека, который наблюдает за умелым рабочим, совершающим серию последовательных действий.

Этот наблюдатель, если ему недостает информации (а может, и опыта), придет к определенным выводам по поводу того, что он видит.

Среди прочего он может посчитать, что наблюдаемые им действия случайны, являются игрой, механическим ритуалом, эффектным представлением и так далее.

Наблюдатель может начать повторять то, что видит. Возможно, подобное подражание, из субъективных соображений или даже по причинам физического характера, доставит ему удовольствие. В этом случае он может заключить, что обнаружил мотив самих действий.

С другой стороны, по многим причинам подражание может утомить индивида или «не принести результата». Такой опыт почти наверняка побудит его принять или даже поверить, что его собственные предположения о данных действиях истинны, хотя это может и не соответствовать действительности.

Наконец, подражание может овладеть им до такой степени, что он будет чувствовать потребность постоянно повторять действия, которым научился. На основе своего опыта он также, предположительно, сформирует то или иное мнение, но опять же весьма далекое от реальных фактов.

Разумеется, возможны и многие другие опыты, и их интерпретации, вытекающие из простой ситуации, которую мы здесь описали.

Теперь заметьте, что в жизни бывает множество обстоятельств, когда любой из нас, отдельно или в группе, ведет себя точно так же, как ребенок, примитивный или невежественный человек. Это очень похоже на ситуацию, когда люди сталкиваются с идеями, поведением, поступками или другими феноменами, основанными на знаниях (или на информации), которых у них, как у наблюдателей, нет.

Они совершают ошибки, явно нелепые, сталкиваясь с обстоятельствами, в основе которых лежат факторы, недостаточно им знакомые, или факторы, в отношении которых они были информированы неправильно или недостаточно подробно, когда сведения носили слишком общий характер или были неприменимы.

Подобная ситуация со всеми составляющими практически повторяется в отношениях изучающего (или желающего изучать) высшее знание и учителя, дающего это знание.

Как вы легко поймете из дальнейшего материала, на учителе лежит бремя ответственности за то, чтобы ученик был должным образом проинформирован, имел достаточно знаний и умений для получения пользы от самого учения.

Учение, в свою очередь, должно быть представлено в таком объеме, качестве и форме, которые соответствуют как потребностям ученика, его способностям и сформировавшемуся у него образу мыслей, так и минимальным требованиям, необходимым для выражения самого учения.

Без всех этих условий настоящее учение невозможно.

Состояние ученика оценивается не самим учеником, но учителем, который предписывает ученику обучение. Без адекватного контроля над обучением и воздействием учебного материала на ученика прогресс невозможен.

И вовсе не является исключительной ситуация, когда два студента занимаются по идентичной программе, но в результате один из них выходит механически обусловленным, а другой развитым правильно.

Второй студент в таком случае пойдет дальше в своем развитии, тогда как первый либо станет счастливым, но ограниченным приверженцем учения, либо должен будет «разобусловиться», чтобы обрести способность действительно учиться.

Впечатляющие примеры таких различий часто встречаются в ситуациях контакта между людьми, когда речь идет о служении некой личности, какой-то цели или доктрине. Это то, что мы называем «стадия служения». Всем людям следует научиться, как выполнять служение таким образом, чтобы приносить пользу и себе, и другим. Поверхностные объединения представляют собой лишь пародию на этот процесс, бесценную в качестве предупреждения, но бесполезную как пример для подражания.

Анонимные ученые

Именно так можно назвать категорию разочарованных ученых, к которой относятся люди, не переносящие ограниченности именно тех структур, чьей поддержкой они сами пользуются. Я получаю все больше и больше писем от подобных личностей. Некоторые из них весьма известны в своих областях. Однако они не решаются публиковать или высказывать идеи, не имеющие «подтверждения» в системе критериев, приемлемых для масс. Это является поводом для огорчения. Порой они сравнивают себя с Галилеем и другими мучениками за науку. Возможно, некоторые из них и правда мученики или могут стать ими. Они умоляют, довольно трогательно, чтобы кто-нибудь опубликовал их работы под псевдонимом, гарантируя анонимность. Справедливости ради замечу, что коль скоро они действительно так страдают, как пишут об этом, им следовало бы взять на себя ответственность за последствия и стать настоящими Галилеями. Если многие письма этих традиционных «специалистов» словно написаны одноглазыми мумиями, то другие похожи на статьи в женских еженедельниках:

«Если я расскажу о том, что думаю, мои коллеги пустят слух, что я сошел с ума. Не знаю, сколько еще смогу продолжать подобную жизнь, понимая, что академическое мышление и система так называемых доказательств — подделка, основанная на психологическом обмане, а часто — и на грубой подтасовке материалов...»

Вы выше или вне этого?

Каждый, кто проработал хоть какое-то время с претендентами на изучение специализированных «высших» материй, часто сталкивался с тем, что люди, которые подразумевают, говорят или думают, что они «выше» или «вне» некоторых идей, утверждений,

занятий психологического или духовного толка, скорее всего, именно в них и нуждаются.

Причина, разумеется, в том, что один из путей избежать ситуации, пребывая в которой они опасаются обнаружить недостаток собственных способностей, — просто сказать: «Это меня не касается».

Те, кто лучше знаком с подобным явлением, знают: люди, которые действительно выше или вне вышеупомянутого, дают знать о своем уровне совершенно отличным от подражателей образом. Ничего подобного они не думают, не подразумевают и не говорят.

Знание повсюду

Высказывание, что тотальное знание вездесуще, является настолько же истинным, как и любое другое общее утверждение.

На практике же только присутствие учителя позволяет знанию проникать в ученика.

Человеческий элемент абсолютно необходим.

Учитель — не тот, кто предоставит вам возможность ощутить мир и гармонию, как вы, видимо, надеетесь. Он может дать вам любовь, знание, способность к действиям настолько продвинутого порядка, что эти ранее известные вам понятия, предстанут всего лишь имитацией.

Усвоенные методы

Если вы заимствуете методы и институты, разработанные людьми с одним-единственным набором идей, подобные приобретения рано или поздно возобладают над вами. В результате ваши собственные идеи или цели будут подавлены ментальными моделями, которые первоначально присутствовали в используемом вами инструменте.

Этот принцип можно пронаблюдать на протяжении всей истории человечества.

Например, если религия перенимает структуру и обряды другой религии, она придет к тому, что станет походять на источник заимствования больше, чем на самое себя. Даже возобладав над другой религией в какой-то местности, новая религия разовьет в себе те симптомы или недостатки, которые были свойственны ее предшественнице. Единственное, что будет добавлено, так это определенное количество энергии, но и та вскоре будет израсходована.

Вот все почему монотеистические религии, включающие в себя черты язычества, вскоре оказываются побеждены язычеством.

Такая же судьба постигнет экономические и политические системы.

Подобное ожидает также народы и сообщества, организованные на новых принципах, — в том случае, если они прививаются к удобному и обычно все еще живому корню прежней системы.

Особые идеи, новые разработки, если вы хотите, чтобы они расцвели, нуждаются в совершенно адекватных структурах и методах.

Структуры, изначально сотворенные для какого-то одного типа мышления или созданные людьми, мыслящими согласно некой ограниченной модели, будут, подобно растениям, всегда приносить одинаковые плоды. «Все возвращается на круги своя».

Аппарат

«Светочувствительные сенсоры расположены в верхней части центральной башни с ограниченной амплитудой вращения, которая способна к горизонтальному, вертикальному и, частично, вращательному движению, что делает возможным направить данные сенсоры и другое оборудование к специфическим источникам раздражения. Башня содержит химическую и электронную системы оценки. Эффективность аналитического устройства значительно варьируется от модели к модели. Весь объект в целом обладает относительно слабой термостойкостью.

Выпуклость с двумя газозаборниками содержит систему идентификации определенных твердых примесей. Далее расположена сдвоенная, разнонаправленная система определения вибраций. Объект перерабатывает три тысячи галлонов газа за 24 часа.

Расположенный в центре нижней части башни реактор служит для первичной загрузки топлива».

Научнообразное описание человеческой головы.

Книги и чтение

Заметили ли вы кое-что по поводу книг и их названий?

Если я устно или письменно упоминаю книгу, даже просто как ссылку, люди спешат заполучить экземпляр. Если я рекомендую книгу (редкое издание), они спешат заполучить экземпляр. Если кто-то упоминает книгу, которую упомянул я, люди спешат заполучить экземпляр. Если я прошу кого-то достать мне книгу, другие спешат заполучить экземпляр.

Все эти люди истолковывают одним и тем же образом (спешат достать книгу) несколько различных намерений с моей стороны. В одном случае книга упоминается просто для того, чтобы отметить, что она существует, в другом — потому, что прочтение ее принесет пользу одним людям и не принесет другим, в третьем случае — поскольку я сам намереваюсь сделать примечания к этой книге или ее перевод, так как существующий вариант не подходит или неправилен.

Печально, но за всей этой «читательской» деятельностью стоят два неприемлемых фактора, а именно:

1. Людей захватывает что-то наподобие жадности, вроде примитивного чувства, что в «книге» скрывается нечто; а все потому, что их алчность сильнее разума.

2. Учащиеся предполагают, что таким образом им рекомендована книга, даже если для подобного вывода вообще нет оснований, и они как бы в силу своей избирательной слепоты закрывают глаза на факт, не раз отмеченный мной: книги предназначены для конкретных сообществ, ради которых они написаны, и отнюдь не скрывают в себе нечто ценное для всякого, кто пытается овладеть их смыслом.

Вы можете причинить себе вред, хватая все упомянутые мной книги и пытаясь понять их; особенно, когда по своему выбору игнорируете другие вещи, которые я говорю: в частности, что многие книги, предположительно принадлежащие к нашей области, вводят в заблуждение.

Некоторые части подобных книг могут подходить для нашего общества и нашего времени. Их специально делают доступными для изучения. Разве этого недостаточно?

Многие специальные книги, касающиеся традиционных учений, на самом деле служат чем-то вроде энциклопедий: какие-то части в них применимы только к определенным стадиям. Что бы случилось с вами, если бы вы выучили наизусть всю «Британскую энциклопедию», когда вам нужно было только прочитать статью о духах? Это не дало бы никаких результатов, разве что вы заикнулись бы или на чтении, или на «Энциклопедии».

Не удивительно, что после прочтения некоторых книг, из которых я цитирую короткие отрывки или упоминаю какие-то отдельные детали, множество людей приходит ко мне или шлет письма, заявляя следующее:

«Я не понял», или:

«Я не согласен», или:

«Я хочу обсудить это», или:

«Это изумительно», или:

«Дайте мне еще книг», или:

«Хватит книг! Что мне делать?»

Подобные люди в лучшем случае впустую тратят время.

Я не занимаюсь научной, литературной или издательской деятельностью. Моя функция — обеспечить вас тем, что вам нужно, в наилучшее время и в подходящем месте. Ни вы, ни я не можем отказываться от ответственности, действуя как полуграмотные люди или подростки и разыскивая ответы в книгах. Утонченное использование литературы, специально приспособленной для охраны подлинного знания, было доведено до совершенства тысячи лет тому назад. Способ раскрытия такой литературы должен быть не менее утонченным.

Познакомьтесь с подобной точкой зрения. Если до сих пор оправданием вам служило то, что прежде вы этого не знали, помните — теперь вы проинформированы.

Если я захочу, чтобы книги изучались, я вам так и скажу. Если бы я желал, чтобы вы охотились за книгами, я знаю, как сказать: «Охотьтесь за книгами». Мне не нужно делать намеки, перечисляя, под видом ссылок, книги, которые в действительности предназначены для того, чтобы вы их достали и прочли.

Нам необходимо читать, писать и воспринимать на слух письменные материалы, нужно, чтобы нам их читали. Нам также требуется встречаться, проводить собрания, осуществлять учебу самыми различными способами, если мы не хотим быть пойманными на удочку так называемой панацеи и не надеемся «открыть» истину посредством трюка: простого приема, упражнения или книги.

Разница между бесполезным и полезным не в том, что где-либо содержится, но в том, как с этим работать.

Ваша учеба должна быть составлена из ряда элементов, находящихся в правильной пропорции. На нынешней стадии книги являются необходимым элементом, но в то же время они составляют лишь часть целого. Любая система, по существу заявляющая: «Цели можно достичь с помощью простого метода», основана на глупости, алчности или инфантилизме. Вместо того чтобы притворяться, вы с таким же успехом могли бы применить к себе принципы обусловливания и просто сказать: «С помощью этого знака, тотема, книги, упражнения я обучу себя чувствовать так, как будто я на пути к чему-то». Это, по крайней мере, будет честнее.

Скука, учение и развлечение

Некоторые люди поступают на курс обучения и начинают скучать. Следующая стадия — это либо бросить учебу, потому что они не выносят скуки, либо сказать: «В этом вряд ли есть толк, потому что это неинтересно».

Они имеют в виду, конечно: «Я пришел сюда не только для учебы, а еще и поразвлекаться. Не понимаю, как можно получать учение из одного источника, а развлечения — из другого».

Как только реальная проблема (человеку необходим источник развлечения) установлена, она может быть решена.

Учеба «перестает быть скучной», если ученик не нуждается в развлечении в тот момент, когда сидит в классе.

Эту проблему часто путают с теорией, гласящей, что «все инструкции должны быть приятными».

Для такой теории не больше основания, чем в следующем рассуждении:

«Некоторые виды обучения могут быть сделаны развлекательными. Замечено, что прогресса достигают те люди, которых учеба развлекает. Поэтому мы полагаем, что вся учеба может или должна стать развлекательной». На самом деле, конечно, большая удача, если учение может быть сделано развлекательным, но это не всегда возможно. Когда изучение должно оставаться серьезным, необходимо найти развлечения в другом месте, чтобы эта часть потребностей ученика была удовлетворена.

Затем он сможет учиться, не испытывая скуки, если, конечно, не обусловлен скучать, что является уже отдельной проблемой.

«Мне никогда не удавалось изучить что-либо, пока мне это по-настоящему не понравится» не означает (в отличие от общепринятых представлений): «Никто не сможет чему-то научиться, пока ему не понравится это (то есть пока он этим не развлечется)». Все как раз наоборот: когда люди отчаянно ищут развлечений, они будут искать их повсеместно, пытаясь превратить серьезное и неразвлекательное обучение в игру. Поступая так, они часто лишают себя возможности по-настоящему изучать некоторые вещи.

Это особенно заметно в определенных академических кругах, где ученые и студенты «смакуют» мелкие детали и мнения ради незначительного эмоционального удовлетворения, которого им недостает в обычной жизни из-за низкой социальной приспособляемости.

Основные соображения

Число предположений о высшем, внутреннем, или глубоком познании, человека (и о тех, кто вовлечен в его передачу) удивительно невелико и составляет основу заблуждений, в сеть которых неизменно попадают потенциальные студенты, ученики, последователи и искатели.

Принятие упомянутых предположений дает неизменный результат: они производят одержимых («обусловленных») людей, иногда называемых верующими, а также порождают беспокойство у тех, чьи ожидания перечеркиваются действительностью.

Пристальное изучение таких ловушек совершенно необходимо для всех, кто ищет настоящего знания, не говоря уже о действительной самореализации, внутреннем мире и каком-либо достижении вообще.

Соображение 1

К внутреннему знанию не всегда можно подойти, если ищешь в нем ответа на свои личные психологические проблемы. Есть возможность подступить к нему и с этой стороны, но только для отдельных индивидов или на определенном жизненном этапе. Из этого не следует, что такой подход годится для всех людей во все времена. Думая иначе, мы больше создаем проблем, чем решаем.

Соображение 2

Верить, что в книгах заложено все, так же правильно — и столь же ошибочно, — как верить, что в книгах вообще ничего нет. Здесь опять же следует придерживаться инструкций своего учителя, который подскажет, какие книги читать, когда и как именно, а когда не читать вовсе.

Соображение 3

Полагаться на кого-то, кто имеет авторитет в обществе, на великого учителя, литературу, упражнения или уповать на одну только традицию — все это просто химера. Нужно научиться извлекать питательные элементы из всего перечисленного и из многого другого. Не следует придерживаться «чего-то одного» в своих поисках.

Соображение 4

Одна из главных ошибок потенциальных мистиков, псевдоокультистов и неискренних религиозных людей состоит в том, что они путают эмоциональность или сентиментальность с духовностью. Эмоция является важным фактором человеческой жизни — ее следует понять. Подобное понимание может быть достигнуто только под компетентным руководством.

Соображение 5

Под компетентным руководством понимается руководство компетентного учителя. Такой, необычайно редко встречающийся индивид не имеет ничего общего с тем, кто рассчитывает вызвать эмоциональную реакцию у слушателя, которому в данный момент времени по душе те или иные его слова. Он также не относится к людям, полагающимся (явно или нет) на причудливые или авторитетные догмы. Он — учитель.

Соображение 6

Попытки следовать мистическим или другим высшим целям в том виде, в каком они сформулированы индивидами и сообществами с явным мистическим уклоном, вполне понятны. Однако есть и всегда было бесчисленное количество отдельных лиц и организаций, осуществляющих это учение в такой манере и форме, что никакой поверхностный мыслитель не смог бы предположить, что подобные люди или организации вовлечены в выполнение задачи высшего порядка.

Соображение 7

Когда подлинный учитель определяет курс обучения или предписывает человеку или группе какое-то действие, или бездействие, или вообще что угодно, — только это, и ничто другое, является единственной формой учения в данный период времени.

Соображение 8

Человек может поверить, что он учитель, или искатель, или кто-то там еще, но эта вера не в состоянии сделать его тем, кем он себя считает. Люди могут верить в то или другое, но чему только они не верят! Убеждения менее важны, чем действительное состояние. Индивид обычно не осознает своего внутреннего состояния. Необходим учитель, чтобы оценить состояние человека и сделать соответствующее предписание.

Соображение 9

Как внешние формы отдельных учений разнятся в зависимости от времени, людей, культур, так и форма одного и того же учения претерпевает видимые изменения. Если личность не может усвоить «новую» фазу традиционного учения, она показывает себя неспособной к необходимой адаптации, и, возможно, ей уже ничем не поможешь.

Соображение 10

«Древние» системы сегодня не действенны. Они способны обуславливать людей во что-либо верить, но не развивать их. Ни одна из истинных систем не является древней. Знания, на которых они основаны, — древние. Детали, формулировки, внешние атрибуты должны меняться, причем довольно часто, если цель — сохранение эффективности системы.

Соображение 11

Терпение и нетерпение в одинаковой степени ловушки, потому что проявление терпения и нетерпения является подготовкой для чего-то большего. Люди стопроцентно терпеливые так же не готовы к обучению, как и те, у кого совсем нет терпения.

Соображение 12

Люди, не отличающие настоящее чувство от чувства, которое им было навязано, не могут самостоятельно учиться. Им должен быть предписан соответствующий курс обучения, прежде чем они сами начнут разбираться в проблеме. Только тогда они смогут начать свой настоящий «поиск».

Соображение 13

Когда люди путают дружеские отношения, расслабление или простое чувство благополучия с прогрессом на пути достижения высших целей, им следует вернуться назад и усвоить несколько начальных уроков. Иначе подобные люди рискуют стать кандидатами в записные «мудрецы» и приверженцами поверхностных систем.

Соображение 14

Люди, думающие, что духовные, эзотерические, высшие движения в мире возникают ни с того ни с сего, должны уяснить, что нет ничего более далекого от истины, чем подобное предположение. Чрезвычайно сложное планирование и подготовка должны предшествовать любому подлинному учению.

Соображение 15

Обучающиеся не могут претендовать на самостоятельный отбор каких-то фрагментов учения, чтобы на них сосредоточиться, исходя из того, что эти фрагменты им по душе. Чтобы внутреннее содержание вещей оказало на них эффективное воздействие, они прежде должны изучить основу этих вещей в целом.

Соображение 16

Когда учитель объявляет, что между ним и учеником или группой установлен настоящий контакт, такой контакт никогда не прерывается, хотя участники могут и не знать об этом. Их делает нетерпеливыми или испуганными поверхностный характер испытываемых эмоций, а никак не отсутствие контакта.

Соображение 17

Индивид или группа могут находиться в контакте с учителем в течение продолжительных периодов времени, эффективно работать, не осознавая существования подобной связи, и это будет продолжаться до тех пор, пока учитель не передаст им все, что необходимо. Если, с другой стороны, студенты не выдерживают разлуки или кажущегося прекращения контакта с учителем, он не в силах помочь им, потому что развлекать их и работать на зыбкой почве психологических уверений и воодушевлений или, «обусловленности», не входит в его функции. Подобные ученики лицемеры. Им нужны игры, а не учение.

Соображение 18

Когда учитель предлагает что-нибудь индивиду или группе для изучения, наблюдения или в качестве практики, его задание следует выполнять, даже если оно не кажется логичным или необходимым. Редкий пациент знает необходимое ему лекарство, в отличие от доктора.

Соображение 19

Наилучшие плоды приносят только те «тесты» и виды обучения, которые наименее всего знакомы ученикам. Ведь когда студенты получают задачу для решения, знакомую им из прочитанного, услышанного или в результате практики, что-то в учащемся как бы заглядывает в «шпаргалку» при выполнении задания

Соображение 20

Люди, поставленные руководить другими (индивидами или группами) в русле реализации современной формулы учения, должны считать себя не более чем просто каналами.

Если они будут извлекать из ситуации какую-то личную выгоду или оказывать на других излишнее давление, то сами пострадают пропорционально своим злоупотреблениям.

Соображение 21

Сейчас люди должны узнать то, что когда-то передавалось только по секрету: существует множество разновидностей духовных, социальных и религиозных группировок. Все они привязаны к временному фактору. Большинство — анахроничны. Практически все, кроме содержащих подлинные внутренние учения, серьезно заражены, что является результатом их эфемерной деятельности в земных условиях. Это делает подобные группировки опасными для каждого в той же степени, как и в лучшем случае полезными.

Соображение 22

Людям необходимо тщательно ознакомиться с предлагаемыми материалами или заданиями, вместо того, чтобы использовать их как повод для критики, самовозвеличивания или предлог для мелких споров.

Соображение 23

Любая форма жадности — в том числе к знаниям — мешает настоящему обучению ровно в той степени, в какой подобная жадность присутствует в человеке, группе или организации.

Соображение 24

Гордость (проявленная в человеке или группе) есть форма жадности.

Соображение 25

Глядя на ребенка, можно заметить, что он обладает тремя видами качеств: во-первых, теми, что способствуют его росту, как, например, инстинктивное принятие пищи; во-вторых, теми, что грозят вредными последствиями, — если, например, он проглотит что-нибудь ядовитое; в-третьих, качествами нейтральными. Взрослый человек находится в таком же положении относительно высшего обучения и учения. Он может получить как питательные вещества в знаниях, так и опасные, думая, что они питательны, может бездумно поглотить не относящиеся к делу вещества и думать при этом, что они важны. Учитель, подобно родителям, знает, что есть что.

Соображение 26

Почти все люди, интересующиеся метафизикой, в то или иное время были изучены, чтобы установить их восприимчивость к учению — изучены теми, кто способен их учить.

Однако очень часто будущие ученики совершенно не осознают, что подобные исследования имели место. Они продолжают искать высшие знания, пытаясь вступить в контакт с вульгарными проявлениями того, что они считают истинным учением.

Соображение 27

Организации и вообще любые объединения, созданные для изучения истинных высших наук, живут как бы своей собственной жизнью. Они являются «точками концентрации». Жизненно важно, чтобы они продолжали свою деятельность и ими не пренебрегали, но в то же время и не превращались в центры по «производству золотых тельцов». Они являются такими организмами, через которые в должное время устанавливаются высшие контакты.

Соображение 28

Последовательное повторение чего-либо — встреч и занятий, действий и упражнений, которые выполняются строго по расписанию, — почти всегда служит признаком вырождения традиции. Подлинная школа варьирует свою деятельность и передвижения в соответствии со специальным образцом. Этот образец не имеет ничего общего с повторяющейся процедурой.

Соображение 29

Мужчина (как и женщина) имеет бесконечные способности к самосовершенствованию. Равно он или она имеет и бесконечные способности к саморазрушению. Человек может быть жив клинически и в то же время, вопреки всем видимым признакам, мертв духовно.

Соображение 30

Чтобы выявить правильную реакцию, в качестве испытания у людей часто вызывают

переживания необычного характера. Большинство проваливает этот экзамен. Самый распространенный пример, когда людям дают почувствовать нечто из сферы Истинной реальности и они тут же воображают, что должны учить этому других.

Соображение 31

Восприятие бытия иного порядка, когда оно не сопровождается правильной подготовкой, может быть разрушительнее целой жизни, лишенной подобного восприятия. Это происходит потому, что неподготовленные люди неверно истолковывают свои переживания и стараются извлечь из них выгоду на низшем уровне. В качестве примера сошлюсь на тех, кто становятся суеверными, потому что ощутили действие некоего феномена, но слишком ленивы, чтобы попытаться понять его. Другой пример, когда человек воображает, будто некий истинный, но пустяковый «знак» увеличивает его значимость, или устанавливает контакт с божественным, или изменяет его личность. Подобные люди уже почти потеряны, «даже если их репутация возносится до небес».

Соображение 32

Подлинный мотив религиозных проповедей не в том, чтобы облагородить общество, внушить людям мораль и тому подобное, их цель — с помощью особой подготовительной технологии сделать людей способными следовать по пути высшего развития и выносить все, что с этим связано. Однако большинство известных нам религиозных систем сегодня поддерживают свою устойчивость, сосредотачиваясь на внешних аспектах и эмоциональности, потеряв при этом всякий контакт с высшими уровнями смысла, заключенными в их же увещеваниях; они остались с мясом, но потеряли рецепт его приготовления.

Соображение 33

Неизбежных ловушек в обучении две: первая — «синдром обращения», — когда люди верят во все, что им проповедают соответствующие структуры, и вторая — «навязчивая оппозиция», — когда они ничему не верят. Эти два фактора могут одновременно присутствовать в одном человеке, но в различных пропорциях. Задача подлинного высшего обучения — вступать в контакт с людьми и информировать их, не касаясь вопроса веры или неверия. Как то, так и другое относится к программированию ума, которому нет места в реальном учении.

1. Информация, вводящая в заблуждение, включена в подобные системы с целью отвлечь неподходящих людей. Это служит своего рода «фильтром». Сюда же относится поведение эзотеристов, направленное на то, чтобы раздражать или еще каким-нибудь образом отталкивать непригодных.

2. Маловероятно, чтобы внешняя форма эзотерических организаций или даже декларируемые ими принципы имели какое-то значение. Те, кто принимает указанное выше за незыблемые постулаты веры, остаются экзотери-стами.

3. Многие обучающие материалы содержат два или больше смыслов-измерений. Раскрыть их можно посредством особой, а не общеизвестной методики.

4. Основополагающий принцип состоит в том, чтобы связать между собой, в форме определенного взаимодействия, какое-то количество индивидов и некоторые человеческие качества. Именно это является здесь основным намерением, а не внушение, не навязывание убеждений и даже не человеческое служение (вы не можете служить, пока не доросли до служения).

5. Все известные духовные институты, как правило, претерпевают изменения и становятся социальными группировками, если только не применяется особое знание, предохраняющее их от подобного превращения или возрождающее.

6. Существует различие между эмоциональными, интеллектуальными, социальными и терапевтическими потребностями человека. Истинными системами являются те, что все же сохраняют свою жизненность. Все это необходимо различать и не принимать одно за другое.

7. Общеизвестные книги, ритуалы, упражнения и другие элементы учения или обрядовой практики очень часто представляют собой продукт деградации уникально действовавших когда-то факторов просветления.

8. Человек — пленник времени и пространства. Существуют два способа освободиться из этого плена:

- а) использование процессов, нейтрализующих действие названных факторов;
- б) использование момента времени и «места» соответствующим образом и в такое время, когда эти факторы действуют в ритме, способствующем созданию прорывов в человеческом сознании.

9. Человек склонен привязываться к людям и объектам. Цель эзотериста — помочь индивидууму найти в себе такое «я», которое может примкнуть к чему-то более утонченному.

10. Эзотерические культы и формулировки исчерпывают свою эффективность под влиянием времени и других факторов, превращаясь в окаменелости, которые непосвященным последователям все еще кажутся живыми.

11. Совершенно невозможно получить какую-либо пользу, смешав две или более формулы саморазвития. Человек, по своему вкусу составляющий из подобных систем подходящую для себя, смешивает рецепты и в результате может приготовить яд.

12. Группа людей, вовлеченных в эзотерическую работу, может внешне выглядеть как объединение, выполняющее какую-то иную функцию.

13. Многие религиозные и другие организации сохраняют следы высокой сознательной работы. Фактически в том, что сохранилось в религиозных теориях и практике, легко узнать

культурную среду и прочие условия, в которых действовала первоначальная группа.

14. В истинной, правильно функционирующей организации высшего назначения концепции любви, благочестия, усилия, дисциплины, самовоспитания так же, как и принципы морали, должны действовать в равновесии друг с другом. Когда организация стабилизируется только на одном принципе или узком диапазоне теорий или технических приемов, ее функциональность исчерпывается.

15. Вековое невежество относительно мыслительных процессов человеческих существ привело к тому, что многие системы, во всех других отношениях достойные восхищения, однажды были превращены полужнаками в орудия внушения и укрепления навязчивых идей или в хранилища информации с полной уверенностью, что это и есть знание. Или же они были превращены в механизмы, провоцирующие поведение, которое обладает социальной, благотворительной, психологической или развлекательной ценностью, и опять же с полной уверенностью, будто все это выполняет некую иную функцию.

16. Среди людей склонность к поверхностному мышлению поощряли и укрепляли, хотя именно эта склонность часто препятствовала пониманию: например, эксплуатировали человеческую склонность оказывать предпочтение любому новому или всему старому, или экзотическому, или тому, что звучит авторитетно, или таинственному, или эмоционально-возбуждающему и тому подобное.

17. Кажущееся противоречие в принципах, которых придерживались те или иные системы, объясняется тем, что для отдельных сообществ в разные периоды времени и в разных местах были полезны различные «правила». Лекарство фактически прописывалось от каждой отдельной болезни. Тот, кто болеет какой-то специфической болезнью, должен принимать соответствующее лекарство. С другой стороны, если люди здоровы, лечение может только навредить. А возможно, им необходимо другое средство.

Самонадеянность

Для людей низкого уровня развития высшие идеи часто кажутся выраженными с недопустимо высокомерной позиции. Однако это чувство рождается только в результате субъективных реакций.

Если человеку отсталому, невежественному в медицине вы скажете, что способны излечить инфекционное заболевание с помощью простого тюбика с кремом, он, вполне вероятно, сочтет вас лжецом и мистификатором.

Но, в силу своей неосведомленности, он также может принять вас за Бога.

Оба вывода указывают на уровень понимания того, кто оценивает, а не на достоверность заявленного факта.

Вот почему так важно, в частности, установить границу между тенденциозным мышлением, принимающим желаемое за действительное, и полезным образом мысли.

Благотворительность

На днях я ехал в поезде лондонского метро рядом с шестерыми молодыми людьми. Они обсуждали своего знакомого, которому хотели помочь, и с сожалением отмечали связанные с этим проблемы.

Ребята обменялись различными замечаниями, и один парень сказал: «Как бы там ни было,

но благотворительность благотворительностью, а создавать самому себе проблемы — это не дело!»

Я ожидал, что кто-нибудь возразит, но нет, все согласились с его выводом.

Знаки внимания

Когда люди получают от вас слишком много знаков внимания, их аппетит к подобным проявлениям возрастает. И вот уже вы становитесь для них основным источником внимания и, возможно, заменяете другие источники, к которым они обращались прежде.

Отрицательная сторона ситуации в том, что, когда люди ожидают к себе внимательного отношения, наслаждаются подобным отношением или вспоминают об оказанном им внимании, они перестают извлекать из общения что-либо еще.

И все же они будут уверять и клясться, будто основа и цель подобных связей — это все что угодно, только не ритуальный обмен удовольствиями.

Данный факт особенно настойчиво отрицается в культурах, где в той или иной степени получила развитие теория, что удовольствия каким-то образом связаны с пороком.

Постоянные увещевания

Люди, не способные что-либо делать правильно без эмоциональных и интеллектуальных увещеваний, не являются подходящими кандидатами для нашего Учения.

И хотя распространено убеждение, будто на человека воздействуют только указанные методы, факты, однако, говорят о том, что с помощью подобной техники можно повлиять только на умственно отсталых. Под умственно отсталыми я подразумеваю тех, кто не получил все возможное от культуры, в которой сформировался.

Нынешняя, современная нам человеческая культура заявляет, что человек способен действовать, учиться, справляться с трудностями и тому подобное без помощи пропаганды, обусловленности, эмоционального возбуждения и так далее.

Лишь очень немногие реагируют на все исключительно эмоционально, отвечают только на одни возбуждающие команды и на постоянные увещевания. Но такая методика подобна наркотику: чем больше вы ею пользуетесь, тем больше от нее зависите и тем очевиднее для других ваша болезненная склонность. Ситуация подобна тому, как если бы кто-то сказал: «Взгляните на человека, он ничего не в состоянии делать, пока не уколется героином. Такова уж человеческая природа».

Здесь я хочу вам напомнить, что рассматриваемое состояние отнюдь не типично для человека. В каком бы сложном положении не находилось человечество, оно выше подобного уровня. Те, кто утверждает иное, или вопиющие невежды, или пытаются привести в действие примитивное начало в человеке, чтобы сделать людей еще более примитивными, чем они есть на самом деле.

До тех пор пока человек не постигнет этого, ему не узнать ничего, обладающего хоть сколько-нибудь значимой ценностью.

Уясните эту информацию и не потакайте своей лени и желанию забыться в мечтах о том, что вы чему-то учитесь, потому что подобное знание будет совершенно такого же и ничуть не лучшего свойства, чем уже известное вам. Подобная основа недостаточна для высшего изучения, что бы ни говорили по этому поводу некоторые сентименталисты, голоса которых значительно

громче наших.

Критика

Вы спрашиваете, почему моя критика носит однобокий характер, тогда как я мог бы указывать как на положительные, так и на отрицательные стороны того, что я критикую.

Рассуждая подобным образом, вы упускаете из виду, что в наши дни отпала необходимость писать книгу, объясняющую опасность эпидемии чумы.

Точно так же, работая сегодня с антибиотиками, вы просто отмечаете их эффективность или недостатки. Вы не станете сочинять им хвалебные оды, потому что в свое время это уже было сделано.

Очень важно отличать конструктивное мнение от словоблудия.

Для того чтобы прийти к подобному пониманию, необходимо обрести основополагающее знание того, как используются слова, что является лишь нравоучением, а что таковым не является.

Иначе вы просто окажетесь во власти обуславливающей силы слов и человеческих личностей.

Исправление

Ситуация, когда люди ведут себя импульсивно и безосновательно отождествляют социальное поведение с деятельностью «высшего порядка», может быть исправлена.

Метод, доступный каждому, состоит в том, чтобы тщательно ознакомиться с материалами, подобными этим, и усвоить их, потому что они предназначены не только для того, чтобы сформулировать или предостеречь, но и как подспорье в обучении.

Ясность и растерянность

Для современного мышления характерна одна любопытная и одновременно опасная особенность, состоящая в том, что люди готовы горы своротить, если воображают, что поняли какую-либо проблему и им ясно, как ее решать. Подобная ситуация, в свою очередь, дает другим людям массу возможностей создавать видимость ясности в отношении тех или иных вопросов. С этой целью указанные личности поставляют свехупроценные схемы, которые всех устраивают. В результате возникает путаница.

С другой стороны, если замешательство или даже растерянность предшествуют пониманию, то именно это и сможет подвигнуть людей к ясности, стоит им только понять, что существует проблема, которую надо решать, и есть ясность, которая должна быть достигнута.

Когда люди просто получают ясность взаймы, — а в этом случае она чаще всего оказывается не более чем декларируемой ясностью, — они сбиваются с пути.

Причина и следствие

Каждому нужно научиться спрашивать себя:

«Не воображаю ли я, что та или иная вещь, явление или результат имеет некую причину или первопричину, в действительности не имеющую к ним никакого отношения?» Все культуры, при изучении определенных предметов и в ряде областей человеческой деятельности, склоняют людей к подобному размышлению. Но до сих пор это приводило лишь к одному: люди старались следовать подобной формуле в исключительно редких случаях, по крайней мере далеко не так часто, как могли бы.

Создатели культов

Человек — существо, создающее культы. То есть он начинает совершенно формально осуществлять действия, которые могли бы быть созидательными, и затем повторять их ради собственного развлечения.

Точно так же бобры создают плотины, независимо оттого, нужна им постройка или нет. Поверхностные мыслители, не принимая этого во внимание, безоговорочно одобряют деятельность бобров.

В человеке подобная склонность к развлечениям вредна потому, что он мог бы подобрать себе необходимые развлечения, параллельно занимаясь созидательной работой для самореализации на высшем уровне, но предпочитает думать, что, участвуя в игре, исполняет свое «высшее» назначение.

Предостережение

Многие — и совершенно справедливо, — имея дело с метафизиками, проявляют максимум осторожности.

Заметьте, однако, что те же самые люди забывают о всякой осторожности, когда имеют дело со своим «я». В этом случае они весьма часто, можно сказать, ежедневно, позволяют полностью ненадежным критериям, догмам и прихотям оказывать преобладающее влияние на свой выбор друзей и даже играть решающую роль в том, что упомянутые личности с удовольствием называют своим образованием.

Сами того не ведая, подобные люди являются кандидатами в рабство, не столь очевидное, но оттого еще более коварное, чем рабство у капризных гениев многих эзотерических организаций.

У многих людей всегда наготове слова для оправдания подобной приверженности культам и навязчивым идеям. Точно так же произносят речи и их противники, оправдывая свою враждебность ко всякого рода культам. Обе стороны, с первого взгляда противостоящие друг другу, в действительности представляют одно и то же явление: все они, по сути, охвачены одержимостью.

Увидеть это могут опытные наблюдатели. Опыт такого рода нужно сделать доступным и для одержимых. Человек должен пройти через определенный опыт, ведь простая осведомленность, что он жертва собственной одержимости, ему абсолютно ничем не поможет.

Раскрытие

Люди хотят «раскрыть себя». Фраза кажется невинной во всех ее возможных значениях,

однако ее смысл зависит от присущих этому утверждению невидимых и тем не менее существенных предпосылок. Вот они:

1. Существует нечто такое, как человек.
2. Любой и каждый является человеком.
3. Человека или некоторых людей можно раскрыть.
4. Есть внутреннее «я», которое можно раскрыть во всех или отдельных мужчинах и женщинах.
5. С помощью этого самого «хотения» можно раскрыть себя или прийти к самораскрытию.

Прямая передача

Упражнения и занятия помогают развить более тонкие органы восприятия. Это первая часть обучения.

Следующая часть должна проходить в обстановке, когда то, что должно быть воспринято, проявляется более интенсивно. Этот второй раздел обучения многих смущает, потому что основывается на обстановке, времени, месте и присутствии определенных людей. У него есть структура, неуловимая для учащихся. И не удивительно, ведь данный узор основан на тонком восприятии, которым они еще не обладают.

Третья часть не менее важна. Она состоит в том, что между телами устанавливается прямой контакт, при котором возможна как передача, так и прием некоторых данных, слишком утонченных для восприятия обычными способами. Когда вы пытаетесь выразить подобную передачу посредством слов, выходит бессмыслица. Если возьметесь это нарисовать или начертить, многого будет не хватать. Выразив передачу в звуках, вы вполне адекватно уловите некоторую ее часть, но объем будет недостаточным. Модель, составленная отчасти из звука, отчасти из пантомимы и из слов и так далее, является неполной и используется в разделе обучения, связанном с упражнениями. В религиозной жизни подобные элементы переработаны в литургические и другие обряды.

Прямую передачу можно назвать телепатическим посланием, исходящим от индивида или группы, действующих как усилитель некой первоначальной Истины и способных сообщить эту Истину менее развитым индивидам или группе.

Такова одна из функций обучающих индивида или группы. Успешность работы таких людей и групп в конечном счете зависит от существования правильно настроенной и согласованной «принимающей группы».

«Проецируя» свои послания на подобные группы, они в то же время могут воздействовать как на отдельных людей, так и на группы, достигшие определенной гармонии, хотя последние могут и не подозревать об источнике своего «вдохновения».

Нравоучительность

Только что меня спросили, почему я говорю и пишу так «нравоучительно».

Я рад, что мне задали этот долгожданный вопрос. Он был очень нужен мне — для объединения его с другим вопросом, также ожидающим ответа. Вторым вопросом таков: «Почему вы столь не нравоучительны во всем, что от вас исходит?»

Теперь, если меня спросят: «Почему вы нравоучительны?», я отвечу: «Потому, что некоторые интересуются, почему я не нравоучителен».

А если: «Почему вы не нравоучительны?», то ответ будет: «Потому что меня спросили, почему я нравоучителен».

Пока вопрошающие не решат, каков же я, мне придется отвечать подобным образом. Если они захотят довести этот спор до конца, я с радостью дам победителю понятный ответ на один ясный вопрос.

А до тех пор могу только показывать, что вопросы пока еще обращены не ко мне: они просто показывают умонастроение спрашивающих.

Разбавленность и концентрированность

Те, чье существо пребывает в сфере разбавленной реальности, едва ли могут представить себе особенности, потребности и природу реальности концентрированной.

То, что для обычного учащегося, работающего на низком уровне, представляется особенно значительным, для того, кто способен к более глубокому опыту, является чем-то разбавленным.

По этой причине в подлинной эзотерической деятельности искателей высших знаний перемещают из одной группы обучения в другую, посылают в путешествия, удерживают в каких-то местах дольше, чем в остальных, дают им изучать то, что соответствует их растущей эволюционной способности извлекать пользу из областей с все более высокой степенью концентрации.

В сферах концентрации у званий или привилегий нет видимых различий.

Глубина и диапазон традиционных материалов

Большинство людей, делая попытки понять традиционные обучающие материалы, даже не представляют, что определенная часть изучаемого была предназначена только для местного использования, что-то было задумано как ответы на конкретные вопросы, некоторые фрагменты неприменимы или не являются непоказательными по другим причинам; какие-то предназначены для того, чтобы донести смысл как раз противоположный тому, что лежит на поверхности.

Никакая отдельная система анализа не может заставить подобный материал выдать свою тайну. Попытки последовательного толкования могут лишь создать дефективные построения и ошибочные выводы, что и происходит.

Вас наверняка удивило бы, как часто учителя, выражая упрек вроде: «Глупый вопрос заслуживает глупого ответа», пишут или говорят явный абсурд.

Буквалисты из числа учащихся, пытаясь толковать указанные материалы, доходят, к великому сожалению, до полного гротеска.

Вот почему вполне справедливо высказывание: «Спасайте метафизику от метафизиков».

Огромная часть литературы из той, что обладает реальной ценностью, содержит механизм собственного отрицания. Если вы будете читать ее запоем или в своем изучении не опустите некоторые фрагменты, материал не окажет должного воздействия.

Даже ученые подвержены воздействию укоренившихся мнений

Д-р Б. С. Марри, геолог и профессор астрономии в Калифорнийском технологическом

институте, изучающий данные американского космического аппарата «Маринер-9», присылаемые с Марса, так высказывался о субъективизме ученых:

«Марс каким-то образом разросся и вышел за пределы научного изучения, чрезвычайно захватив человеческие мысли и эмоции, что, в свою очередь, исказило научное представление о нем... Причина в следующем: многие люди несут коллективную ответственность за происходящее, поскольку приняли желаемое за действительное... Сами ученые угодили в эту ловушку, неправильно истолковав значение собственных наблюдений... Когда же наконец наблюдаемое даст нам по головам и отрезвит нас, чтобы мы могли прийти к правильным ответам вопреки себе?»

Эта речь, произнесенная в ноябре 1971 года на симпозиуме, отнюдь не совпадает с тем знакомым образом ученого мужа или знатока, который подобные люди проецируют на окружающих. Фактически можно сказать, что лелеемый образ самого себя является одним из факторов, искажающих наблюдения человека и препятствующих пониманию некоторых вещей, особенно тех, что противостоят собственным интересам индивида или ощущаются как чуждые.

Элементы, используемые в наших курсах обучения

В современных курсах обучения мы используем:

1. Материалы, взятые из более ранних учений, не подвергшиеся искажению и все еще актуальные для культуры, к представителям которой мы обращаемся. Некоторые из фрагментов были опубликованы, например «Одиннадцать правил»^[2].

2. Лишь частично сохранившиеся в литературе и по-прежнему актуальные материалы из учений прошлого, на которые все еще имеются указания. Мы подробно излагаем и объясняем эти учебные пособия, а иногда иллюстрируем их примерами из литературы и устной традиции. Такими примерами являются мнемонические^[3] выдержки из суфийской и другой классической литературы.

3. Материалы, принадлежащие собственно учению, однако, выраженные в форме, подходящей для аудитории, к которой они обращены, в соответствии с принципом времени и места. Кое-что из предлагаемого кажется странным, неправдоподобным, даже внутренне противоречивым. Последнее выборочно извлекается из огромного запаса, который сам по себе основан на знании узора истины иного уровня.

Многие, пытаясь сопоставлять все перечисленное выше, впадают в недоумение, что порой приводит к синдрому новообращенного и своего рода фанатичной поддержке, и как следствие обучение таких людей оказывается затруднено. Другие доводят свое недоумение до противодействия всему материалу или некоторым его частям — их тоже трудно учить. Обычное изучение, в академической или традиционной манере, не способно определить, какие фрагменты из письменного литературного наследия можно использовать, а какие уже не имеют ценности. Вследствие этого и из-за отсутствия материалов третьего вида (см. выше) возникает рабское подражание, традиционализм и утрата эффективности, что создает благоприятные условия для проникновения автоматизма в учебный процесс.

С другой стороны, на этапе, когда в культуру вводится учение, подобное нашему, человеческое замешательство и недостаток неопровержимых фактов, на которых могли бы основываться учебные материалы, по самой своей природе не обладающие фактической достоверностью такого рода, побуждают людей обращаться к сплетням, слухам, фантазиям и так далее.

Всякое подлинное обучение окружено завесой предположений и фантазий, слухами и реакцией на молву. Это уже само по себе создает нездоровую ситуацию, поскольку люди внешнего мира склонны формировать свои мнения как раз на основе таких непоказательных факторов. В результате, когда работа входит в стадию завершения, тех, кто поверил в искаженную версию, вполне может оказаться больше, чем сохранивших верность подлинной форме рассматриваемой деятельности. Последние могут оказаться в меньшинстве и только из-за одного этого прослыть еретиками, что вполне объяснимо в свете человеческого стремления к общему консенсусу.

У подобной проблемы нет легкого решения, кроме просвещения. Под этим я подразумеваю, что людям необходимо сообщить следующее: как бы страстно кто-нибудь ни хотел дать им какой-то единственный и простой набор убеждений или действий, на которых они могли бы сосредоточиться, непременно результатом будет обусловливание.

В конечном счете подлинные учения могут работать только с людьми, готовыми изучать все, что должно быть изучено, а не с теми, кто использует нас ради собственного развлечения, или «игры», сознают они это или нет.

Именно для осуществления подобного образовательного проекта подлинные обучающие институты должны первым делом расширить учащимся базу для подхода к высшему изучению. Здесь уместна аналогия с обычными системами образования. В подобном образовании, прежде чем приступить к специализации того или иного рода или быть допущенным к продвинутому обучению, учащийся проходит курс общего образования, что создает фундамент для его дальнейшего обучения. Начинающие студенты часто недоумевают, когда им приходится изучать ботанику или бактериологию, прежде чем их, как будущих врачей, начнут учить лечебному делу. В действительности, благодаря этим начальным курсам, учащиеся накапливают фактическую информацию, приобретают профессиональные навыки, а также упражняют ум, для того чтобы в дальнейшем справляться с более сложными задачами.

Подлинные центры обучения высшему знанию на самом деле являются образовательными институтами для изучения высших наук, и в этом качестве они на определенном этапе должны обеспечивать основу для продвижения в названном направлении.

Привычка подвергать сомнению курс обучения, как бы она ни была типична для пытливых умов, зачастую может почти полностью выйти из-под контроля. Если человек не знает, какие вопросы нужно задавать с пользой для дела, то, спрашивая, он получит меньший результат, чем можно ожидать, предположив, что задавать вопросы предусматривается процессом обучения.

Для многих людей привлекательна сама идея, что человек может правильным образом изучать то, что хочет, и когда он этого хочет, они не замечают здесь никакого подвоха, и как следствие подобная идея разрушает их способность к учению.

Властные проявления

Почти все человеческие организации являются властными структурами.

Поскольку считается, что получение и реализация власти связаны с силовым поведением, люди перестали распознавать властные организации. Как следствие, человеку уже невдомек, что делает он сам и что с ним происходит.

Например, в ситуации «эмоционального шантажа» власть и принуждение содержатся точно в такой же степени, как когда проявляется гнев или прямое давление.

Если человек, обладающий властью, пользуется репутацией доброго и мягкосердечного, предполагается (и совсем напрасно), что давление, оказываемое им, вовсе и не давление. Тот,

кто говорит: «Вы должны это сделать, потому что иначе очень разочаруете меня», мало чем отличается от командующего, того, кто отдает приказания: «Сделай это, потому что я требую, чтобы ты это сделал».

Повторять, что данный факт всем давно известен, абсолютно бесполезно, так как, если о чем-то уже говорилось или что-то было замечено, но осталось без практического изменения, урок нельзя считать пройденным.

Люди стараются реализовывать свою власть над теми, кто «ниже» их. Но те, по отношению к кому, как полагают, реализуется власть, сами проявляют властность, сводя на нет чужое проявление силы.

Власть оперирует только там, где есть добровольная или иная договоренность, согласно которой люди готовы делать что-то, поскольку в ином случае у них могут быть неприятности. «Сделай это, или я причиню тебе неудобство» — такова общая формула взаимоотношений для участников властной ситуации: как тех, кто оказывает властное давление на нижестоящих, так и для подчиненных, которые, в свою очередь, давят на вышестоящих.

Там, где нет такого договора и одна сторона может обходиться без другой, НИКАКОЙ ВЛАСТНОЙ СИТУАЦИИ НЕ ВОЗНИКАЕТ. Больше того, ее существование и не предполагается как таковое. Но, попадая в ситуацию, в которой нет властной составляющей, люди ПРОДОЛЖАЮТ ВЕСТИ СЕБЯ ТАК, БУДТО ОНИ МОГУТ ПРИНУЖДАТЬ ИЛИ БЫТЬ ПРИНУЖДАЕМЫМИ.

Тем самым они выдают себя. Любому наблюдателю, осведомленному об указанном феномене, они демонстрируют, что принадлежат к властной системе и хотят привести ее в действие.

Когда людям указывают на это, они обычно страшно сердятся.

Усилие, напряжение и давление

Когда человеку нужно решить трудную задачу, которая связана с напряжением, он перестает беспокоиться по поводу тривиальных вещей. Если вы еще не замечали ничего подобного, понаблюдайте за собой и другими, и вы увидите, что так оно и есть.

Например, когда возникает чрезвычайная ситуация, что-то, требующее от вас максимума внимания, всякая банальность теряет свое значение.

Чтобы быть менее тривиальными и заняться тем, что действительно позволит развиваться, людям следует брать на себя решение задач, обеспечивающих напряжение правильного вида и степени.

Можно легко обнаружить, что люди, добившиеся по-настоящему значимых результатов, сделали это посредством упомянутого метода — с помощью напряжения.

Часто, когда у людей что-то не получается, они прибегают к давлению, а не напряжению. Стресс разрушителен и не дает конструктивных результатов.

Ошибочно принимать насилие за напряжение и путать надрыв с упражнением, — все это чревато огромными неприятностями.

Когда в человеке исчезает тривиальное, хотя бы временно, он в состоянии работать на более высоком уровне. Это истинно для любой деятельности и становится заметным во всех видах достижений, даже на общественном поприще: менее банальных людей больше уважают.

Высокое или значительное положение в обществе — вот что является одним из главных источников тривиальности. Большинство не понимает этого факта только потому, что не взяло на себя труд проанализировать его.

Когда человек, имея власть, сам не выполняет связанных с нею обязанностей, ожидая, что другие будут просто подчиняться его распоряжениям, он неизбежно становится тривиальным. Кто может быть более тривиальным, чем личность, облеченная властью, которая только и указывает другим, что им нужно сделать, рассчитывая на это все свое время и ничего не делая?

Это происходит потому, что такая личность (мужчина или женщина), создавая впечатление, что он (она) достаточно сильны или выше какого-либо занятия, в действительности ниже уровня, необходимого для отправления определенных функций и не принимает никакого реального участия в действии. Ограничиваться распоряжениями не является конструктивным. Но поскольку принято считать, что тот, кто отдает распоряжения, некоторым образом важнее остальных, люди упускают очевидный факт, что руководители бывают двух типов: действительно напрягающиеся и так называемые «царьки».

Есть лекарство, и притом быстродействующее, которое исцеляет человека от тривиальности, неэффективности и изменяет неприязненное отношение остальных, вызванное его назойливой властью. Состоит оно в следующем: самому принять некоторое участие в исполнении собственных указаний, то есть руководящей личности следует иногда меняться ролями с другими и брать на себя часть работы, вместо того чтобы только организовывать и ожидать, что трудиться всегда должны другие.

Общеизвестное появление тривиальных людей на вершине пирамиды власти, породившее привычное высказывание: «Великие мира сего — люди недалекие», своим существованием обязано тому, что описанный процесс развивается без соответствующей коррекции.

Человек допускает ошибку, предположив, что ответственность и отсутствие тривиальности идут рука об руку. Все может быть наоборот, и если подобную склонность к тривиальности не подвергать аналитическому наблюдению, то все как раз так и выйдет.

Поэтому не должно вызывать удивления, что «важные» люди часто являются людьми мелкими. В любой культуре, в которой признание вышеупомянутых законов не получило должного отражения в человеческом воспитании и в управленческих структурах, мы обречены находить тривиальность на вершине власти.

В культурах прошлого предпринимались попытки сбалансировать рассмотренную выше склонность путем включения в образование осуждения мелочности как составной части. Эти попытки не были достаточно успешны, отчасти потому, что мелочность как таковая не признается теми, кто упивается этой чертой в себе.

За болезнь нужно браться у самого ее корня: в точке, где индивид должен поднапрячься.

Хотя легко вообразить, будто напрягаешься, тогда как на самом деле ничего не делаешь или, наоборот, просто надрываешься, тренироваться в напряжении не так уж трудно.

В любом обществе, как правило, существуют средства и учреждения, традиции и тому подобное для установления и сохранения норм данного общества.

Культура, лишившаяся подобных мер предосторожности, обычно нуждается в индивидах или организации людей, упражняющихся в напряжении или более не нуждающихся в такой тренировке и способных следить за выполнением этого упражнения другими.

В некоторых традиционных культурах подобный индивид известен как «учитель» или «руководитель».

Если подобная личность сама является человеком недостойным, а это часто случается во всех культурах, он будет побуждать людей надрываться, а не упражняться. Но опознать таких лидеров не сложно.

Чувство, будто вы знаете больше или опытнее других, свидетельствует о том, что ко времени, когда вы это ощутили, вы узнали или испытали меньше, чем было бы вам полезно.

Так происходит потому, что подлинное восприятие опыта и истинная реализация знания обычно отмечаются и становятся полезными совершенно иным образом.

Существует такая последовательность:

1. Вы думаете, что знаете больше других, но это не так.
2. Вы думаете, что испытываете потребность в новых переживаниях, но на самом деле они вам не нужны.
3. Вы осознаете, что вам необходимо больше узнать из того, что вам уже предложено.
4. Вы понимаете, что «новые переживания», как вы их называли, являются лишь компонентами тех переживаний, которые вы еще не усвоили.

Упражнения

С упражнениями, реализующими возможности человека, можно обращаться двумя способами.

Первый, и притом самый распространенный, способ — видеть в них нечто вроде волшебной палочки. Люди просто для разнообразия решают, что именно упражнения есть ключ к высшему пониманию. Но если они практикуются, не будучи правильным образом настроены, упражнения или не подействуют совсем, или создадут полную иллюзию благополучия, которая будет неправильно истолкована как «просветление».

Многие люди из лучших побуждений пытаются именно так использовать упражнения. Итогом является вовсе не развитие, а развлечение.

Другое использование упражнений — это подлинный, правильный способ их выполнения. Как и все остальное, имеющее какую-либо ценность вообще, их можно выполнять, только когда существуют соответствующие условия, когда человек готов получить от этой практики пользу, а не только воображает себя подготовленным.

Собирать людей и подвергать их упражнениям только потому, что они того хотят, нелепо и имеет предсказуемый результат. Часто — что правда, то правда — хорошего человека упражнения делают лучше, но правда и то, что плохой становится еще хуже.

«Плохие» в данном контексте люди, льстящие себе мыслью, что готовы к чему-либо, не имея на то никаких оснований. Сюда относятся и те, кто настолько глуп, что воображает: раз уж я научился упражнениям, значит, приобрел право и способность применять их к другим.

Восемь моментов, касающихся вводной литературы

Что может быть смешнее, чем наблюдать за людьми, с серьезным видом декламирующими литературное произведение, но не знающими, что можно произнести, а что следует опустить.

1. Многие очень ценные книги содержат части, срабатывающие как предохранитель: они замыкают действенный смысл написанного, не позволяя ему проявиться, если книга попадает не в те руки.

Поэтому, когда люди ищут «ключ» к специальной литературе, они не осознают, что дверь заперта и ключ остался в замочной скважине. Замок снимается с предохранителя, когда вытаскивают ключ; никак иначе дверь не откроешь.

2. Классическая литература посвятительного характера содержит опять-таки материал для

разных типов людей; и он может быть полезен в разное время. Поглощать написанное подряд, не принимая во внимание этого фактора и не будучи способным выделить существенные для себя отрывки, — бесполезное занятие. Зависеть в этом деле от случайного выбора, что является неминуемым при всеядном изучении, значит, причинить себе только вред.

3. Извлечение похожих отрывков из различных книг или разных школ чревато опасными последствиями или в лучшем случае будет напрасным усилием. Составители антологий и другие поверхностные исследователи, какими бы мотивами они, по собственному представлению, не руководствовались, погружаются в эту деятельность потому только, что на самом деле получают удовольствие от ассоциативного сходства материалов.

4. Некоторые фрагменты высшей литературы по разным причинам зашифрованы, и отнюдь не для того, чтобы спровоцировать попытки учащихся проникнуть в тайны этих отрывков.

5. Специалисты в области высшей литературы много эпох тому назад усовершенствовали методику использования слов для того, чтобы их книги выполняли различные функции (обучающую, информативную и культурную) на разных уровнях. Помните, что вы не можете постичь различные уровни подобных материалов, пока не будете готовы для этого, и никакой простой «ключ» не отопрет их для вас. Это было задумано прежде всего в целях защиты. Например, вы родились и были воспитаны в закрытом помещении. Если вас внезапно выпускают во внешний мир, не снабдив необходимыми средствами для выживания, вы скорее всего погибнете.

6. Литература, кажущаяся эзотерической, часто таковой не является, поскольку предназначена для совершенно других целей. Это может быть совсем и не та цель, которую вы способны преследовать. Так что здесь вы нуждаетесь в опытном руководстве.

7. С другой стороны, есть большое количество литературы, которая на поверхности не наделена эзотерическим значением или смыслом, хотя и принадлежит к высшим областям изучения. Если у вас нет способности распознавать подобную литературу, то вы опять-таки нуждаетесь в руководстве.

8. Многие литературные произведения высшего назначения не произведут развивающего эффекта, если будут изучаться сами по себе: воздействие этих материалов на изучающего зависит от определенных экспериментально созданных условий, а также переживаний, источник которых находится за пределами слухового и зрительного восприятия. Если вам это неизвестно, вы нуждаетесь в руководстве.

Энергия и энтузиазм

Энтузиазм, связанный с обращением в собственную веру других или с распространением своих убеждений, существует за счет самого себя. Иными словами, энтузиаст питается и осуществляемой деятельностью, и реакцией на нее. Ни один энтузиаст еще не стал героем или святым; он лишь создатель и потребитель возбуждения, производимого его собственной активностью.

Было замечено, что энтузиазм иссякает, если не подкрепляется вниманием со стороны. Несмотря на это, люди продолжают попадать в ловушку энтузиастов, таким образом обеспечивая последних пищей, которую те ищут.

Для энтузиаста, независимо от того, что он сам воображает, принятие или отторжение его деятельности не имеет значения, ведь истинная цель здесь — создание ситуации возбуждения. Какой бы ни была реакция на производимые действия, будь то «да», «нет» или замешательство, свое питание подобная личность все равно получает.

Мы сможем перестать служить пищей для других людей, как только поймем это.

Эмоции

Как печально, что человек склонен чрезмерно идеализировать свою деятельность.

Если бы только люди могли в реальном свете взглянуть на некоторые процессы, описанные в возвышенных выражениях, им удалось бы научиться большему смирению.

Людям часто требуется «сжигать» избыток летучих субстанций.

Этот процесс, однако, все еще наделяют высоким значением, ведь на человека так сильно влияет его тщеславие, что ему просто необходимо наделить собственную абсурдность или даже свои естественные отправления каким-то возвышенным смыслом.

Людям не нравится, когда их называют машинами. И в самом деле, ведь только человек, а не машина и даже не обезьяна, способен зайти так далеко, чтобы излагать процесс из области физики, химии и электроники как нечто лирическое, вдохновенное, даже священное.

Эмоциональность и примитивное состояние

В любых человеческих сообществах во все времена существует один-единственный процесс, определяющий развитие отдельной личности и групп.

Речь идет о деятельности, связанной с развитием понимания чего-либо в терминах качества и утонченности.

Например, в некоторых примитивных обществах для обозначения «голубого» и «зеленого» используется одно и то же слово, поскольку в данных культурах нет никакой практической пользы в том, чтобы различать эти цвета. Чем меньше ребенку лет, тем уже его диапазон различения, скажем, формы предметов, их размеров и веса.

Примитивный человек с утра до вечера бродил в поисках ягод и корней, служивших ему пищей. Пока он должным образом не организовал, не сделал более эффективной программу по добыче пищи, ему приходилось тратить большую часть своего времени на еду.

Но как только человек открыл, что можно найти место, где сосредоточены запасы пищи, и поселился там или узнал, что можно самому себе выращивать пропитание, когда он понял, что не должен питаться импульсивно, необходимо лишь такое количество еды, которое обеспечивает выживание, когда он осознал все это, то обрел относительную свободу. В результате в его жизни появилось больше времени. Раньше шестьдесят девять лет уходило на собирание пищи и, соответственно, один год оставался на различную другую деятельность, теперь, скажем, только шесть лет жизни требовалось, чтобы добыть пропитание, а остальные шестьдесят три года освободились для другой деятельности.

«Современный» человек пребывает в таком же состоянии по отношению к эмоциям. Он все еще не осознал, что у него есть определенные эмоциональные нужды и ему необходим не более чем определенный минимум эмоционального питания. Если эта потребность будет удовлетворена, он освободит время для чего-то другого. По поводу эмоций можно сказать, что у человека есть в резерве шестьдесят три года жизни, которые он тратит на удовлетворение своих эмоциональных нужд, тогда как мог бы посвятить это время расширению и обогащению своих восприятий. Совершенствуя их, индивид получает способность к приобретению знания, и только такое знание приводит к разгадке тайны человеческого существа и ситуации, в которой пребывает человечество.

Понять, что планировать добычу пищи полезно, было, однако, сравнительно легкой задачей даже для дикаря, поскольку здесь он имел дело с более очевидным механизмом, регулярно дающим о себе знать через чувство голода, а также потребление, переваривание и выведение остатков пищи из организма.

У «современного» человека есть более широкие возможности решать проблемы удовлетворения эмоциональных потребностей, и тем не менее он сохраняет в себе примитивную склонность «возводить в ритуальное искусство все, что кажется ему связанным с его потребностями». Он придает своим эмоциям некий священный характер, настолько идеализируя их, что на обсуждение этого вопроса в современной культуре наложено табу. В эмоциях видят что-то совершенно прекрасное, источник вдохновения, высших переживаний и так далее.

Художники, эстеты, идеалисты и многие другие личности, извлекающие выгоду из манипулирования людьми, являются бессознательными соучастниками в распространении всеобщего заблуждения, гласящего, что этот «сакральный талисман» должен оставаться неприкосновенным, что их «священную корову» нельзя убивать.

Им можно было бы сказать то, что в подобных обстоятельствах ответил бы дикарю любой разумный человек: «Если твой талисман, будучи поврежденным, может потерять свою силу, — какой же это талисман? Ты потеряешь веру, если твою корову зарежут на бифштексы, — это не делает тебе чести, но доказывает, что ты не мужчина, не женщина (в возвышенном человеческом смысле), а всего лишь невежественный дикарь, бог весть на что претендующий».

Из ряда вон!..

Небольшая группа выдающихся философов, широко известных мыслителей, как они сами себя называют, регулярно встречаются, чтобы пообщаться и «дать оценку» другим современным мыслителям. Свои встречи под названием «заседания» они считают сугубо конфиденциальным и важным мероприятием. Эти собрания проходят в старинном лондонском клубе.

Однажды в полдень, по их приглашению, я пришел к ним на чай. Собравшиеся беседовали на самые общие темы, как вдруг один из них — весьма выдающаяся личность (человек, имеющий репутацию высочайшего мыслителя современности) — внушительно откашлялся и посмотрел в мою сторону.

Все остальные сразу напряглись, замолчали и подались вперед в своих креслах, из чего легко можно было догадаться, что сейчас произойдет нечто важное.

«Скажите мне, — произнес мудрец, — какая книга более всего стимулирует работоспособность вашего интеллекта?»

Я ответил: «Для этой цели я предпочел бы какой-нибудь военный материал, возможно, историю военного похода, в котором принимал участие сам автор».

«Нас не так-то легко высмеять!» — заметил спрашивавший. Больше ко мне никто не обращался, из чего я заключил, что допустил вопиющую оплошность.

Обычно в этом кругу человека оценивают трижды, прежде чем вынести о нем окончательное суждение.

Стремление к вечному как порок

Люди часто беспокойно передергиваются, когда им сообщают, что духовная техника представляет ценность только в течение ограниченного времени и для достижения конкретных

результатов.

Такая реакция обязана своим существованием инфантильному желанию «чего-то постоянного», которое проявляется в людях настолько туманно, что в этой части самих себя они не способны провести грань между тем, чему требуется быть постоянным, и тем, что не только не может, но и не должно быть таковым, дабы не стать для человека препятствием, когда у него исчезнет нужда в соответствующей духовной практике.

Разумеется, именно на этом примитивном желании мнимого постоянства и играют продавцы рецептов вечных истин.

Но вместо подобных инфантильных идей человек способен приноровиться к другим понятиям. Духовная практика или рабочая гипотеза умирает, когда о ней начинают думать как о законе или неизменном принципе. Вечное яблоко, которое нельзя съесть, не очень-то годится для питания, какой бы восторг эта диковинка ни вызывала.

Каждое чувство нуждается в определении

Если вы почувствовали любовь, радость, волнение, интерес, концентрацию внимания, досаду или безразличие в результате того, что сели на гвоздь или услышали пение птички, то знайте: все перечисленные и иные чувства содержат в себе негативные составляющие, элемент самоуспоения и некоторые конструктивные функции.

Такого рода информация поступает благодаря высшему знанию, панорамному видению, назовите это как угодно.

Увеличивая интенсивность своих переживаний, без того, чтобы тренироваться в восприятии всего спектра, на который раскладывается чувство, вы никогда не добьетесь поставленной цели.

Только работая соответствующим образом (тренируя восприятие), вы сможете отделить «поклонение», «понимание», «любовь» от примесей.

Слава и альтруизм

Люди уделяют слишком много внимания реальным и воображаемым аспектам славы, размышляя о ее положительном и отрицательном влиянии на человеческий характер.

Но помимо самих людей, снискавших себе славу, определенные опасности подстерегают как их сторонников, так и противников.

На каждого человека, развращенного собственной известностью, приходится тысячи пострадавших в его поддержку или в ходе протеста против него.

И ищущий себе славы, и тот, кто не пытается избегать ее, виновен в страданиях тысяч людей в той же степени, в какой он жаждал прославиться.

Анонимность работы великих людей нашей традиции продиктована знанием этих фактов.

Реальная любовь, реальное знание, реальное действие опираются на реальную основу.

Прославление человека легко разрушает эту основу.

Настоящий человек становится выдающимся по мере того, как увеличивается его скрытый вклад в дело общего благоденствия людей.

Тот же принцип верен и в отношении популярности доктрин, догм и общественных институтов.

Помните, важны не человек и не средства, а работа!

Мышление в каком-либо другом ключе тоже приносит результаты, но на более низком

уровне.

Работа осуществляется лишь при наличии подлинной рабочей ситуации, присутствующей только в реальных школах.

Если человек просто думает, что «работает» или «готовится к работе», он занимается самообманом.

Мудрость глупцов

Мудрость глупца — это когда дурак воображает, что понял нечто только потому, что уверен, будто понял.

От мудрости глупцов страдают не только сами дураки.

Когда авторитетный человек говорит людям, что они уже что-то поняли, тогда как это не соответствует действительности, он тем самым подтверждает свою несостоятельность.

Порождаемое подобным образом заблуждение состоит в том, что люди воображают себя способными понять что угодно лишь потому, что могут понять кое-что, и думают, что раз уж они не законченные идиоты, то, стало быть, во всех отношениях лучше дураков!

Четыре состояния бытия

Существует четыре состояния, в которых действует человеческое сознание. Они заслуживают особого внимания. В каждом из этих состояний человек может узнавать, изучать, развиваться.

Для каждого состояния характерны свои требования и ограничения. Пока это не понято, не может начаться никакое обстоятельное изучение.

Пока человек не пережил все эти состояния вместе и, в определенной мере, по отдельности, он не может развиваться. Его восприятие реальности, и истинной, и относительной, будет в таком случае неполным.

Маловероятно, что подобное сбалансированное изучение может происходить спонтанно.

Большинство людей на протяжении всей своей жизни ежедневно проходят через каждое из этих четырех состояний, но осознают только некоторые из них, либо способны осознать любое, но далеко не всегда.

Ни одно из указанных состояний люди не способны контролировать в достаточно эффективной степени.

Вот эти состояния:

- состояние обычного бодрствования;
- состояние обычного сна;
- состояние, вызываемое привычкой или тренировкой, например гипнозом и самовнушением;
- в четвертом состоянии становится возможным непосредственное и «сверхчувственное» восприятие.

Существует специальное обучение и упражнения для распознавания, стабилизации, применения и понимания каждого отдельного состояния.

Большинство людей знают только, как перейти от обыкновенного сна в обычное бодрствование. Некоторые знают, как вызывать гипнотическое состояние. Этим и ограничивается обычное знание, не считая современных исследований человеческой

обусловленности.

Страх

Если вы испытываете страх быть наказанным, вам нет нужды бояться самого наказания. Сам по себе страх — уже наказание.

Примерно то же самое происходит и с надеждой.

Неумеренная надежда легко переходит в страх, поскольку человек начинает бояться, что мечты не осуществляются. Когда человек чувствует, как владеет чем-то, в некоторый момент он может испугаться что потеряет это.

Чувствуя, что ничем не владеете, вы также порождаете в себе страх.

Если вы боитесь или желаете чего-то в чрезмерной степени, вы теряете свой путь, возможно, навсегда.

Наполни сосуд

Мнимые мудрецы призывают других: «Наполните сосуд ума, а уж потом черпайте из него».

Но этот совет может считаться правильным, если человек, до того как последовать ему, выполнит одно предварительное условие: сосуд можно наполнить, лишь освободив его от уже имеющегося содержимого, иначе новому не найдется места. Даже частично занятый сосуд неразумно наполнять, поскольку то, что уже в нем пребывает, может состоять из элементов, которые вступят в неблагоприятную реакцию с новым и полезным содержимым.

Жадность всегда только жадность

Признавая, что страсть к приобретению глубоко сидит в человеке, как и в других организмах, все известные системы мышления узаконили мораль, которая не искореняет жадность, а только ограничивает ее определенными рамками и направляет в другое русло.

Не будем обманываться словами, которые люди используют в подобном случае. Если, к примеру, вам говорят: «Жадность — порочна, желание совершать добро — похвально», то фактически произнесено совсем другое: «Если ты желаешь чего-то, а мы не хотим такого твоего желания, то ты жадный. Но желать того, что мы считаем «добром», разрешено и даже достойно поощрения».

Сегодня человек в состоянии понять подобную концепцию — современный кризис морали и этических норм фактически не оставляет ему никакого выбора и подталкивает к осознанию упомянутого факта.

Возможно, человек найдет некоторое утешение, исследуя культурное наследие прошлых эпох и открывая для себя, что развитие такого положения дел в обществе было предсказано действиями, высказываниями, писаниями, теориями и учениями мудрецов.

Иногда жадность проявляется настолько ясно и гротескно, что становится очевидной для каждого. Люди, презревшие материальную выгоду и сделавшие из этого вывод, что преодолели и искоренили в себе жадность, часто становятся еще большей обузой для окружающих из-за своей неутолимой жажды «добра». Их собственной вины в этом почти нет. Их так научили, и они прекрасно усвоили, что жить надо в системе. А система основана на убеждении, что есть и

добро, и зло.

При любом виде человеческого взаимодействия каждому свойственно желать чего-то для себя, психосоматическое заболевание является тому ярким примером. Желание лести рождает лидеров, жажда внимания создает последователей.

Многие не согласятся с подобной концепцией, но только потому, что какой-то внутренний голос подсказывает им, что и они, в свой черед, могут подвергнуться анализу, так лучше уж им притвориться, будто определенные устремления или поступки вполне альтруистичны.

Эту проблему можно решить только путем постоянного изучения и практики.

Жадность

В моей компании время от времени оказываются люди, которые говорят: «Я не люблю теорий», — или: «Я устал от собраний», — и тому подобное. Возможно, они не любят теорий, которые приходили к ним неверным способом или в неправильных пропорциях. Но если реакция на неудачный опыт порождает вывод, что «любая теория им не подходит», они остаются в таком состоянии ума, в каком ни я, ни кто-то другой ничему не сможет научить их.

Опять-таки, возможно, они и в самом деле устали посещать собрания, потому что мероприятия, в которых они прежде участвовали, ни к чему не привели, но это не означает, что все собрания бесполезны. Пока они, культивируя в себе подобный подход, находятся в соответствующем состоянии ума, я ничему не смогу научить их.

В лучшем случае эти люди будут привлечены каким-нибудь учением, которое пообещает им «отсутствие теории» и «запрет на собрания».

Именно это, а не какая-то сверхъестественная сила стоит за готовностью или даже радостью, с которой огромное количество людей бросаются сегодня в объятия различных безумных культов, обещающих технику без усилий и переживания без размышлений; подобные «искатели» вырастили в себе эмоциональность и победоносно окрестили ее трансцендентным опытом.

Если человека мучает жажда, он набросится на любую жидкость. В первые несколько секунд даже бензин покажется ему райской водою. И только потом организм начнет распадаться.

Боюсь, в этом случае я могу сказать только следующее: многие люди являются жертвой собственной жадности.

Путать нужду с жадностью присуще тем, кто погружен в самообман и обманут другими. Единственный способ выйти из подобного состояния — это быть готовым встать лицом к лицу со своим самообманом, даже если он просуществовал в вас в течение тридцати лет под именем «интереса к высшему знанию».

Если вы не в состоянии этого сделать, значит, у вас нет никаких шансов.

Чувство вины, награда, наказание

Прививать людям чувство вины в связи с какими-то проявлениями и ощущение удовольствия по поводу каких-то других факторов является, возможно, самым существенным элементом в воспитании человека, которое начинается с детства.

Но если вам известно нечто большее, вы начинаете понимать, как много вреда, с которым нельзя мириться, происходит оттого, что всякую реакцию любого человека подвергают

процедуре награды — наказания (поощрения — порицания), тогда как люди уже в состоянии понимать и другие концепции.

Например, не обязательно все на свете рассматривать только с трех позиций: это — хорошо, это — плохо, это — никак; спросите себя, является ли то, что вы оцениваете, исчерпывающим (завершенным), уместным или чем-то, из чего человек уже вырос, и ему нужна какая-то замена.

Охраняя поставки вайды

Некоторым людям свойственно бить тревогу и подстрекать других, подобные личности можно обнаружить в любом человеческом сообществе.

Взгляните, как они стоят вдоль Белых Утесов и твердят о римлянах^[4]:

«Все — на защиту нашей культуры! Стоит им добраться до берега, и они остановят поставки вайды»^[5].

Поскольку иногда действительно необходимо ставить преграды проникновению извне новой идеи или человека, определенных людей всегда можно вынудить подняться против чего угодно.

Почему бы им всем не провести исследование: против чего было бы выгоднее бороться, а вдруг разумнее в собственных же интересах не противодействовать, а скорее помогать в том или ином конкретном случае?

Поскольку предвзятое мнение заставляет подобных людей считать, что они не в состоянии или даже не должны об этом судить, каждый из них, не задумываясь, бьет тревогу.

Групповая политика

1. Каждая группа людей стремится достичь преждевременной стабилизации. Это вполне соответствует стадному инстинкту, хотя сами участники группы из-за своего скрытого тщеславия неизменно придают данному процессу какое-то особое значение. Им можно сказать, что они заблуждаются, но их способность к восприятию этого факта (или к признанию его как теоретической возможности), совершенно очевидно, ограничена. Поэтому подобные заявления всегда вызывают негативные реакции со стороны участников устоявшихся групп.

2. Мы не занимаемся преждевременным объединением людей, потому что это делают другие — осуществляющие обыкновенную социальную деятельность.

Нашей целью всегда было побуждать людей искать удовлетворения своим повседневным потребностям в обычных организациях. Наша «работа» является чем-то несравнимо более тонким.

3. Суфийская организация существует не для того, чтобы просто дополнять взаимодобную деятельность миллионов других групп.

Если вы ищете внимания или удовлетворяете свой эмоциональный голод, когда (пользуясь современным жаргоном) «тусуетесь» в нашей компании и думаете, что занимаетесь чем-то большим, — это, прежде всего, говорит о вашей беззаботности и о том, что вы еще не усвоили материалы, которые вам уже были даны.

4. Нет никакой пользы просто подчеркивать тот факт, что в материалах содержатся уровни, которые вы не воспринимаете...

Это, конечно, так, но материалы предоставляются вам именно потому, что их постигают уровень за уровнем. Если вы хотите проникнуть в глубокие слои, прежде чем ознакомитесь с материалом как таковым, вы нуждаетесь в курсе здравого смысла, а этому мы не в состоянии вас научить. Вы пока еще не готовы ни для чего более сложного, и вам необходимо соответствующим образом оснастить себя, став более логичным. Это тяжело и занимает много времени, но только в том случае, если вы хитрите с самим собою.

5. Одна из основных характеристик случайно подобранных групп состоит в их большем или меньшем невежестве относительно некоторых фундаментальных факторов человеческого поведения. Подобное явление обычно объясняется тем, что люди все еще алчут некоего эмоционального или интеллектуального стимулирования, которое они и так уже получили в достаточной степени. Им нужно отдохнуть от поисков дополнительных стимулов и начать переваривать те, что уже получены. Необходимо отметить для себя, что, даже не будучи продвинутым психологом, можно увидеть, как слишком многие в слегка завуалированной форме используют свою группу в основном как источник развлечений. Этим они выказывают непреднамеренную враждебность и проявляют эгоизм по отношению к более искренним членам группы.

Говоря друг с другом на языке осуждения или используя подобную лексику в отношении собственных переживаний, люди показывают, что пребывают в состоянии ума, в котором не смогут обучиться.

Качество мысли бывает значительно ниже ее потенциальных возможностей. Другими словами, люди часто не заслуживают самих себя. Они смогут исцелиться от этого недуга, если ознакомятся с материалами, предложенными им ранее. Если бы они сделали это, у них не осталось бы проблем, которые, с их же слов, накопились в их жизни.

Затем им необходимо глубже ознакомиться с материалами, предлагаемыми прямо сейчас. Иные воображают, что должны немедленно действовать, размышлять, понимать, тогда как они все еще не воспользовались начальным материалом, который снова и снова разворачивают перед их глазами.

Если вы хотите использовать свою группу как источник развлечений, делайте это, но в таком случае не утруждайте себя участием в наших беседах и чтением материалов, ведь они предназначены для того, чтобы информировать и обучать. Если вам недостаточно информации или вы ее не воспринимаете, то нет ничего, что мы или кто-нибудь еще был бы способен сделать для вас. Есть другие, которым мы можем послужить, и им мы обязаны служить.

В то же время, заметьте, существует еще один тип людей — они ведут себя точно так же, как рассмотренная группа, но это поведение вполне обычно и ничем не примечательно.

«Гхарадх»

В некотором смысле суфийские идеи легче передать на одном языке, чем на другом. Подобно этому существуют понятия, смысл которых легче донести, пользуясь терминами и выражениями из английского и других западных языков. Литература полна примеров того, как определенные понятия при переводе на восточные языки были выражены громоздким набором слов, характерным, с точки зрения западного человека, для восточной литературы.

Практически то же самое действует, но только в обратном порядке, в отношении других понятий. Например, трудно бывает адекватно передать идею, что человек может находиться в оппозиции к чему-то из-за своего предубеждения. Английские слова *bias* (предубеждение) и *prejudice* (предрассудок) содержат в себе оттенок осуждения, поэтому мало кто охотно

согласится принять эти определения на свой счет.

Но в арабском и персидском языках слово «мугхаррадх» (часто переводимое как «предубежденный») происходит от слова «гхарадх», которое означает: иметь цель, стремление. Мугхарадх, таким образом, означает, что человек может преследовать некую цель, которая мешает ему увидеть достоверность того или иного.

Это не означает, что сам по себе факт предвзятости достоин порицания. Предположим, вы держите в руке некий предмет и в результате не можете взять что-то другое. Это может быть «плохо», только если нечто отрицательное, вредное происходит непосредственно из-за того, что ваши руки заняты, тогда как вам надо взять совсем другое ^[6].

Чтобы достичь такой же ясности в отношении рассмотренной концепции в западном языке, если это вообще возможно, нам, поскольку мы имеем дело со слушателем, весьма обеспокоенным нежелательными ассоциациями, связанными со словом «предубеждение», приходится прибегать к очень подробным объяснениям, что является, конечно, весьма изнурительным занятием...

Золотой век

Как забавно, что людей притягивает идея «Золотого века» и они надеются на его наступление или возвращение.

Однако, согласно моим наблюдениям, подобные люди никогда не задумываются над следующими возможностями:

1. Узнаю ли я Золотой век, если вступлю в него?
2. Смогу ли я выжить в Золотом веке?
3. А может быть, я, сам того не ведая, уже побывал в Золотом веке?

Вы не достигнете превосходства, пока у вас не будет смирения. Как непопулярно бы ни звучала сентиментальная фраза: «Чтобы стать лучше, сперва последуйте за кем-то, а уж потом беритесь вести других» — в действительности все именно так и есть.

Большинству желающих учиться невдомек, что прежде всего им необходимо повиноваться. А может быть, тем, кто понял это, неизвестно, как повиноваться?

Повиноваться, в нашем понимании, значит действовать иначе, чем следуя неопознанным предположениям о своем превосходстве.

Когда посетители говорят что-то вроде: «ответьте на мой вопрос», или «уделите мне внимание», или «помогите мне ощутить эмоциональный подъем», или «развлеките меня», они, как правило, безотчетно подразумевают, что в этот момент заслуживают внимания, или им и в самом деле важно испытать эмоциональный подъем, или позарез нужно развлечься.

Их требования должны были бы звучать так: «Дайте мне то, в чем я нуждаюсь, что принесет пользу мне, будет полезно другим и послужит высшим целям». Это и есть проявление смирения, если его правильно понимать.

Структура подобного образа мыслей и совершаемые впоследствии поступки гораздо важнее слов, которыми все сказанное выражено.

Если кто-то говорит: «Ведите меня, учите меня, позвольте мне повиноваться, учиться...», значит, скорее всего, он находится на стадии неспособности следовать, учиться или получать указания. В действительности он всего лишь хочет сказать: «Уделите мне внимание». К сожалению, здесь одно чаще всего подменяют другим, потому что многим, в частности, кажется, будто «позволь-ка, я поведу тебя» чем-то отличается от «веди меня!». Но исходя из динамики ^[7] и то и другое есть одно, поскольку оба этих побуждения сплошь и рядом имеют единый источник — жажду внимания; оба они означают: «Предоставьте мне ваше внимание!»

Чтобы достичь стадии, на которой становится возможным реально вести и быть ведомым, обучать и обучаться, необходимо осознать то, что находится за словами.

Пока человек не достиг подобной стадии, его общение с окружающими будет игрой, развлечением, бесполезным для каких-то высоких целей.

Все это не ново. Много столетий назад мудрые люди осознали, что человек изо всех сил ищет комфорта, старательно избегает всего, что несет с собой боль, жаждет внимания и развлечения — и называет свои усилия разными именами, подсознательно ожидая, что каким-то магическим образом такая подмена поможет ему или изменить природу происходящего, или заменить его на «нравственно» более высокий процесс.

Мудрецы передавали свое знание узкому кругу избранных учеников. Их методы и обстоятельства не позволяли распространять подобные факты публично. Поэтому они встроили в некоторые культуры и традиции фрагменты учения с тем, чтобы основная часть человечества приняла их как «корзину Моисея». Люди, подобно водам Нила, несли корзину с Моисеем. Египетская принцесса, то есть люди понимания, смогли выловить корзину и позаботиться о ее содержимом.

В нашей традиции мероприятия, процедуры, методы организации и изучения дают человеку возможность избавиться от привычки преследовать бессмысленные цели, принимая их за высшие. В этом, и только в этом фактически заключена вся ценность традиции.

По этой же причине для всех нас чрезвычайно важно включаться в процедуры и действия, сохранять и выполнять их, поддерживать нашу связь, подчеркивать единство общины и традиции: именно так мы сможем воспользоваться скрытыми сокровищами знания, которые есть наше единственное истинное земное наследие и достояние.

Вот почему существуют «работа», организация, кружки учеников, мероприятия и обряды. И по этой же причине для нас не так уж важно интеллектуальное изучение письменных материалов.

Как изучать

Когда вы получаете материалы или идеи для изучения, вам нужно научиться уделять равное внимание всем фрагментам.

Поймите, до сих пор вы потребляли информацию выборочно, приветствуя то, что казалось вам привлекательным, и отвергая или искажая менее нужное на ваш взгляд.

Такой подход никуда не ведет в любом виде изучения.

Предубеждение, собственное мнение или позиция имеют ценность в обучении только при условии их эффективности. Однако их ошибочно возвели в некие обособленные добродетели.

В результате человек склонен учиться лишь тому, на что был натренирован (самим собой и другими). В случае контакта с более глубокими знаниями это приводит к пробелам в изучении. Упущения в познании, неощутимые в обиходе, становятся ловушками на более высоком уровне.

Человеку кажется, будто ему нужны знания. В действительности ему, возможно, нужна техника: знать как учиться. Пожалуй, это звучит не так драматично, не так волнительно, не так заманчиво, как туманные обещания, — стало быть людей это не занимает.

Человеческие знания

Интересно отметить, насколько безоговорочно сегодня принимают идею, что все человеческие знания на протяжении тысячелетий были старательно собраны методом проб и ошибок.

Люди убеждены в этом, потому что не представляют себе других способов получения информации, кроме:

- метода проб и ошибок;
- наблюдений и применения полученных результатов;
- словесной передачи информации.

Из-за того, что люди верят исключительно в перечисленные способы накопления фактов, им до сих пор не удалось заметить, что, если бы познание этим и исчерпывалось, человечество давно бы себя уничтожило.

В самом деле, допустим, кто-то, попробовав дать своему ребенку зерна тмина, заметил, что они действуют успокаивающе. Он может передать это знание остальным. Но что помешает ему и тем, кому он передал информацию, начать потчевать детей чем ни попадя, поубивав их всех прежде, чем успеют родиться новые?

Представьте себе относительно небольшое число людей на земле, низкий уровень организации общения, использование переданной информации впустую, частые разнообразные эксперименты методом тыка, а затем спросите себя: как человечество ухитрилось выжить в течение всего этого времени?...

Теперь обратите внимание на существующие у всех народов устойчивые предания о получении знания и информации из «сверхъестественных» или иных источников...

Как «расширить свой кругозор», сузив его?

При нынешних обстоятельствах вы вполне осилите этот трюк, просто будучи человеческим существом.

Люди, к какой бы культуре они ни принадлежали, сегодня непрерывно работают на самоуничтожение, сужая свой кругозор. Применяемый ими метод состоит в том, чтобы вообразить, будто кругозор расширяется. Такая убежденность крепнет довольно быстро и к тому же постоянно подтверждается культурными каналами.

Как самовозносящиеся, так и критикующие себя сообщества одинаково вовлечены в этот процесс. Они затрудняют диагностику своего состояния с помощью простого механизма: притворяются, что все зависит от разницы между указанными самооценками. Подобная позиция стала чем-то вроде общепринятой основы, и в результате человек лишает себя необходимой мысли, что вначале надо изучить проблему, а не способ ее решения.

Взгляните повнимательней на коллективные убеждения и мероприятия, и вы с удивлением обнаружите, что они сформированы всего лишь на нескольких грубых и простых допущениях. Люди игнорируют этот факт, провозглашая истиной то, что является лишь предположением, и объявляя возвышенными явления, сводящиеся к простой эмоциональности.

Подобный самообман был бы полезен, если бы человек действительно был таким пустым и безнадежным существом, каким, как ему кажется, он себя не считает.

Институты, модели поведения и догмы можно считать декларациями человеческой значимости и достоинства, утверждающими культурные ценности и даже высшее предназначение личности. Но в своих фундаментальных принципах, структуре и, прежде всего, в предпринимаемых действиях они компрометируют подлинную веру в эти замечательные концепции.

Вместо того чтобы действовать в согласии с верой в человека, большинство людей и сообществ давным-давно усвоили сегодняшние ограниченные суррогаты веры: внушение, обуславливание, насаждение одержимости. Все это называется, однако, обретением и поддержанием «веры». С помощью подмены слов человек может навязывать «веру» и думать, что имеет прямое или косвенное свидетельство ее существования. Полагая, что уже обладает чем-то или сможет, если очень-очень захочет, обрести искомое, он избавляет себя от необходимости поисков. Таким образом человек «верует».

Проводя аналогию с машинами, следует сказать, что аппарат, в котором обнаружилась бы подобная тенденция к смешению функций, нуждался бы в ремонте.

Мастерские по ремонту людей, пытаясь что-то исправить, постоянно доказывают свою несостоятельность. Даже когда этот факт признают, выдвигается автоматическое предположение, что ремонтной мастерской не хватает знаний. На самом деле ей нужны новые мастера.

Я вижу здесь поэтически красивую, но ужасающую ситуацию. Люди, больше всех интересующиеся ремонтными работами, часто менее всего способны их выполнять. Те же, из кого вышли бы хорошие механики, как правило, меньше всего интересуются указанной проблемой.

Однако нам и в самом деле необходимы ремонтники.

Почитание — не самоцель, а всего лишь подготовка.

Если вы учите, что человек способен только ползать, и не даете детям дорасти до стадии, когда они смогут выпрямиться и пойти, то чего вы достигли?

Если вы мешаете людям учиться ползать, отвлекая их разговорами о ходьбе, то чего вы достигли?

Если, обучая только ползанию, вы взрастите поколение, которое будет так передвигаться до самой смерти, не способное ни на что большее, то чего вы добились?

Если вас научили, что ползать — высшее предназначение, и ничего не рассказали о ходьбе, то подходящий ли учитель вы сами?

Если вы думаете, что лучше научить людей ползать, чем оставить их лежать на месте, помните, что тот, кто может научить ходить, может научить и ползать: тот же, кто способен научить только ползти, рискует обречь учеников на неспособность усвоить следующий урок.

Почитание, поведение, дисциплина, правдивость, искренность — все это подготовка, а не конечная цель.

Высшие ступени обучения

Если в области знания совершается новое открытие, понятное и на обычном уровне, оно становится частью образовательной системы общества. Можно увидеть, например, что такие инструменты, как алгебра, химия и даже литература, прививаются в сообществах, где их полезность легко продемонстрировать.

Когда же мы подходим к высшим формам обучения, то должны помнить, что по отношению к ним наши общества похожи на примитивные племена. В каждом племени лишь относительно немногие способны переварить и передать другим новые знания в приемлемой форме.

Не забывайте, что, прежде чем такая известная дисциплина, как математика, стала общедоступной, большинство людей считали числа магическими знаками. Некоторые из тех, кто разбирался в числах, ради личной власти или суеверия, сохраняли частную или групповую монополию на эти знания. И примитивной, и более развитой математикой продолжали пользоваться одновременно, в течение долгого времени, пока развитие общества не потребовало освоения высших форм вычислений.

Слишком большое количество людей считают само собой разумеющимся, что с помощью образования требуется только «вдолбить» людям необходимость в новом знании. Под «образованием» в этом случае подразумевается «внушение». Такой способ не работает.

Слишком многие воображают, что, если они долгие годы занимались поисками высших знаний о человеке, все их друзья тоже должны быть включены в подобную деятельность. Это похвально с точки зрения товарищества, но представляет собой неподходящую основу для учения.

Рассмотрим следующий случай: несколько человек привыкли играть с числами как с магическими или просто забавными символами. Этим людям дается одинаковый шанс использовать числа для другой цели — для вычислений. Можно заранее предсказать, что некоторые захотят получить «новые» знания, другие же предпочтут продолжать развлекаться.

Назовем их тип «А» и тип «Б». Так вот, и тип «А», и тип «Б», в силу того, что они создали (помимо общих целей) взаимную психологическую зависимость, будут сопротивляться всему,

что грозит ее разрушить.

Если одни могут стать математиками, а другие — выдающимися специалистами в области развлечения (или учиться каким-нибудь другим образом), но при этом и те, и другие составляют группу социального характера, со взаимным влиянием друг на друга, в результате и люди из категории «А», и люди из категории «Б» неизбежно будут из-за всех сил сопротивляться необходимости перегруппировки. Подобная реакция подтвердит, что группа настолько социализировалась, что стала необучаемой.

Так как члены группы своей ситуации не видят, то только фактические события и поведение людей в группе могут подтвердить эту тенденцию и сделать ее заметной, если, конечно, участники рассматриваемого объединения уже не обладают достаточными знаниями о социальной эволюции человека, чтобы распознать подобные тенденции в своих рядах. В этом случае им будет необходима изрядная доля чего-либо, напоминающего объективность, чтобы не выдать свое поведение за что-то другое. Найти рациональное объяснение своим поступкам достаточно просто, и так, собственно, оно и происходит во всех примитивных сообществах перед лицом любого «нового» фактора, воспринимаемого как угроза.

Когда «новое» требует от участников группы некоторого доверия, в этом видят попытку к доминированию и контролю. Необходимость в материальных жертвованиях будет истолкована как скрытая форма коммерции. Если им предложат какой-то предмет для изучения, литературу или другие материалы, они решат, что это опасное или даже «бесполезное» занятие.

Такого рода поведение настолько же предсказуемо, как любой лабораторный эксперимент в химии или физике. Его источник — поверхностные слои человеческого мышления. В числе многих других вещей, полезных в предварительном обучении, эти реакции должны быть проверены и отслежены, а затем оставлены позади так скоро, как только возможно, чтобы не мешать высшему прогрессу.

Однако те, кто не способен воспринять данный урок, как бы социально дороги они ни были остальным, не могут оставаться учениками — без притворства или невежества со стороны инструктора. В противном случае социальная функция пастыря находится в диспропорции с его образовательной миссией.

Долг человека

Помогать другим, стараться быть добрым и избегать жестокости, лечить больных и защищать слабых — вот элементарные социальные, а не духовные обязанности, возложенные на человека как на социальное животное.

Тот, кто путает социальное развитие и психологическую заботу о ближних с «высшими» устремлениями, непременно безвылазно запутается или ударится в софистику, когда обнаружит, что не обладает монополией на общественное служение.

По крайней мере, часть вины ляжет на самого человека, которому не стоило с такой легкостью приравнять простое цивилизованное поведение к чему-то «иному».

Лицемерие

Стать лицемером, вероятно, худшее, что может произойти с человеком. Однако в голову приходит и нечто более разрушительное: человек, воображающий, что он не лжив в своих «добрых намерениях». Так же неправильно грезить, что вы лживы, и бичевать себя за вранье,

ибо и то и другое — формы самопотакания.

Имейте мужество согласиться, что, как бы много людей ни впечатлялось видимым смирением и самобичеванием набожных благочестивцев, реальное усилие заключается в познании самого себя, — тогда вы можете что-то сделать. Как только, поддавшись искушению, вы пойдете сравнительно легким путем признания персональной вины, вы будете виновны в том, что ублажаете себя, упиваясь своей никчемностью.

Если вы все же так поступаете, люди, возможно, будут вами восхищаться, ставить вас в пример, традиционные институты будут поддерживать ваш образ мыслей и действий, общество поверит, что получает пользу от вашего существования, — однако сами вы пропадете.

Когда человек чувствует себя праведником, он занимается самообманом. Подлинно знающие люди существуют ради того, чтобы указывать по-настоящему серьезным искателям на этот факт, вместо того чтобы маскировать щели обоями, соглашаясь, будто некий образ мыслей, или ряд поступков, или и то и другое есть безусловный признак истинной веры и практики.

Человеческая мысль проходит через весь организм

В определенном диапазоне человеческие мысли непосредственно, без озвучивания, переходят от отдельных индивидов или групп ко всему человечеству.

Результат может быть чрезвычайно мощным оттого, что обычными органами чувств происходящее не воспринимается.

Если, например, большое количество людей будет мыслить определенным разрушительным образом, то каждый из нас, любой человек в мире, испытает на себе истошающий психический удар.

Существуют человеческие способности, которые, если их развивать, могут оперировать конструктивно или деструктивно, при этом не имея ни малейшего контакта с теми «высшими» ментальными функциями, с какими их так часто путают.

Именно в этом диапазоне мышления действуют системы, достигающие наиболее драматических результатов. Их недостаток, вырастающий порой до размеров трагедии, состоит в том, что технические приемы здесь выдаются за результаты, за истину; проявление или средства — за источник или цель.

Высшая пища

Физическому организму требуется пища определенного качества, в нужном количестве и с необходимой периодичностью. Это верно и в отношении «высшей пищи». Произвольно комбинируя различные внутренние учения, можно нанести себе вред; подобное происходит с алкоголиком или с человеком неразборчивым в еде, поскольку у него атрофированы вкусовые рецепторы.

Почитание мудрецов

Глупым или незначительным людям порой бурно рукоплещут те, кто ни глуп, ни мудр. Признание само по себе создает чувство важности. С объективной точки зрения совершенно не существенно, как именно поддерживается в человеке чувство важности.

Огромная неразбериха происходит из-за того, что очень редкие люди различают важность по ее «плотности». Не каждый в состоянии измерить эту плотность — ведь, чтобы определить, сколько весит какая-то вещь, следует знать, что такое вес, и иметь соответствующий опыт взвешивания.

Точно так же вы определяете подлинную значимость какой-либо вещи: она поначалу может показаться весьма значимой вашим обычным чувствам, но через ощущение относительной «легковесности» этой вещи по сравнению с чем-то другим вы уже в состоянии опровергнуть первоначальную оценку.

Так что мудрые могут чтить глупцов — ведь «большой объем значимости», который несут в себе глупцы весьма сподручен в любой момент. Сами же глупцы обычно воображают, что их ценят за мудрость.

Вредные идеи

Способность к развитию находится внутри вас.

Разрушительный эгоизм, в поисках безопасного пристанища, убеждает человека, что тот наконец-то понял или всегда знал, как ему поступать дальше.

Если индивид в действительности обретает такую способность к распознаванию, то чувствует и ведет себя совершенно иначе, чем жадная или обманутая личность, которая лишь воображает, что уже достигла этой стадии.

Системы, основанные на одной формуле

«Эврика-системами» можно назвать учения, которые всем предлагают единый ритуал, верование, один авторитет или основную технику. Подобные системы вообще нельзя называть «путями». Лучше всего они подходят под определение неудачной шутки, рассказанной (возможно, из «лучших побуждений») невеждой в компании жадных. Я говорю об этом так прямо, потому что здесь, как и в случае с более явными заразными заболеваниями, обычная культурная щепетильность должна быть отброшена во имя добра в целом.

Ученики

То или иное учение, как правило, собирает весьма искусственный круг людей (привлеченных способом подачи учения), если только распространители учения не позаботятся о предотвращении подобного результата.

Никакое «учение» с одной-единственной догмой или единым посланием ко всем не способно избежать механической обработки своих последователей.

Глупость

Глупость — это понятие, которому не так-то просто дать определение.

Хотя некоторой глупости избежать невозможно, было бы полезно проследить, как многие глупеют намеренно, защищаясь подобным способом от понимания того, что могло бы иметь для

них ценность.

Люди, производящие впечатление умных, порой исключительно бестолковы в методах оценки чего-либо. Однако, из-за сложившейся репутации или энтузиазма, глупцами их не считают. В этом кроется одна из причин, по которой дурацкое мышление так легко распространяется: его продвигают те, кого общественность считает во всех отношениях умными.

Социальная озабоченность

Озабоченность настоящим и будущим молодежи всех кто экспериментирует с разными методами, идеями и порой наркотиками, представляет собой только часть той всеобщей «озабоченности», которую большинство людей испытывают по отношению к другим.

Эта озабоченность драматизируется, когда наш собственный опыт, культурная позиция или какая-либо организация сосредотачивают внимание на таких бедствиях, как голод, нищета, наркотическая зависимость.

В действительности мы не можем отделить одну форму этой «озабоченности» от другой.

Я отец троих детей, у меня жена, родственники, и, в свойственной человеку степени, я озабочен судьбой тех или иных людей.

Причина беспокойства по поводу наших собратьев состоит в том, что у всех у нас есть чувство долга, как и у наших предшественников, которые помогали своим ближним, кормили их, защищали и поддерживали. Люди, по определенным причинам оказавшиеся в центре нашего внимания, как правило, и есть те, к кому мы испытываем подобные чувства наиболее интенсивно и настойчиво.

Когда отсутствует объективное знание причин тех или иных проблем и неизвестно как эти проблемы решить, озабоченность становится почти бесполезной.

Нас учат любить и оберегать других, но затем мы обнаруживаем, что это явно не работает. Возникает конфликт. В состоянии конфликта люди готовы поверить всему на свете: что они сами во всем виноваты, что нужно принять правильное решение, что, возможно, система моральных ценностей устарела и так далее. Они бросаются за помощью к другим: к психологам, священникам и всевозможным авторитетам.

Но истинная причина перечисленных трудностей в том, что человек, как правило, всегда тратил так много своей энергии и внимания, пытаясь помогать сам и убеждая других помогать друг другу, что у него не оставалось времени изучить, разобраться и понять, какую именно помощь он может оказывать, кому, когда и где. Давно появившуюся перспективу достижения объективного знания люди загнали в такие дали, исключив ее из своего кругозора, что многие не способны даже поверить в существование подобной возможности.

Человеческие проблемы нельзя решать по образцу скорой помощи, посредством энергичной атаки, спустя много времени после того, как они (проблемы) уже пустили корни. Сначала необходимо обнаружить, что лежит в их источнике. Когда причина болезни найдена и уничтожена, симптомы тоже исчезают. Если человек берется за симптомы, он ничего не решает.

Может, это утверждение звучит слишком резко, но только для ума, приученного к симптоматическому местному лечению. Говоря обобщенно, человек и не подозревает, что и локальные симптомы, которые он пытается лечить, ошибочно принимая за основу заболевания, могут быть нейтрализованы, как только он возьмется за их корень.

Люди, как правило, настолько обусловлены, что селятся восстановить некий статус-кво, даже если это уже не имеет смысла. А когда они перестают к этому стремиться, их усилия сосредотачиваются на поисках «новой морали», правда, мораль, на которую они притязают,

никогда не возникает. С крушением установленных идеалов образуется нечто такое, что совершенно неприемлемо для старшего поколения или предшествовавшего общества. В этом одна из причин отмирания прежних обществ. Феникс, возрождающийся из собственного пепла, выглядит и даже ощущает себя иначе, чем его предшественник.

Объяснять подобные вещи непопулярно, так как люди предпочитают иметь дело с тем, что им уже известно. Они не подозревают, что их знания не имеют отношения к ним самим или к некоему постоянному фактору.

Напряженность и беспокойство, которые человек испытывает в изменяющемся мире, снимаются только самообманом или объективным знанием того, «что происходит и почему». Но, как это ни трагично, люди, обладающие знанием происходящего и способом передачи своих познаний другим, вскоре обнаруживают, что эти самые другие, публично заявляя о своем стремлении к такому знанию, на самом деле просят дать им сверхметод для сохранения ныне существующего порядка.

Когда у человека есть знание, о котором мы говорим (а оно покупается не так дешево, как иногда воображают), он становится способным быть «в мире, но не от мира». Особый sentimentalный вклад такой личности в общество не менее значителен, чем вклад добродетельных. Фактически он даже больше, так как ни одна крупница этого вклада не пропадает зря. В то же время он способен действовать на более высоком уровне, помогая возрождению нового «феникса».

Мы живем в беспрецедентный век: впервые с тех пор, как крошечной человеческой расе, сконцентрированной лишь в нескольких местах, угрожала реальная опасность быть погребенной под обломками оседающих пещер, история повторяется — все мы сегодня стоим перед лицом возможного физического уничтожения. Этот риск был создан старшим, а не подрастающим поколением. Старшее поколение скомпрометировало себя в глазах молодых людей и больше не может притворяться, что «знает лучше».

Новая мораль и общество, которые возникнут, если этому дадут шанс, будут в равной степени непонятными и неприемлемыми как для старшего поколения, так и для тех, кто сегодня представляет новое поколение. Пройдет совсем немного времени, и сегодняшние пользователи наркотиков и провидцы-авангардисты (если, конечно, общество выживет) покажутся гротескными эмпириками, действовавшими неуклюже и наугад, подобно тому, как им самим сегодня старые системы кажутся негибкими и лицемерными.

Единственное, что соединит между собой все три мира — старый, современный и будущий — это всестороннее знание, которое объясняет и иллюстрирует, как подобные условия возникают, кто в этом «виноват» и что является необходимым, а что нет.

Мир пережил наконец лицемерие и механистические системы, присвоившие себе ярлык духовности и от ее имени навязавшие людям шаблоны, в которые все одинаково верили, как во что-то, обладающее высшей ценностью. И хотя Высшее содержание в подобных системах действительно присутствовало, не было никого, кто мог бы с этим работать.

Люди, которые слишком отождествляются с эмоциональными проблемами, равно как и те, кто игнорирует указанные вопросы, относятся к экстремальным случаям. У них нет будущего. Человек должен, прежде всего, узнать, что означает: «Кесарю кесарево, Божу Божье», или, другими словами: «Верь в Бога, но привяжи своего верблюда», исходя из этого смысла, в каком эти принципы применяются как упреждения для трансформации индивидов и общества.

Самоустранение от общества — это разновидность личной жадности. Она несет в себе собственное наказание. Служить тому или иному благу сверх всякой меры — форма жадности, чреватая последствиями. Если бы люди изучили этот вопрос, они бы увидели, как много ошибок было совершено в человеческой истории и почему так случилось.

Если, например, вы любите других, потому что в действительности сами хотите быть любимым, вы вообще не любите, и люди (особенно те, кто является объектом вашей «любви») возненавидят вас, по крайней мере частично, и обратятся против вас; возможно, это проявится в том, что они восстанут против ваших самых сокровенных убеждений или действий. В человеке есть нечто такое, что способно узнать истинную любовь. Суррогатная любовь стирает в нас это чувство или заглушает его.

Человеческие пороки часто маскируются под наиболее похвальные формы социального поведения. Существует два вида сознания: реальное сознание и обусловленное сознание. Последнее необходимо, но не абсолютно, его цель — поддерживать нас до тех пор, пока еще есть шанс найти другое сознание. Лишь немногие это понимают.

Вы должны усовершенствовать себя в более высоком смысле, если хотите на самом деле помочь людям, а не просто сокрушаться и жалеть их. «Не думай, что волшебное кольцо проявит свою силу, если сам ты — не Соломон».

Такова высшая философия и высшая мораль. Как и все тонкое, это может быть разрушено в индивиде под давлением грубого. Грубое заявляет о себе в таких словах: «Я верю, что то-то и то-то — добро, а все остальное, в частности, сказанное вами, — замаскированное зло». В этом плане очень мало различий можно обнаружить у соперничающих друг с другом идеологий: что есть «добро» для одной, является «злом» для другой. «Однажды подрались собака с котом, выясняя, кто из них крыса». Единственный выход из этой ситуации — приобрести больше знания.

Люди говорят о «служении, усилении, любви, знании». Но только с помощью знания можно узнать, что такое любовь и что не имеет к ней отношения. Когда у вас есть знание, вы можете служить, можете совершать усилия. Знание не выше любви, но является совершенно необходимым условием. Если вы не понимаете, вы не можете любить. Вам останется только вообразить, что вы любите.

Не умея помогать ближним, вы не сможете принести им пользу на какой-то постоянной основе или сколько-нибудь результативно — просто советуясь с другим человеком. Однако вы можете вооружить себя для помощи своим собратьям, и в этом деле другой человек может помочь вам.

Никто из нас не сможет оставить попытки помогать людям. Но можно перестать думать, что где-то должна существовать панацея и что именно нам удастся ее применить. Такое мышление примитивно. До тех пор пока мы не осознаем, что должны научиться вещам, которые необходимо знать, а не тому, что нашему воображению кажется важным, знание к нам не приблизится.

Ориентиры для выводов

Чтобы изучение могло начаться и оставалось плодотворным, необходимо досконально знать факты, которые тормозят или предотвращают процесс изучения. Во все времена во всем мире люди занимались изучением философии, метафизики, религии, не осознавая того, что материалы, которые они изучают, способ изучения и факторы, воздействующие на индивидов и группы, должны быть определенным способом поняты. Вот несколько коротких заметок на эту тему.

1. Люди ведут себя тем или иным образом в зависимости от своей культурной, национальной и психологической почвы. Такое поведение окрашивает все их существо. Не зная этого, они приписывают естественно возникающие у них реакции воздействию «учения» (см.:

Edward Hall. Silent Language).

2. Люди объединяются в группы, не осознавая, что групповая структура может оказаться губительной для изучения. Некоторые виды объединений существуют только ради того, чтобы быть группой, хотя участники и не подозревают об этом. Группы могут стать действительно «религиозными», даже если они не изучают никакой религии. Изучите книгу: W.J. H. Sproull. Human Groups, освещающую материалы на эту тему.

3. Случайное или систематическое изучение определенных идей почти бесполезно. Одно дело иметь открытый ум, совершенно другое — думать, что можно самому себе подобрать учебные материалы, не будучи осведомленным об особых обязательных обстоятельствах изучения и необходимости специально подобранного состава участников группы, когда речь идет об изучении особого характера (см.: Idries Shah. The Study of Sufism in the West^[8]).

4. Многие «учения» и идеи поступают к учащимся, неся на себе сильный отпечаток средств выражения, принятых в той или иной местной культуре. Когда этого не знают и не предпринимают соответствующих мер противодействия данному фактору, учащиеся в результате обуславливаются поверхностными, наихудшими характеристиками формы, в которой выражено учение (см.: Peter King. Afghanistan).

5. Идеи, первоначально «прописанные» для определенных ситуаций и групп для того, чтобы их участники приобрели способность учиться, оказываются подхваченными теми, кто воображает, что эти идеи — непреложные «законы» или вечные истины. В результате возникает механическая система, почти бесполезная (см.: Рафаэль Лефорт. «Учителя Гурджиева»).

6. Люди изучают человека и его работу в свете доктрин и представлений о человеческой личности, которые неприменимы к данному деятелю и труду. В этом мероприятии исследователи теряются (см.: Reza Arasteh. Rumi the Persian).

Решение проблем

Когда возникает проблема или считается, что она возникла, первое побуждение человека — отсрочить возможное решение, хотя он и притворяется, что его намерение — поскорее решить ее.

Подобное притворство — лишь начало целого действия.

Человек прежде всего «потреплет» проблему, как животное треплет добычу или другой объект, привлечший его внимание. На этом этапе проблема используется для игры или как пища — чтобы заставить ее вызвать реакцию или выделить сок. Каждый шаг, совершаемый человеком в этом мероприятии, «оплачивается».

Даже если проблема — это спор между двумя сторонами, каждая из них будет рассчитывать на свою долю удовольствия от факта участия в споре, иначе решение вопроса как таковое не будет для них достаточным.

Человек, решающий проблемы «слишком быстро» или даже игнорирующий их, уже самим этим фактом сигнализирует, что он независим от наслаждения, которое дарит игра в проблему. В гораздо большей степени поэтому, а не из-за умения решать проблемы, люди его уважают. Они испытывают перед таким человеком некоторое благоговение, поскольку он показал, что умеет то, чего они сделать не в состоянии, а именно: лишиться удовольствия от борьбы с проблемой.

Искать и находить

Персидская пословица гласит: «В конце концов Ищущий становится Нашедшим»^[9].

Один суфий, взяв часть двустишия из Саади, закончил эту пословицу словами: «Даже если он и воспитан среди сынов Адама».

Вот объяснение, которое он привел:

Вы найдете то, что ищете, если будете непрерывно искать. Есть только одно маленькое условие, которое ради поэтического изящества было опущено в приведенной фразе: вы должны знать, что ищете, знать, где искомое находится, и знать, как это найти.

Показ

И те, кому нечего показать, и те, кто не в состоянии предъявить то, что у них есть, производят одинаковое впечатление на постороннего наблюдателя — они могут казаться ему либо честными людьми, либо обманщиками. Человеческие культуры должны учить человека разбираться в себе самом, а не только в других людях. Ситуация, создавшаяся сегодня, объясняет, почему существуют как обманщики, так и истинные мудрецы.

Специалисты

Простак, даже из тех, что любят позубоскалить, никогда не зацепит самозваного «специалиста». Стоит человеку назвать себя таким словом, как тут же алхимия ассоциативной мысли, раскручиваясь на всю катушку, подтолкнет вас к выводу: раз уж эти самые специалисты так сконцентрированы на таком названии, то они конечно же должны знать свое дело.

Сомнительно, что так было всегда, но исходя из развития ситуации в настоящее время можно с уверенностью предсказать (если вы усвоили собственный опыт), что слово «специалист» скоро станет синонимом «невежды».

Странный мир

В нашем мире действительно есть множество кратчайших путей, но их нелегко увидеть. Они ведут через джунгли, которые кишат враждебными дикарями и где отсутствует необходимая пища. Плоды, кажущиеся питательными, ядовиты, а то, что питательно, выглядит несъедобным.

Вид на кратчайшую дорогу в начале — почти в точности такой же, как и перспектива, открывающаяся с противоположного конца.

Таковы кратчайшие пути в полном смысле этого слова. Те пути, которые выглядят заманчиво, вовсе не являются кратчайшими.

Целеустремленный человек

Истинно целеустремленному человеку нужна вся его способность к сосредоточению. Он должен работать над тем, чтобы казаться не совсем целеустремленным.

Посредственности, воображая, что поддерживают целеустремленность, на самом деле боятся ее. Они культивируют лишь то, что только кажется целеустремленностью или приблизительно ей соответствует.

Оппозиция по-настоящему целеустремленной личности осуществляется посредством тысячи неосознанных, незначительных, но продуктивных способов.

В результате возникает кажущийся парадокс: подлинно решительный человек в целях самосохранения и поддержания эффективности своей деятельности должен казаться не очень-то эффективным и даже нерешительным.

Поэтому подлинная способность гораздо меньше проявляется на публике, чем присутствует в действительности. Как говорит древняя пословица: «Человек о двух ногах, попав в селенье хромых, будет самым хромоногим, если не дурак».

Эта пословица представляет собой кодификацию ценного наблюдения и потому является как запечатленным знанием, так и учебным материалом величайшего значения.

Нормальный и безумный

Все согласны с тем, что к сумасшедшим надо относиться с добротой. В нашем обществе эта важная обязанность выполняется в достаточной степени.

Существует, однако, некий культурный дисбаланс, пустивший корни в пессимистическом обществе, и его имеет смысл рассмотреть здесь.

Если сумасшедшие претендуют на что-то невероятное, с ними обращаются хорошо. Но когда так поступают нормальные люди, их игнорируют, высмеивают или даже могут подвергнуть публичному осуждению.

На нынешнем этапе развития, когда людей слишком часто игнорируют, чрезмерно подвергают насмешкам и травят, они становятся агрессивными и иррациональными. Таким образом, вынося вердикт: «Этот человек немногого стоит», пессимистическое общество своими методами фактически вызывает у преследуемого индивида болезненное состояние. Указанное состояние, конечно, рассматривается в качестве подтверждения априорной правоты пессимистов, установивших безумие обсуждаемой личности.

А к словам безумного не стоит и прислушиваться. Пессимисты, которые в то же время являются гуманистами, сломив его, теперь могут позволить себе доброе к нему отношение. В конце концов, ведь все мы милосердны к сумасшедшим, не так ли?

Служение и самоудовлетворение

Многими мыслителями, равно как и не мыслителями, уважение к другим расценивается как высшее благо.

Но уважение, основанное на ублажении самого себя, на самом деле является пороком.

Существует подлинная форма человеческого служения, превосходящая те его разновидности, которые основаны на самоудовлетворении.

Суфизм

Я так много говорил и писал о суфизме и суфиях, что некоторые люди воображают, будто я пытаюсь побудить присоединиться к культу или религиозной группировке.

В действительности для меня было бы невозможно начать такую компанию, и я сейчас объясню почему.

Слушание и чтение того, что я должен был сказать о суфиях, заставило тех, кто склонен к религии, хлынуть на Восток, став последователями теологических версий суфизма. С равной силой подтолкнуло любопытных и жадных сгруппироваться вокруг западных гуруистических культов.

Остались неосведомленные, те, кто хочет больше узнать о суфизме, — что это такое, и те, кого это совершенно не интересует.

Проведенная работа была весьма успешной, но для большинства она не имела какой-либо более высокой функции, чем любой другой проект, служащий инструментом для сортировки вещей или людей.

Спрашивающему

Вы думаете, я слишком рискую, когда говорю: «Вы никогда не сможете извлечь пользу из моих слов».

Этому есть объяснение: я, напротив, крайне осторожен, и делаю все, чтобы вы не стали моим «последователем», поскольку вижу, что передо мной человек, способный потеряться в ученичестве. Подобный итог, далекий от того, чтобы быть кому-нибудь полезным, означал бы потерю человеческого существа, ведь одержимость, как бы она ни называлась, — это беда.

Так что моя первоначальная «агрессивность» произведет эффект, который никогда не забудется. В результате вы не будете столь податливы внушению.

Наши отношения не станут отношениями учителя и ученика. Но при этом они и не будут отношениями продавца и покупателя.

И это воодушевляет!

Время, место и материалы

Эффект, производимый соответствующей литературой и обрядами, когда они успешно выполняют свою функцию как носители более высокого способа восприятия, зависит от метода, благоприятного случая и обстоятельств изучения.

Нарушать это правило — значит впустую тратить время, сокращать возможности понимания, утвердиться в том, что может казаться глубоким, а в действительности быть мелким.

Мы можем немало преуспеть в получении пользы от подобных концепций, если сделаем их привычной частью потребляемой нами информации. И даже нет необходимости отказываться при этом от самых обычных способов мышления.

Процесс трансформации

Знание подлинной добродетели было почти утеряно, когда невежды, исходя из лучших побуждений, сочли себя вынужденными практиковать и развивать разбавленное учение порой только ради того, чтобы привлечь чрезмерно большое количество людей. В ходе подобной практики они часто пренебрегали законом, согласно которому несколько трансформированных людей могут изменить миллионы; миллионы не-трансформированных людей ничего не могут сделать и никем не могут быть.

Такое утверждение, возможно, не станет популярным, но это не оспаривает его подлинности.

Тройки и единицы

Если кто-то скажет вам: «Два плюс два равняется четырем, это я знаю. Но почему и как может быть, что три плюс один тоже равняется четырем?»

Когда подобный вопрос задает ребенок, ему можно ответить: «Это правда, и я покажу тебе». Затем вы сможете развернуть демонстрацию, потому что в данном случае обладаете следующими преимуществами: вам удастся привлечь и удерживать его внимание, а кроме того, дети обусловлены к принятию определенных предпосылок, одна из которых состоит в том, что во время объяснений взрослого нужно вести себя тихо. Другая — что нельзя мешать вам говорить о тройках и единицах и выкладывать бобы на земле в качестве примера.

Но если вы имеете дело со взрослым, он не даст вам даже шанса. Фактически он скажет: «Хорошо, покажите, но при этом пользуйтесь только «двойками», — то есть в его терминах. А потом добавит: «Ладно, покажите, но только без этих дурацких и, возможно, зловещих бобов...»

Вот почему ребенка можно обучать с помощью последовательных демонстраций, выстроив единую цепочку аргументов и иллюстративных примеров. И вот почему взрослого едва ли удастся довести даже до стадии разумных рассуждений.

Если бы этот взрослый человек был ребенком, ведущим себя по отношению к вещам из сферы обычного понимания так же, как обычные взрослые ведут себя в отношении высшего изучения, вы без колебаний объявили бы его умственно отсталым или неподдающимся обучению. Ему пришлось бы пройти курс предварительной реабилитационной подготовки...

Чтобы остаться в памяти...

Людей, которые сами были плохими, история помнит гораздо лучше, чем тех, кто старался сделать дурными других. С добротой дело обстоит иначе. Вы сможете заметить, если потрудитесь проверить это, что помнят не тех людей, которые просто были хорошими, но тех, кто убеждал других быть таковыми независимо от того, являлись они сами добрыми или нет.

Правда и вера

Один человек под сильным нажимом, когда я довольно решительно взялся за него по поводу его верований, заорал на меня: «Я знаю, что это неправда, но я верю в это!»

Прежде чем улыбнуться, рассмотрите более известную фразу: «Я верю в это, потому что это абсурдно».

Вера не обязательно должна иметь какое-либо отношение к истине. Предположим, что-то является истиной, но люди могут верить в это потому, что им так внушили, или верят, что данная вещь истинна в силу ее истинности.

Вы можете посчитать подобное трудным для понимания. Трудность, однако, в том, что люди не привыкли думать подобным образом. Если бы на поиски и подлинной и обусловленной веры вы потратили столько же времени, сколько ушло на предположения, будто есть только один вид веры и что среди грубого разнообразия ее форм, порожденных идеологической

обработкой или катарсисом, вера сама по себе предпочтительна и важна, — у вас не было бы никаких затруднений в понимании того, что я говорю.

Единственное различие между вами и мной состоит в том, что я потрудился потратить на выяснение этого вопроса время, которым вы распорядились иначе.

Преобразование мирской жизни человека

Удивительно, как много людей движутся в направлении высшего знания задом наперед. Некоторые, например, предполагают, что все это только психология или психотерапия.

Высшее знание действительно преобразовывает внешнюю жизнь, но при истинном поиске это случается только как побочное явление.

Любой иной подход к знанию будет действовать как простая «обработка», тренировка, не имеющая ничего общего с развитием.

Три последствия обобщения, лишаящие человека способности

Склонность человека быть обобщающим животным — применять закон или правило, выведенное из одной ситуации к совершенно другой, — одна из самых больших его проблем, и в то же время подобная тенденция дает значительные преимущества. О преимуществах всем известно. Но пренебрежение указанным фактом как проблемой поместило целые культуры в психологически слабую ситуацию относительно дня сегодняшнего. Давайте рассмотрим первое основное последствие обобщения, лишаящее человека способности к эзотерическим занятиям.

Первое и основное последствие, лишаящее человека способности

Из разговоров о том, насколько опыт превосходит формальное изучение, люди спешат заключить, что им требуется мгновенное просветление или персональное внимание, а не чтение книг или слушание лекций. Это чудовищное упрощение подобно тому, как если бы кто-то сказал: «Лучше мыться, ведь человек становится чистым, а не учиться координации рук и зрения, потому что это годится только для детей». Но что случится, если индивид, не умея координировать движения своего тела, все же захочет освоить умывание? Вообще ничего не случится. Печальная правда состоит в том, что большинство людей прочли слишком много книг и как следствие заработали себе несварение. В чем люди, вероятнее всего, нуждаются точно в такой же, если не в большей степени, чем в персональном внимании, так это в правильном виде чтения или лекции, которая проходит в правильное время. Вот почему вас пригласили послушать или почитать эти лекции.

Обобщение приводит к упрощению. Упрощать люди любят точно так же, как усложнять. Но об усложнении все мы и так знаем, поэтому здесь мы рассматриваем упрощение.

Второе разрушительное последствие — упрощение

Когда человек узнает, что можно упрощать, он ударяется в следующую крайность: он упрощает что-то и получает вещь, лишенную всякой ценности. Такова ситуация эзотерических

изучений. Привыкнув к изучению эзотерических дисциплин с помощью слов и символов, ритуалов и книг, регалий и обычаев, образов и авторитетных фигур, в процессе некоего упрощения приписанных к «эзотерической сфере», люди не способны представить себе (не говоря уже о том, чтобы распознать) эзотерический процесс, который существует и действует вне этих истощенных областей. И как следствие большинство в действительности лишило себя возможности учиться у вещей, не имеющих, по его мнению, отношения к делу. Поэтому часто находящееся у человека под самым носом, кажется ему тайным и неуловимым, многое из того, что он мог бы сразу понять, мнится эзотерическим и неясным. Любое подлинное учение о высшем понимании сегодня вынуждено раскрывать то, что, по ассоциации идей, не кажется принадлежащим высшей сфере. Таким образом, настоящие лекции и другие предлагаемые вниманию людей материалы не ограничиваются ни привычной терминологией, ни истощенными областями, неэффективно представляющими сегодня «высший мир», как его понимают поверхностные люди, вообразившие себя метафизиками.

Третье разрушительное последствие — жадность

Человеческая жадность и нетерпение, которые в общественных сферах в значительной мере поставлены под контроль, потому что там их повсеместно сделали невыгодными, все еще работают на полную мощность в эзотерических областях. В результате суть того, к чему стремится претендент на просветление, оказывается за пределами его понимания и таковой останется, пока он не узнает, какие шаги следует сделать вначале.

Прежде всего, ему нужно осознать, что ни в каком подлинном эзотерическом учении он не получит простых ответов на простые вопросы, чтобы таким образом легко достичь желаемого. Он должен подвергнуться влиянию самых различных, как ему покажется, материалов и переживаний, прежде чем будет основательно подготовлен, и такая подготовка есть то единственное, на что ему стоит положиться. Если он будет посещать кружки, претендующие на провозвестие чего-то высшего с помощью логической системы, то попадет в руки негодяев или людей с поверхностными знаниями. Его жадность лишит его способности. Пусть он сам решает, надо ли ему становиться ущербным или нет.

Если учащийся все же не потерял способность уделить внимание предлагаемому курсу обучения, у него появится возможность развиваться. Однако, если он воспользуется полученным для развлечения, просто чтобы убить время ради социального общения с другими людьми, для того, чтобы почувствовать себя занятым чем-то значительным и рассказывать об этом, или для достижения любой иной поверхностной цели, связанной с потворством своим интеллектуальным или эмоциональным удовольствиям, то данный материал не принесет ему вообще ничего, несмотря на все его фантазии по поводу того, какую пользу он от всего этого получает.

Человек вполне способен следовать подобному курсу обучения, но решение каждый должен принимать за себя сам. Однако он может также и вовсе не начинать, или пройти только часть пути и бросить, или же смешать этот путь с другими системами, цитатами или учениями. Дисциплина, которая от него потребует, вполне ему под силу, и никто, кроме него самого, не сможет взять на себя подобную ответственность — что бы ни сулил ему с целью обмана или из иных соображений кто-то еще.

* * *

Обратите внимание на то, что в вышеприведенном утверждении слово «человек» используется в значении «мужчина или женщина» так же, как и часто используемое слово

«птенец» обозначает детеныша любой птицы. Этот вид общепринятого обобщения обычно адекватен ситуации.

Если, однако, мы обратим внимание на ассоциации, связанные с другим словом, также встречающимся выше, а именно «эзотерический», то осознаем, что данный термин обычно употребляется в таком общем смысле, как «любое скрытое знание, все внутреннее, тайное, таинственное, преподаваемое немногим избранным». Тем не менее для тех, кто знаком с тайными знаниями, техническое значение вышеупомянутого термина — «знание, так или иначе скрытое от людей, которое ведет к окончательному пониманию человека человеком».

И, конечно, как только кто-то обретает подобное знание, оно по тому же принципу перестает быть «эзотерическим» для него или нее.

Мысль

Человек, как правило, полагает, что интеллект — это нечто согласованное, последовательное. Мышление, думает он, различается не по качеству, а по интенсивности. На самом же деле существуют бесконечные градации качества и восприимчивости самого интеллекта. Схоласт упивается гипертрофией интеллекта, подобно человеку, который накачивает свои бицепсы просто потому, что у него есть мускулы и он считает, что должен упражнять их до абсолютного предела. Мысль гораздо более эффективна и возвышенна, чем ее представляют подобные люди. Суфий — это тот, кто узнал гармонию и возможности мысли; он подобен атлету, осознавшему гармонию и завершенность тела, в отличие от человека, который обнаружил кое-какие возможности бицепсов и стал одержим этим фактором. Для суфия ученый так же несуразен, как человек с бицепсами, доведенными с помощью упражнений до крайних размеров — для обычного пристального взгляда.

Всегда наступает такое время...

Всегда наступает такое время, когда обучающие материалы, первоначально предназначенные для того, чтобы направить внимание определенных людей на специфическую цель, начинают принимать как «евангелие» и, с помощью упрощения, доводят до полной бесполезности или истолковывают поверхностно.

Примером последнего является современная трактовка действий Диогена, когда он с лампой бродил среди бела дня в поисках честного человека.

Люди думают, что он таким образом показывал, как редко честные люди. На самом же деле данная процедура служит очевидным примером того, как внимание может быть направлено на все аспекты данного вопроса — и как редко встречаются честные люди, и как их можно найти, — с привлечением всего с этим связанного.

Мысль и собственность

Мысль и вера лежат в сфере интересов собственности.

Из-за того, что вера не похожа, скажем, на участок земли или владение, самые разные люди не способны осознать, что происходит в их внутреннем мире.

Все человеческие системы обмениваются двумя видами собственности: материальной и

ментальной.

Люди, не обладающие собственностью, поддаются идеологическому внушению с большей легкостью: то есть они скорее примут мысль, напоминающую что-то вещественное.

Люди, у которых так много собственности, что она утомляет их, чувствуют интерес к формам мысли. Это происходит потому, что, владея собственностью, они находятся в состоянии пресыщенности. И тогда они ищут и приобретают другую форму собственности — интеллектуальную.

Когда человек говорит: «Моя вера — самое ценное, что у меня есть», он невольно с научной точностью описывает свое состояние.

Когда ученый упоминает о «своей области», он говорит о личной альтернативе физическому обладанию собственностью.

Вот почему человеку удобно внушать: он не просто беспомощный получатель идей или жертва внедренных маний, он партнер в сделке. Некто говорит ему: «У меня кое-что есть, предлагаю это тебе».

Как в случае с аллергией на применяемые внутрь вещества, существует и врожденная отрицательная реакция на мысли. Обычно же человек не чувствует разницы между питательной мыслью и мыслью, манипулирующей им.

И все-таки некоторые мысли развивают его, тогда как другие лишь поработают.

Любой сможет изучать это в повседневной жизни, как только научится обращать свой взгляд на то, что действительно происходит, а не только на ярлыки, которые на все навешаны.

Терминология

Когда вы общаетесь посредством слов и пользуетесь при этом архаичной терминологией, вы опускаете мышление вашей аудитории до уровня никчемности.

Если люди жаждут употребления определенных формул, это лишь симптом их состояния и вовсе не обязательно указывает на какую-либо потребность.

В известных случаях лучше не произносить «жизнь вечная». Сегодня у этих слов весьма обманчивый имидж. С гораздо большим успехом можно было бы сослаться на «Проект бесконечного увеличения человеческого долголетия».

Но и это можно сократить до ПБУЧД.

Худший недуг

Есть недуг, который и в самом деле является наихудшим.

Эта болезнь заставляет вас считать, что не вы, а другие страдают чем-то, вы же совершенно здоровы.

Вялотекущая форма данного недуга позволяет допустить, что, возможно, и у вас наблюдаются симптомы аналогичного заболевания, но при этом вы уверены, что у других они присутствуют в более серьезной форме.

Смысл жизни

«Смысл жизни» может быть найден, только если область нашего изучения включает в себя

и так называемую «бессмыслицу». Люди, разумеется, не изучают подобные вещи, и тем самым прилагаемые усилия остаются незавершенными.

Незавершенное усилие приводит к несовершенным результатам. Одна из целей обучающей организации состоит в том, чтобы каждая уместная и существенная форма изучения была задействована.

«Право знать»

Люди говорят о праве знать то или другое. Они подразумевают, что некая часть информации, которую они могли или должны были бы знать, от них утаивается или они лишены возможности самостоятельно докопаться до тайны.

Суфийская деятельность является, пожалуй, самой мощной опорой этого ПРАВА ЗНАТЬ. У вас есть не только право знать все о себе, но и право знать, что удерживает вас от знания. Например, предубеждения и устоявшиеся мнения о самых разных вещах мешают людям знать, побуждая думать, что в данном случае и вовсе нет ничего такого, что нужно знать, а если даже и есть, то оно того не стоит. Право на знание должно включать в себя и право узнать, что существуют такие вещи, которые обязательно нужно знать.

Люди, интересующиеся политикой, снова и снова твердят о праве знать, что, например, делает их правительство. Все это замечательно. Но как нам быть, когда сама концепция, что вообще необходимо какое-либо знание, упраздняется? Среди некоторых покорителей человеческих умов есть такие, которые говорят буквально следующее: «Право знать о возможностях человека? Вы говорите о мистицизме? Ну что вы, об этом НЕЧЕГО ЗНАТЬ!» Они предотвратили даже предположение, что у человека есть право на знание, утверждая, что в названной области и знать-то нечего. В результате за столетия до появления концепции Оруэлла о народе, лишенном права на знание, было сделано следующее открытие: отрицать наличие любого подобного права менее умно и эффективно, чем утверждать, что знать НЕЧЕГО.

Высшее изучение

Когда вы осознаете, каким образом Высшее изучение защищает себя, вас уже не удивляет, что к нему приходит так мало людей.

Когда вы видите, насколько нечестными являются обычные человеческие ожидания, вы осознаёте, почему можно сказать, что путь к Высшему знанию идет в направлении, противоположном ожидаемому.

Если вы действительно знаете род человеческий, Высшее знание становится доступным для вас.

Суфии и мирской успех

Суфии считают, что могут преуспевать в мирских делах потому, что есть связь между этим миром и другим, хотя это не означает, что они привязаны к мирскому, — совсем наоборот. Поэтому реальность заключена не в обладании чем-то, а в том, является ли оковами то, чем они владеют.

Как и многие другие учителя, мастер Хисамуддин обеспечил нас аналогией «двух миров».

Он обратил внимание на эффект, который производит движение на нашу тень.

Он говорил, что тень аналогична этому миру, а солнце — другому миру.

Теперь обратите внимание, что, если вы движетесь к своей тени (к миру), она отступает, начнете преследовать — ее не догнать.

Однако если вы направитесь к солнцу (к другому миру), ваша тень пойдет следом.

Работа с посвятельными текстами

Некоторые великие произведения на разных языках справедливо слывут величайшими учебниками высшего мышления и мистицизма.

Поэтому люди читают их, надеясь с помощью сосредоточения и применения ухватить кое-что из их высшего содержания.

Но каждая из подобных книг, в дополнение к тем частям, которые связаны с человеческим развитием, содержит материалы, надежно предотвращающие неправильное использование прочитанного текста.

Чтобы добраться до внутреннего смысла материалов, с книгой необходимо работать особым образом.

Прежде всего, надо знать, какие отрывки читать, а какие пропускать. Прочитав «не тот» отрывок или всю книгу целиком, вы поглотите как содержащиеся в ней полезные материалы, так и элементы противодействия — устройство безопасности. В результате книга не подействует таким образом, каким могла бы.

Прочитанное может завладеть вашим умом, может обусловить вас, вызвать эмоциональный подъем либо заинтересовать по причине вашего интеллектуального дилетантства. Эти реакции вы можете превратно истолковать как преднамеренное воздействие, заложенное в самом тексте. Вы просто не знаете, что почти любая книга окажет на вас подобное воздействие, если будете думать, что она содержит великие учения или тайны. В данном случае вы по-прежнему работаете с механической частью ума.

Именно по этой причине люди нашей традиции подбирают специальные отрывки из определенной литературы, чтобы предложить учащемуся подходящие для него материалы, способные уменьшить воздействие буферных факторов, заложенных в такие тексты для защиты подлинного смысла.

То же самое происходит с ритуалами и упражнениями. Многие упражнения, молитвы и другая установившаяся практика могут быть более или менее детализированы, но все они предназначены для определенного использования. Если вы, даже по неведению, пренебрегаете необходимостью снять кожуру, то будете есть апельсин вместе с горькой коркой. Что-то при этом, конечно, происходит, но чувствуется только горькое масло, а не чистый сок.

На уровне обычного изучения литературы преподаватели отбирают определенные отрывки, чтобы, например, снабдить учащихся полезными текстами. На высшем уровне применяется похожий подход. Более просветленный, в эзотерическом смысле, человек способен обеспечивать своих учащихся подходящим питанием.

Обычные «духовные» люди в действительности являются замаскированными искателями эмоций. Они отбирают материалы, затронувшие их чувства, и затем, как это всегда бывает, произвольно прививают своим последователям такие же субъективные переживания, предлагая им антологии стимулирующего материала. Подлинные внутренние материалы недостижимы для подобных грубых восприятий.

Таковы некоторые из опасностей случайного изучения.

Природа суфийского изучения

Суфийское обучение осуществляется посредством спровоцированного опыта, а также тренируется умение извлекать пользу из этого опыта. Люди подвергаются воздействию письменных материалов, специально созданных таким образом, чтобы «поразить» ум и дать ему возможность работать по-новому или иначе. Различные (часто, на первый взгляд, мирские и посторонние) задания, выполняемые членами суфийских кружков, являются внешним выражением поиска неотразимого опыта и его переживания. Слова, действия и даже бездействие учителей — еще одна форма обучающего посыла. Содержание суфийской литературы и контакт дают учащемуся возможность извлекать импульсы, соответствующие его состоянию, из событий, которые другим кажутся вполне заурядными явлениями обычного мира. Теперь он видит эти события иначе и получает от них значительно большую пользу, одновременно сохраняя способность справляться с повседневными делами на том привычном, ограниченном уровне, на котором они происходят.

Так как вышеупомянутые факторы не встречают должного понимания, на предлагаемый суфиями опыт существует не одна, а целых три реакции:

1. Человек становится «умником»: вместо того чтобы извлекать пользу из суфийского влияния, он прибегает к находчивости, приравнивается «разбираться» с воздействием, парирует вызов, чем разрушает сам импульс.

2. Он становится безнадежно натасканным и одержимым последователем, «верующим» в суфизм, чем-то вроде искателя сенсаций.

3. Он (или она) способен наблюдать и чувствовать как в себе самом, так и в своих товарищах особую функцию суфийского импульса, поступающего из литературы и других областей. Он может узнавать и извлекать пользу из этой деятельности самыми разными путями, не становясь пленником метода или ассоциаций.

Природа учебного кружка

Как только вы присоединяетесь к учебному кружку, вы входите в особые взаимоотношения с его членами, учителем и тем целым, которым является обучение. Вот почему очень важно поддерживать взаимоотношения между всеми членами кружка и особой настрой в каждом учащемся. Обучающие материалы, сами члены группы, деятельность школы как целого, выполнение технических процедур — все это средства для достижения особой гармонии и восприимчивости, а также определенного взаимодействия между учащимися и собственно обучающим процессом.

Большинству людей, как это ни печально, знакомо лишь взаимодействие, создаваемое посредством эмоций и внушения. Помните также, что преимущества учебного кружка и польза от самих материалов изменяются в зависимости от времени. То есть мы не можем и не должны воображать, что «выудим» за один раз все «питательные вещества» из каждого фрагмента обучения.

Мы должны получать определенную информацию, знакомиться с техническими приемами и так далее, чтобы, когда наступит время ими воспользоваться, наше внимание не было бы к ним

приковано. Возможность извлекать пользу из предоставленных материалов, определенным образом и при соответствующих обстоятельствах, откроется не раньше, чем мы приобретем перечисленные выше навыки.

В то же время в дополнение к этому имеют место и некоторые другие процессы; один из них — невидимые и порой не воспринимаемые взаимоотношения со всеми остальными — теми, кто тоже находится на этом пути. Другой побочный эффект — почти неуловимые для нас изменения, которые начинают происходить в нашей внешней жизни.

Учебный кружок является ядром общества. Именно из этих сущностных группировок были сформированы все виды социальных, религиозных, психологических и философских школ. Но при построении подобных институтов человек приносит в жертву органическую природу взаимоотношений между реальными, живыми людьми, правильным образом сгруппированными, и реальным живым учением — то есть такие отношения, при которых все перечисленное взаимодействует как единое целое.

Помните, что реальные взаимоотношения находятся на столь высоком уровне по сравнению с искусственными, что, если их поставить рядом, первые будет невозможно опознать.

Ситуация с малярийным комаром

Чтобы объяснить, с какими трудностями и необходимостями встречается учитель, когда учит своих учеников, нет лучшего метода, чем перенести данную ситуацию в контекст, адекватно иллюстрирующий ее и содержащий вкрапления, аналогичные реальным факторам: подобные иллюстративные моменты должны быть узнаваемы для вашей аудитории. Именно это я сейчас и собираюсь сделать. Приводя здесь басню, я ввожу действенные и освященные веками методы учения в практику и формат второй половины того, что мы называем сейчас двадцатым столетием.

Прежде всего, начнем с утверждения, что мы пытаемся донести свое послание до людей духовно недоразвитых. В этом нет ничего постыдного, и данное утверждение не подлежит обсуждению. Все учения начинают с вводной речи вроде: «Я здесь, чтобы учить вас, и вы должны уделить мне минимум необходимого внимания». За этим следует утверждение (наподобие вышеприведенного), которое можно было бы выразить так: «Вы не знаете метода, которым я буду вас учить, скажем, французскому языку; возможно, вы и не подозреваете, как мало знаете. Обсуждать это я не собираюсь, но научу тех, кто последует моим указаниям».

Среди вас есть такие, кто очарован «методами» и готов слушать человека, только если он предлагает или кажется, что предлагает, какой-то непривычный «метод». Я пренебрегу этим, потому что мне в данном случае ваше спокойствие дороже любого изменения. Некоторые из вас предпочитают теорию, другие — практику. Я здесь, чтобы преподавать теорию, которая вам нужна, и предоставить практику, в которой вы нуждаетесь, и сделать это я должен с помощью необходимого вам метода и в нужное для вас время. Поскольку я не представляю организацию по вербовке, рекламе или психотерапии, у меня нет намерения перечислять симптомы вашей болезни, доказывая чем вы болеете. Я здесь, чтобы учить, а не пробуждать в вас хорошие или плохие чувства, не потому, что я хочу приносить вам удовлетворение своими действиями, или наоборот.

Теперь перейдем непосредственно к нашей теме — малярийному комару. Сейчас, посредством фокуса с иллюстрацией, которую мы называем притчей, вам придется поставить себя на мое место. Вы работаете в сфере медицины или гигиены. Вы приезжаете в область, где у людей почти отсутствуют знания в указанной отрасли. Назовем их первобытным обществом,

которое все же многого достигло в других сферах жизни. Они превосходят вас, например, в том, что касается выживания в джунглях, у них тонкое чувство справедливости и всякого рода ценные институты. Но из-за отсутствия подлинного представления о роли гигиены в повседневной жизни многие люди гибнут, и очень высока детская смертность. Допустим, что такие потери человеческого потенциала лишают данное общество способности развиваться, используя преимущества своих, скажем, культурных, экономических и других достижений. У вас же есть специальные знания, чтобы им помочь.

Люди говорят вам: «Ты чудотворец. Мы-то знаем, потому что видели, как ты добыл огонь, даже не потеряв палочки друг о друга». Для вас это не имеет никакого значения, для них — важно. Вы не можете настаивать на своем, потому что они все еще не верят, что ваши спички созданы человеком. Тогда вы просто скажите: «Возможно, я и кажусь вам необычным. Но важно то, кем я являюсь в действительности».

И вот люди спрашивают: «Как ты поможешь нам?» Вы отвечаете: «Я приехал потому что хочу помочь вам улучшить ваше физическое существование, я знаю способ. Я здесь также для того, чтобы спасти жизни, я умею делать и кое-что другое, чему и вы сможете научиться».

Некоторые из них заявляют: «Учи нас НЕМЕДЛЕН-НО!!!» Вы говорите: «Я должен ознакомить вас с простейшими знаниями, потому что мои умения зависят от основы». Это людям не нравится. Они хотят улучшить свое физическое состояние прямо СЕЙЧАС или получить какое-нибудь подтверждение, что оно уже улучшается и они могут это ощутить.

Одни утверждают: «Он врет!» Другие уговаривают: «Мы сделаем все, что ты скажешь. Вот пара куриц, не хуже, чем мы дарим колдуну. Сделай так, чтобы мы жили вечно!» Их мышление основано на неприемлемых для вас предпосылках.

Некоторые спрашивают: «Что нам делать?» Тогда вы отвечаете: «Первое: надо взять масло и вылить его в пруд, чтобы личинки малярийного комара перестали расти; тогда комары больше не смогут заражать вас малярией. В результате многие люди, что сейчас лежат пластом, пойдут работать, не будет смерти от осложнений, а пруд, наконец, можно будет использовать для всеобщей пользы». И что же отвечает племя?

«Ты вещаешь о таких высоких материях, — говорят люди, — что для нас твои слова теряют всякий смысл. Как может комар быть связан со смертью или водой? Комар много не выпьет. Да они и не слишком кусают! Колдун рассказывал нам об опасностях нарушения табу. Наверное, ты хочешь сказать, что комары каким-то образом являются табу?»

Вы настаиваете: «Дайте мне время, и я покажу вам». Они пристают: «Как долго ждать?» Им хочется увидеть все СЕЙЧАС. Вы говорите: «Прекрасно, мы выпишем микроскопы, ДДТ, книги Листера и Росса...» Им кажется, что вы бредите, подобно безумцу. В лучшем случае они думают, что вы невероятный чудила.

Тогда вы спрашиваете: «Как бы вы хотели, чтобы я рассказывал об этом?» Они скажут: «Не важно, продолжай дальше». Или: «Рассказывай так, как говорят знахари, мы к этому привыкли». Тут вы ответите: «На языке знахаря можно выразить лишь примитивные идеи». «Тогда научи нас новому языку», — требуют они. «Прекрасно, — говорите вы, — это как раз то, что я пытаюсь делать, а вы даже не стараетесь запомнить новые понятия». На что они заявляют: «Да, нам и прежде говорили, что мы безнадежны. Когда мы находимся рядом с тобой, то действительно чувствуем себя безнадежными. Разве это не хороший признак?» Вы отвечаете: «Есть разные степени безнадежности: есть время ее просто чувствовать, а есть время, когда с нею можно вступить в некоторые отношения». И тут они опять замечают: «Какое странное новое учение, настолько странное, что, может быть, и вранье. То есть оно напрочь отличается от всего, что мы когда-либо слышали».

Нет смысла браться за решение проблемы передачи Учения нынешнему и новому поколениям студентов и даже упоминать о существовании подобной проблемы до тех пор, пока не решена проблема социологическая.

Социологические проблемы связаны с позицией (человека), с образом его мыслей, отношением к любому культу, верованию, набору идей, обществу, знакомым или незнакомым способам браться за дело.

В этой культуре до недавних пор проблемы такого рода рассматривались как психологические, но их корни лежат глубже, а сами проблемы лучше видны и решаются с относительной легкостью в социологическом контексте.

Если проекция Учения вызывает у того или иного индивида и/или группы реакцию принятия, отторжения или неуверенности, — это является следствием разных позиций, сформированных ранее их родной общиной. Предубеждение «за» или «против» относительного любого подхода «извне» или даже «изнутри» существует как симптом хорошей или плохой приспособляемости индивида или группы к общественным нормам.

Так, например:

Если индивид или группа привыкли находить социальную поддержку и преимущества в авторитарной системе, такой индивид или группа будут искать те же стимулы и в «новом» подходе.

Если социальное окружение натренировало индивида относиться к тому, чего тот не понимает, как ко злу, он будет нетерпим ко всему непонятному, включая любое проявление Учения, и не только Учения.

Только безнадежно невежественные индивиды и институты берут на вооружение метод «обусловливания людей» (обеспечивая их новым социальным кругозором) и считают это этапом Учения. На самом деле здесь действует принцип конвейера.

Только социальные группы, притворяющиеся группами «высшего порядка» (включая те, что относятся к религиозным), воображают, будто стимулирование эмоционального кризиса, который приводит к принятию определенных верований, имеет какую-то связь с «обращением». Это всего лишь перепрограммирование.

Следовательно, любой подход к индивидам и/или группам (как бы они ни выглядели) должен учитывать упомянутые социальные факторы. Более того, подход должен быть выражен таким образом, чтобы отсутствие в нем поверхностных моментов, на самом деле относящихся к социальной сфере, не вызывало сомнений. Подобный подход должен иллюстрировать так ясно и так часто, как только возможно, что большинство людей принимают за «духовные» или «высшие» переживания продукт, производимый методологиями, нарушающими обычную социальную, химическую или электрическую среду индивида.

Если эта информация неизвестна будущему студенту, ему придется извлечь ее из доступных ныне источников. «Учить» тому, что человек может получить и в других местах, будет бесполезной тратой времени и сил.

Когда социальная проблема вклинивается между изучающим и Учением, ученик, оказавшись отрезанным от информации об истинном положении дел, неизбежно станет продолжать изучение и попытки применения материалов высшего развития только для улучшения своей социальной приспособляемости.

Подобное употребление материалов является пародией на то, как ими можно пользоваться на самом деле, и в результате инструкторы Учения опускаются до уровня механиков по

социальной интеграции, имея дело с задачами, с которыми не хуже могли бы справиться и люди, обладающие обычными для современных культур знаниями.

Однако фактор социальной приспособляемости занимает столь значительное место в умах обучающихся, и этот фактор настолько перепутывается в их мыслях с чем-то «высшим», что позволить себе увидеть всю эту ситуацию становится настоящей проблемой и проверкой для ученика.

Самообман вынудит его сопротивляться, отрицать или просто пройти мимо такого осознания. Как бы то ни было, Учение неизменно утрачивается, если оно превращается лишь в инструмент социального приспособления. Это тем более верно, поскольку методы и механизмы социального приспособления уже стали доступны широкому кругу потребителей в «господствующей культуре».

Установлено, что хорошая социальная интеграция в обществе способствует лучшему усвоению Учения. Легко обнаружить, что человек, вся жизнь которого «посвящена Учению», менее способен к восприятию.

Именно по этой причине Учение в основном обращено к тем, кто уже обрел социальное равновесие. Когда Учение берет на себя какую бы то ни было ответственность за уже существующие группы, полагающие, что они работают с Традицией, сначала необходимо установить, достигла ли группа и/или ее отдельные члены адекватной широкой интеграции с обществом.

С точки зрения диагностики тех, чья «преданность Учению» является одержимостью и результатом внушения, легко отличить от «принадлежащих Учению». Первые не могут думать ни о чем другом и не способны иметь дело с обычным миром. Последние, опираясь на свои способности, а не на убеждения, могут действовать в любом обществе.

Весьма существенно в качестве предварительного и основополагающего условия установить со всеми необходимыми уточнениями ошибку в диагнозе. Речь идет о ситуации, когда некоторые организации считают одержимых людей достойными и ценными индивидами, хотя такие личности способны только отдавать. Поэтому-то они и представляют собой величайшую ценность для институтов, все усилия которых направлены на собственное выживание. Цель же институтов, созданных Учением, — быть инструментом, ограниченным в масштабе и целях, орудием, которое требует от индивидов и групп минимума энергии, преданности и жертвенности, в то же время обеспечивая их максимумом обучения и потенциальности.

Большинство человеческих сообществ состоит из ряда глубоко почитаемых социальных организмов, действующих в самоувековечивающем ритме. Поскольку таковыми являются весьма уважаемые организации и используемый ими простой метод возбуждения и поддержания энтузиазма известен большинству людей из всех слоев общества, необходимо сделать все, чтобы послание об истинной природе института или организма как такового стало предельно понятным. Понимание подобных вещей сравнительно медленно приходит к людям. Запечатлеть аргумент — еще не значит понять его.

Величайшая ценность курсов Учения и всей его деятельности как раз в том и состоит, чтобы привести человека к непреходящему пониманию.

Срок годности рыбы

Находясь под воздействием Учения, человек может усовершенствоваться. Если же он в результате стал хуже, то причиной тому невежество учителя, который подверг ученика воздействию учебных материалов, не исправив сначала его внутренние тенденции. В подобном

случае ни обучение, ни изучение не были продуктивны.

Если человек учился сам по себе, то и в этом случае ни изучение, ни обучение не имели места. Надежда на совершенствование не заменяет способности к совершенствованию.

Те, кто изучал и работал, могут знать больше тех, кто этого не делал. Но все зависит от времени. Представьте себе, что человек скажет: «У меня есть вот эта рыба, и теперь я не буду иметь проблем с едой», забыв, что рыба испортится и через три дня станет ядом.

Не забывайте, что едок должен еще и переваривать съеденное.

Поглощение пищи при отсутствии желудка может доставлять приятные ощущения. Какая, однако, от этого польза?

Дар речи

Способность изъясняться словами, столь ценная в качестве средства установления и сохранения коммуникации между людьми, была захвачена и отдана во власть другого фактора. Теперь слова столь же интенсивно используются, чтобы затуманивать факты, влиять на суждение и с помощью дара речи настолько обходить существенное, что оно начинает казаться попросту несуществующим.

Если бы человек не обладал еще и другими дарами (хотя они есть не у каждого), он превратил бы свой повседневный мир в сущее безумие.

Влияние Учения

Влияние Учения лишь в незначительной степени превосходит способности тех, кто его практикует. Когда основная масса последователей состоит из людей низкого уровня, теряется движущая сила Учения, и ученики начинают доминировать над предметом, которому их обучают. Поэтому ради общего блага учитель должен подбирать тех, кто извлечет из Учения наибольшую пользу.

Голый король

Все мы знаем историю о голем короле, который по своей глупости убедил себя, что одет в роскошное платье, и как люди поверили этому, потому что им сказали, что неспособные видеть прекрасные одежды, — недостойные личности.

И также мы знаем, что только ребенок сумел разорвать замкнутый круг, закричав: «А король-то — голый!»

В результате мы предполагаем, что у нас есть надежда: в нужный момент кто-нибудь обязательно укажет нам на отсутствие одежд...

Ну а как быть, если все мы находимся в толпе, где каждый нагишом и даже ребенок воображает (с детьми это часто бывает), что на нем «королевский наряд»?

Неизвестное

Встречаясь с чем-то непонятным, человек склонен реагировать на это через отрицание и

враждебность или, наоборот, — легковерным принятием.

Многих вводит в заблуждение факт, что человеку свойственны все названные реакции. В результате, когда возникает некая новая ситуация, люди делятся на тех, кто «за», «против» и воздержавшихся.

Необходимо осознать, что «за» и «против» не выступают здесь как противоположности. Это просто две разновидности реакции организма, отвечающего на один и тот же стимул, по существу, одним и тем же способом: с помощью энергии.

По сравнению с тем, что люди воображают по поводу рассмотренной выше ситуации, их позиция «за» или «против» может и не иметь большого значения.

Чем больше вы думаете

Чем больше вы думаете о своем учителе, тем меньше у вас шансов учиться.

Чем больше вы думаете, что не должны думать об учителях, тем меньше вы способны учиться.

Чем больше вы думаете о себе, о книгах или протестуете против книг, поддерживаете или отвергаете обучающие материалы и упражнения или размышляете о распространении Учения, тем меньше вы учитесь.

Единственный способ учиться — это поддерживать все факторы в постоянном равновесии.

Достичь такого равновесия можно только практикой и следуя руководству.

Некоторые люди порою не любят практику.

Другие периодически не любят руководство. Как было бы здорово, если бы эти позиции исходили из какой-либо внутренней пронизательности!

К сожалению, они продиктованы желанием развлечься. Предпочтение одного и сопротивление другому есть проявление низких устремлений, а само по себе это не является достаточно крепким основанием, чтобы вынести груз обучения.

Восьмой день

Обстоятельства возобладали над человеком. Языки, которыми он прежде пользовался, стали недостаточными для описания того, что уже происходит или вот-вот должно случиться. Думать в терминах тысячелетия или пользоваться лексикой таких банальных представлений, как «час до полуночи», просто смешно.

Будет лучше, если человек осознает, что он живет в эпоху, которую точнее всего можно обозначить как «восьмой день недели».

Село

Чтобы не превратиться в механическое устройство, вы должны учитывать обычаи и понятия сельской справедливости, видеть систему и согласованность внешнего мира, а также логику и процессы большого мира.

Жадная щедрость

Неужели вы не видите, как люди манипулируют вашей жадностью?

Стоит только им сказать: «Не будь жадным», как они тут же начинают испытывать жадность к щедрости.

Или вы воображаете, что жадность до щедрости уже не является жадностью, во всех ее разрушительных аспектах?

Когда же вы наконец заметите, что каждый, кто питает свою жадность, веря, что раскрывает в себе щедрость, скорее всего, невежда, а не злодей, и жадность питается невежеством?

У вас есть все для того, чтобы зарегистрировать этот факт, так как восприятие его не связано с некой метафизической реальией. Это, подобно определению времени по часам, должно было бы стать всеобщим знанием и полезной информацией многие века тому назад.

Внутренний поток в человеке

Все живые организмы при обычных обстоятельствах связаны между собой невидимой силой.

Все сообщества наполнены этой силой и сами становятся организмами.

Все человеческие сообщества можно рассматривать как единый организм и соответственно обращаться с ними.

В этом смысле нет никакой разницы между теми, кто клинически жив, и теми, кто «мертв», кто — здесь и кто — там.

Существует иной сущностный диапазон взаимоотношений.

Пытаясь инстинктивно найти или «доказать» это, человек все еще совершает очень глупые поступки.

Повышение чувствительности отдельного индивида и расширение общей восприимчивости целых организмов может привести индивидов и организмы к трансформации — конструктивного, деструктивного или же мутационного характера.

Ценность мнения

Мнение является как наилучшим, так и наихудшим из того, что у нас есть. Если у вас верное мнение, все в порядке. Если же оно ошибочно, вы можете заблудиться.

Уязвимость структуры мнения состоит в предположении, что под рукой всегда окажется нечто или некто, кто поможет человеку поменять или уточнить его взгляд.

Люди не осознают хрупкости или временной природы большинства мнений и поэтому придают им слишком большое значение.

Большинство мнений используется как суррогат знания. Если мнение слишком устойчиво, то, будучи по своей природе грубее знания, оно заблокирует действие последнего.

Ценность алхимии

Ценность алхимической формулировки состоит в фиксации того особого внимания, которое уделяется правильным материалам, правильному обращению с ними и правильным условиям.

Это можно назвать сущностью алхимии, равно ее химической разновидности или «духовной». В последней из данных ипостасей алхимия, разумеется, сохранила доктрину о специализированном изучении людей, мест и процессов, которую организованная религия отбросила в тот момент, когда взялась себя «популяризировать».

Вот чем заплатила за этот процесс упрощенная религия, не сумев обеспечить своих практикующих последователей искомой самореализацией, она, в попытках удержать позиции, стала все больше и дальше отступать в софистику и догматизм.

Концепция «Время, место, люди» возвращается на свое место, но ее считают теорией для еретиков.

Цикличность человеческого мышления

В человеческом мышлении существует некоторая цикличность. Отметьте для себя следующую особенность мышления: к тому, что считается «новым», даже если это современная форма хорошо забытого старого, люди поначалу относятся враждебно; затем они приспособливаются как-то поддерживать это «новое», после чего оно становится «полученной и проверенной» доктриной или практикой.

Доктрина к этому времени прижилась. На данном этапе самыми энергичными ее сторонниками становятся противники всяческих «изменений». Внешне они важные, выдающиеся люди. Однако их функциональная важность равна нулю. Эволюционную работу выполняют другие.

К этому моменту наступает стадия вторичной вспышки Учения. Те, кто должны бы быть его наиболее непримиримыми врагами, становятся восторженными сторонниками, хотя, будь это на более ранних стадиях, они, ради того чтобы воспрепятствовать «новой форме», легли бы трупом на ее пути.

Единственное, в чем варьируется подобная модель, так это в масштабе времени.

Некоторые мероприятия ментального характера распадаются или атрофируются быстрее других. Никакая земная организация или индивид не могут противостоять тенденции затухания в цикле мышления. Поэтому люди знания устанавливают институты, эффективное существование которых возможно лишь в течение ограниченного времени.

Говорить прямо

Я говорю прямо, потому что это отвечает целям коммуникации. А также из-за того, что традиционная терминология, изобретенная для высших изучений, была узурпирована поверхностными мыслителями и, таким образом, ее коммуникационная ценность снизилась. Более передовая фразеология оказалась перегруженной банальными ассоциациями.

Основную оппозицию откровенному языку можно обнаружить сегодня среди тех, чьим интересам подобный язык угрожает. Вот их версия: «Это грубо, здесь нет ничего духовного, высшего».

Вам решать, кто прав.

Награда за добродетель

Добродетель вознаграждается в замкнутых системах, в системах социальных, где к одним мыслям и поступкам относятся как к хорошим, к другим — как к плохим.

Ежедневный опыт может научить кого угодно, что подобный вид классификации действует лишь в течение какого-то отрезка времени и в очень ограниченной области. Но даже в эти короткие периоды, и даже в отдельных жизненных ситуациях, как говорит пословица, «обстоятельства меняют факты».

Предполагая, что любая система, построенная по образцу «добродетель — порок», имеет неограниченный потенциал, человек, какой бы высокой ни была ценность подобной системы в рамках присущих ей ограничений, неизбежно атрофирует свое понимание, что сопровождается лукавством в мышлении. Все мы знаем, сколь извращены мыслители, верящие, что вся жизнь может быть сведена к определенным догмам. Скрывая факт, что истина противоположна подобному подходу, или поддерживая поверхностную правдоподобность своих аргументов, они поначалу вынуждены прибегать к невероятной софистике. В завершение своей карьеры подобные люди предпочитают жить в замкнутых общинах или управлять ими.

Иначе обстоит дело с навыками, приобретенными в результате попыток практиковать добродетель. В процессе «культивирования» добродетели человек приобретает дисциплину, воздержание, терпение, правдивость.

Все перечисленное представляет собой очень действенные способности, обладающие несоизмеримо большей ценностью, чем сами добродетели, которые фактически являются структурой, обеспечивающей выполнение этих упражнений.

Например, человек пытается говорить правду, и это считается добродетелью. Если же он настолько правдив, что не уверен что, собственно, есть правда, и прямо говорит об этом, он выращивает определенную способность. Замкнутые системы, претендующие на то, что концентрируются на самой правде, останавливают развитие подобного процесса. Они не скажут такому человеку: «Прекрасно, вот сейчас ты пытаешься быть правдивым». Вместо этого они говорят: «Если бы ты знал правду, ты бы знал, что наша догма и есть правда», или: «Истина тебе не известна. Культивируй такие-то очищающие мысли или поступки и в конце концов уверуешь в нас, иначе так и останешься среди сброда неверующих».

Третья система

Существуют три стадии развития человека — младенчество, юность и зрелость, представляющие адекватный аналог стадий общественного развития.

На первой стадии с очевидностью проступает грубость и разрушительность. Это детство, которое эквивалентно захвату территории в общественной жизни.

Вторая стадия характеризуется интенсивными эмоциями, мыслительной активностью и упорством в достижении поставленных целей. Эквивалентом этому является общественная фаза, представляющая «производную от феодализма». Борьба на данном этапе ведется не за завоевания национальных территорий, а за ментальное превосходство (пропаганду и известность), а также за концентрацию энергии — создание коммерческих и промышленных империй.

Все общества, принадлежащие к различным социальным, политическим и экономическим ориентациям, действуют в русле подобных систем.

На заключительном, третьем, этапе появляется эффективная и конструктивная структура в виде организации, способной сделать вклад в такое разнообразие областей, что ее невозможно выявить как врага или даже друга, поскольку ее члены — выходцы из всех слоев любого

общества. Подобная организация, обеспечивая достижение позитивных и доказуемых преимуществ в самых разных областях — литературе, коммерции, искусстве, науке, психологии, изучении человеческой мысли и социальных отношений, — проникает сквозь трещины уже существующих более грубых систем.

Чтобы действовать таким образом, данной структурой должны управлять люди, которые понимают ее так же хорошо, как феодалы — войну или финансовый магнат — бизнес. На свете мало таких мужчин и женщин, но они уже есть.

Новый шаг в развитии был предопределен попытками наций, компаний и всевозможных систем предложить своим членам широкий спектр различных преимуществ. Однако все они потерпели неудачу, поскольку не смогли контролировать своих людей (контроль — порочный метод, но подобные организации от него зависят), а также потому, что не сумели предоставить необходимое разнообразие обстоятельств для развития творческого потенциала, а это единственное, что могло бы обеспечить их организмы жизнеспособностью в рамках новой системы.

Таким образом, теперь им остается довольствоваться новым крестьянством. Запомните: крестьянство — это не община обездоленных людей, находящаяся под управлением богатых. Крестьянство представляет собой общину, национальную или интернациональную, которой «владеют»; ее верования состряпаны пропагандой, а материальная активность и развлечения служат чьей-то наживе.

Узнаете себя?

Пораженческая культура

Невидимая «пораженческая культура» покрывает все разнообразие различных человеческих культур современности; ее общий знаменатель присутствует во всех народах.

Ребенок учится у своих родителей и у взрослых, составляющих его окружение. Он не только перенимает позитивную установку на решение проблем, чему, как думают взрослые, они его обучают, но также он учится подражать взрослым и воспроизводит их пораженчество. От них он заимствует тактику самооправдания, когда те объясняют, почему они не пытаются решать определенные задачи, почему они «слишком устали» или почему то или иное усилие «не имеет смысла».

Это верно и в отношении отдельных индивидов, и общества в целом. Не зарегистрировано ни одного случая, чтобы человек пробежал милю за четыре минуты до того, как этот рекорд официально поставлен. Но затем, в результате отмены негласного табу, рекорд повторяют все больше и больше людей.

То же самое имеет место в ментальном развитии детей, когда из-за установки, даже выраженной словесно, то или иное усилие — усилие воли или попытка эксперимента — становится невыполнимой задачей.

Наивный суданский воин, рассказавший мне, что его соотечественники прорвали британское окружение в Омдурмане, потому что «не знали, что это невозможно», по-видимому, имел в виду отсутствие негласной обусловленности в их воспитании.

Человеческая культура, несмотря на то что она содержит в некоторых своих проявлениях высокую оценку дерзновения и веры в человека, воплощает в себе и распространяет, как какую-то заразную болезнь, пораженчество и негативизм. «Очаг заражения», как мы назвали бы это, если бы причина была в бактериях, неотделим от самого человечества.

Для решения этой проблемы ничего не предпринимается в основном из-за того, что данный

факт не осознан человечеством в достаточно широком масштабе. В очевидно прогрессивных культурах люди верят, что любая травматическая неспособность, причиненная поведением родителей, может быть скорректирована психотерапевтом. Но психотерапевты и сами не проходят проверку на присутствие негативных культурных установок. Более того, ребенок, вновь попадающий в свое привычное окружение, не может быть застрахован от того, чтобы опять не подцепить эту заразу.

Необычные переживания

Кроме того, что есть много людей, прошедших через частичные или воображаемые «высшие переживания» и в результате возмнивших себя причастными мистической коммуникации, существует и другая проблема.

Есть немало в высшей степени здравомыслящих людей, которые, испытав подлинные особые виды мышления, помалкивают об этом, боясь, что над ними будут смеяться, или потому, что не желают превращаться в чудаков, или даже, как мне поведали некоторые, из-за боязни, что, возможно, они сходят с ума.

Сегодня существует один-единственный полуреспектабельный формат, в котором такие люди могут продолжать попытки развития подобных переживаний: ныне он известен как «ESP»^[10]. Но дарования подобных людей не могут быть подтверждены доктринами этой теории.

То, что не имеет ответа

Я распространил множество писем, написанных мной по тому или иному поводу, поскольку чувствовал, что они будут интересны людям; в результате мы получили огромное количество ответов с выражением благодарности.

А теперь вам, наверное, будет интересно ознакомиться с адресованным мне письмом, довольно показательным, потому что на подобные письма у меня нет ответа.

Такие послания я получаю целыми дюжинами, каждую неделю, и в каждом из них найдется одна или несколько фраз из этого весьма типичного письма.

«Я хочу стать частью реального мира, реализовать свой потенциал, обрести то, чего недостает в моей жизни. Чтобы видеть и чувствовать вещи более объективно, придется порвать с многими установками, навязанными мне моей страной, родителями, культурой. Я чувствую, что все мы отрезаны от Естественного Порядка и нам необходимо снова вернуться к нему... Я хочу одухотворить окружающий меня материальный мир и усовершенствовать мое ущербное существование...»

Это — бессмыслица, в чем вы сможете убедиться, встретив людей, пишущих таким образом, и за ней скрывается гипертрофия добродетелей, которую суфийская деятельность стремится понизить, здесь также наблюдается почти полное отсутствие того, что суфийские действия пытаются развить...

Это уже само по себе является областью реального изучения и реального развития. Между тем в ситуации массового спроса на подобную белиберду, как только вы станете писать или говорить так же, как мой вышеприведенный корреспондент, вы усладите и впечатлите вашего собеседника, даже просто возвратив ему или ей их собственную, слегка перефразированную бессвязность.

Если не верите, приглашаю попробовать, ибо никто не только не остановит вас, но вы

фактически, приобретете через это много новых друзей, при условии, конечно, что сможете их выносить. А если вы в состоянии выносить таких людей, то вам давно пора только так и разговаривать.

«Сейчас не время» еще не означает «я занят»

Крайне важные факты можно проиллюстрировать явно банальными примерами. Более того, иллюстрируемые случаи настолько тривиальны, что часто совершенно незаметны для наблюдателя.

Приведу пример.

Посетивший меня молодой человек сказал:

«Я хочу поговорить с вами о возможности учиться у вас».

Я сказал: «Сейчас не время».

Он спросил: «Вы заняты, не так ли?»

Я ответил: «Сейчас — не время».

«Значит, у вас нет времени?» — переспросил он.

«Я не сказал, что у меня нет времени», — возразил я.

«Почему бы вам просто не сказать, что вы заняты, и покончить с этим», — сказал он.

Реакция этого юноши показывает, что он был в таком состоянии ума, в котором мог допустить только одно, а именно: что я занят и у меня нет на него времени. Он услышал слова «Сейчас — не время», но (как и у большинства людей) его ум был «запрограммирован» принять лишь собственную трактовку сказанного мной.

Это давало ему возможность подумать про себя или сказать другим: «Он бы поговорил со мной, но у него не было времени».

Итак, человек пришел и ушел безо всякой пользы для себя. Если бы он дал себе труд подумать над фразой «Сейчас — не время», то, по крайней мере, мог бы сказать: «Он утверждает, что сейчас не время для этого. Возможно, его слова означают, что существует другое, более подходящее время. И оно не обязательно должно как-то зависеть от того, занят человек или нет».

Он мог бы чему-то научиться или счесть мое заявление по поводу времени неприемлемым, даже абсурдным. Но он был тем, кем он был, и ему не удалось освободиться от ответа «слишком занят», с которым он и пришел.

Ходить

Люди говорят: «Не пытайся бегать до того, как сможешь ходить».

Они не говорят: «Не бегай, пока не научишься ползать» просто потому, что такой совет впору дать ребенку в том возрасте, когда он даже не способен понимать речь.

Но, когда имеешь дело со взрослыми грамотными людьми, понимающими слова, и приходится давать им советы вроде: «Не ходи, пока не научишься ползать», происходит единственно следующее: люди теряют интерес или, хуже того, впадают в отчаяние.

Почему в подобных словах нужно непременно усматривать агрессивность или гнев, тогда как человек говорит описательно? По-видимому, потому, что слушатель не слышит, не понимает значения слов или даже интонации. Он слышит эхо произнесенного, отраженное от стены враждебности в нем самом.

Сам я ничему не научился, будучи тем, кого обычно считают уступчивым, пока не стал тем, кого можно назвать только «прозрачным».

Их собственный мир

Нередко повторяют, и почти столь же часто можно увидеть, что люди, воображающие себя учеными, «живут в своем собственном, персональном мире».

Редко кто, однако, замечает, что этот самый собственный мир ученых весьма отличается от мира людей или вещей, которые предположительно изучаются этими научными экспертами.

Стоит вам это заметить, и вы перестанете изумляться тому, что увидите в новом свете то, что можно было бы назвать не более, чем удивительными фантазиями кабинетного ученого.

Слова и насилие

Вначале человек не мог изъясняться с помощью слов. Затем он научился заменять словами методы физического насилия. В настоящее время с помощью слов человек наращивает в себе агрессивность. Ему следует разучиться использовать слова не по назначению. Он должен научиться правильно пользоваться и физической силой, и словами. Таково существо, называемое человеком.

Мы возьмем тебя с собой в дорогу

В американском фольклоре известна такая псевдореклама: «Если у тебя есть пистолет, мы возьмем тебя с собой в дорогу».

Более общий, негласный девиз человеческой расы звучал бы так:

«Если у вас есть пессимизм, лень и беспечность, мы найдем этому применение».

А когда у вас есть все перечисленное выше, будьте уверены: «Подобно тому, как люди при малейшей возможности, не раздумывая, воспользуются вашим имуществом, точно так же они воспользуются и вами, — благодаря вашим наклонностям, потому что это уж им удастся сделать наверняка».

Почему люди преследуют мелкие цели

Люди интересуются историей в основном потому, что что-то в них желает знать об их происхождении, нынешнем состоянии и возможном предназначении. Человек интересуется жизнью других людей, поскольку что-то в нем нуждается в информации о его собственной жизни и природе.

Таким образом, подобные занятия — суть вторичные проявления великой внутренней нужды. Но реальная нужда не удовлетворяется низкопробными усилиями, и индивид не в состоянии отказаться от чтения биографий и изучения истории — все потому, что он не достиг своей цели.

Именно по этой причине Санаи, Руми и другие суфии называли обычную деятельность человека, как бы серьезно ни относились к ней сами люди, «игрой». Игра представляет собой

развлекательный аналог чего-то иного. Игры приятны и даже полезны, но они становятся ужасными, если человек воспринимает их как реальную жизнь.

Большинство организованных религий и все религии экспериментального характера вовлечены в игру. Мы не особенно много разговариваем с теми, кто увлечен подобными забавами, потому, что тем самым приняли бы участие в их занятиях, позабыв о происхождении и предназначении человека.

Почему бы так и не сказать?

Люди спрашивают: «Почему бы сразу не сказать, подхожу я для Учения или нет?» или: «И сколько же мне нужно учиться?»

Ответ невероятно прост. Возьмите такую аналогию. Представьте себе, что вы работодатель и говорите человеку, которого только что взяли на работу: «В будущем вам предстоит возглавить отдел в нашей компании». Сообщая подобную новость, вы влияете на ум этого человека. Возможно, начав свою работу тем, кем вы его приняли на службу, он и в самом деле в должное время сможет возглавить отдел, но стоит ему это рассказать, как его отношение к работе изменится настолько, что сможет помешать достижению назначенной цели.

Как только человеку говорят что-то, — он уже не тот, кем был, пока не услышал сказанное. Чтобы помочь кому-то стать руководителем, вам, возможно, нужно будет сказать ему нечто совершенно другое.

Вот почему мы говорим: «Я не могу сказать тебе то, что ты хочешь услышать, а только то, что тебе необходимо знать».

Изучайте наши сказки и истории, чтобы понять, как один-единственный фактор может полностью изменить всю ситуацию. Это поможет вам эффективно запечатлеть понимание в своем уме.

Работать в пределах ограничений

Любая работа проводится в рамках тех или иных ограничений, всякое действие, которое только можно вообразить или описать обычным способом. Чтобы что-нибудь сделать, вы должны располагать соответствующими средствами — необходимыми материалами, людьми, возможностями, которые предоставляются временем и местом. Вы также должны производить свою работу в некоем формате, в определенных рамках. Если вы, например, собираетесь подобрать мебель для комнаты, оформить ее интерьер, вам нужно действовать, принимая во внимание размеры этой комнаты. Ваша цель — сделать что-то в пределах ограничений, содержащихся в ситуации. Ограничения здесь можно было бы заменить другим словом — подчинением чему-то.

Вы хотите отопить комнату. У нее есть определенные размеры, определенное пространство. Собираясь обогреть комнату, вы подчиняетесь ее условиям, повинуетесь комнате, которая говорит вам: «Для того чтобы натопить меня, у тебя должно быть столько-то угля, электричества или газа».

Любая человеческая жизнь, в которой мы принимаем участие, ставит перед нами вопрос достижения максимального результата в рамках существующих ограничений. Ограничения являются командующими элементами, которым мы «служим». Тот факт, что мы притворяемся, будто не подчиняемся нашему окружению, ничего не меняет. Даже когда вы «преодолеваете

препятствия», вы служите этим препятствиям уже тем, что признаете их и принимаете во внимание. Вы не можете относиться к ним безразлично. «Завоевание» пространства осуществляется в границах, навязанных человеку окружающим миром. Человек строит летательные аппараты в соответствии с требованиями, которым эти аппараты должны отвечать, не пытаясь заменить имеющиеся требования какими-то другими.

Действуя подобным образом, человек ставит себя в подчинение тому незыблемому порядку вещей, который ему открылся.

В нашей работе человек тоже служит принципам этой работы, подчиняясь условиям, поставленным ею самой. По крайней мере, на начальном этапе он находится в состоянии служения и ему следует осознавать это.

Что такое самоисследование

Ведите дневник. Ежедневно записывайте в него все, что произошло с вами или поразило вас своей значительностью. Спустя некоторое время начните изучать свои записи и постарайтесь увидеть, как ваше поведение было отчасти продиктовано желанием раздуть собственную важность. Постарайтесь также увидеть, какие полезные или интересные обстоятельства сопровождали каждое событие.

Почему отказано в не книжном изучении

Мы принимаем любого, кто хочет учиться без книг, при условии, что человек достиг стадии, когда ему уже нечему учиться из книг. Следовательно, когда вы больше не будете задавать вопросы, ответы на которые содержатся в книгах, вы сможете вместе с нами погрузиться в область изучения не книжного знания. Опять-таки мы будем учить вас без книг при условии, что вы не совершаете действий, освещаемых в текстах как поверхностные (и, таким образом, поддающиеся исправлению благодаря печатной информации).

Фактически на самом деле мы всегда упорно ищем людей, способных учиться без книг. Таких трудно найти. Однако существуют тысячи, может быть, даже миллионы тех, кто всего лишь имеет желание учиться не по книгам.

Нагревание воды

Запуск новой фазы обучения становится проблематичным всякий раз, когда мы проецируем высшие идеи в общество, уже подготовленное для этого процесса, однако все еще привязанное к более низким, предварительным идеям.

Это можно описать посредством такой аналогии.

Если сейчас вода теплая, а прежде была холодной, она может считать своей наивысшей целью оставаться теплой и не охлаждаться. Любая холодная вода будет оцениваться как плохая, а любая теплая — как хорошая, и в то же время промежуточное состояние (между теплой и холодной) будет восприниматься как состояние борьбы, стремление избежать холодного и достичь теплого рубежа.

Однако, если появляется возможность, позволяющая нам считать «теплое» ступенью на пути к «горячему», вся картина меняется и акценты должны быть расставлены иначе.

Имея дело с нашей водой, вам не удастся просто увеличить количество тепла. Ситуация здесь такова, что нам, скажем, необходимо перелить воду в другой сосуд, чтобы продолжать нагревание. В этом примере мы, конечно, подразумеваем работу с людьми, а не опыты с водой.

Люди в большинстве современных культур считают определенные принципы и качества не только существенным фактором сохранения своего сообщества, но относятся к ним как к своего рода талисманам, которые обязательно подействуют при правильном и достаточно энергичном использовании.

В действительности подобное мышление примитивно.

Преданность, правдивость, усилия, рвение и так далее — все это качества, подготавливающие человека для высших усилий, высшего понимания, для того, чтобы он стал более высоким существом. Но они не приводят к подобным результатам, если люди лишь автоматически развивают в себе перечисленные свойства до крайней степени. В действительности они способны образовать в человеке и в группе статичную ситуацию, если довести их присутствие до предела.

Упомянутые качества чрезвычайно важны в социальной и общественной областях.

Для последующих шагов насущно необходимы результаты, производимые ими, а не они сами.

Почему люди избегают Учения

Современный человек, подобно примитивному туземцу, в значительно большей степени, чем сам подозревает, натренирован узнавать то или иное по ярлыкам.

В конце концов он уподобляется дрессированной собаке — она облает любого, кто похож на врага, и в то же время сожрет баранью ногу, которую вор нашпиговал цианистым калием.

В результате некоторые наиболее важные высшие учения не опознаются подобными людьми как сколько-нибудь относящиеся к области трансцендентного.

Можно ли удивляться тому, что такие личности пребывают в замешательстве.

Поэтому-то и было сказано: «Прежде, чем у тебя появится нужда в знании, тебе может понадобиться информация».

Пути понимания Учения

Часто люди жалуются на свою неспособность понимать Учение или какую-либо его часть.

На самом деле их проблема проста; они сами усложняют ее.

Две главные сложности, которые люди сами привносят в ситуацию, могут быть разрешены с помощью правильного контакта с подлинной суфийской группой.

1. Вы должны знать, является ли та или иная предложенная вам вещь доступной пониманию на вашем уровне, или же вы пытаетесь понять что-то на несоответствующей стадии и вне контекста. Предполагать, что вы способны понимать абсолютно все и всегда без необходимой на то подготовки, — абсурд.

2. Вы способны понимать почти бесконечно больше, чем сейчас. Вам нужно только отказаться от жадности ничтожных удовлетворений или хотя бы научиться ее контролировать. Здесь я имею в виду, что человек должен быть способен отстраниться от жадности к знанию, к таким вещам, как внимание окружающих, то есть от желания, чтобы о нем думали, что он такой или этакий. Если человек по-настоящему учится, он должен перестать играть в

психотерапевтические или социальные игры, называя их «попытками учиться», или «общением с мудрыми людьми», или «священнодействием». Изучающие смогут прийти к пониманию эзотерических вопросов, когда перестанут неразборчиво, «на убой» закармливать свои внешние «я» поверхностными материалами, называя эту информацию важной. У людей появится возможность начать обучение, когда они будут готовы допустить следующее: даже сами свидетельства «чего-то высшего», проявляющиеся в человеке, на самом деле могут быть ненадежными и даже загораживать реальные восприятия.

3. Если вы хотите учиться, а не только играть в учебу, для начала уясните вероятность того, что вышеприведенные замечания могут быть верны и являются такими же или даже более надежными, чем знакомые вам упрощенные схемы.

Виртуальность

Какая польза от рубина в шахте?

Фактически он виртуален.

Разница между неиспользованным рубином и нереализованным человеком в том, что, когда рубин добыт, его можно использовать после обработки. Но человек, думающий, будто что-то знает, и не применяющий это знание на практике, на самом деле не знает ничего. Если бы он знал, то был бы вынужден действовать.

Взгляд на несоответствие

Потратьте немного времени, чтобы поразмыслить над преднамеренно допускаемым несоответствием.

Во-первых, обратите внимание на такой малоизвестный факт, что человек, подвергнутый воздействию предумышленных несоответствий, получает возможность быстро адаптироваться к новым и незнакомым вещам. Все новое, каким бы полезным оно ни оказалось в результате, часто кажется несоответствующим, несуразным. Способность видеть, что находится за пределами несоответствия, тождественна способности к адаптации.

Во-вторых, осознайте, что несоответствие, научись вы сталкиваться с ним, будет стимулировать ваши глубинные чувства и поможет им начать работать на высшем уровне. Большинство людей не позволяет себе посмотреть в лицо несоответствию, если оно внезапно возникает в их жизни. Они избегают его, таким образом, лишая себя стимулирующего эффекта, который заложен в природе этого феномена.

Помните, что бесполезных часто людей раздражают любые несоответствия, независимо от того, стоит ли за несоответствующей внешностью нечто полезное для них или нет. Экстремальные примеры подобных несоответствий уже стали комическими. Но как быть с миллионами случаев, когда мы отказываемся увидеть что-то важное только потому, что не в силах вынести чувство неудобства, заключенное, как нам кажется, в самой ситуации.

Кроме того, алчного человека появление несоответствия побуждает впечатляться. Винить в этом надо скорее алчность, чем само несоответствие. По этой, как, впрочем, и по другим причинам, людей призывали отбросить алчность.

Люди, чье поведение, слова или внешний вид не соответствуют окружающей обстановке, могут привлекать к себе других — тех, кто просто ценит несоответствие как самостоятельное явление.

Это происходит с такой регулярностью, что стало уже неизменным правилом или законом и может быть с легкостью отмечено всяким, кто не находится в плену каких-то противоположных выдуманных убеждений.

Несоответствие может стать самоцелью.

В прошлом многие считали, что само несоответствие и есть проявление внутренних качеств. Однако это не всегда так. В данном случае люди вывели факт из ряда совпадений.

Когда и где?

Уже более тысячи лет суфийские мыслители указывают на некоторые факты, например: «Схоласты мыслят столь неестественным образом, что никогда не позволят себе понять суфийские принципы, зато одержимы классификацией и хронологией».

Услышав или прочитав эти слова, ученые скажут: «Да-да, скорее всего, так оно и есть, но интересно, кто первым высказал подобную мысль и когда?»

Что у тебя есть?

Когда человек думает, что у него есть все, он, возможно, способен получить то, в чем действительно нуждается.

Когда человек думает, что у него есть кое-что, — у него вообще ничего нет.

Когда человек думает, что у него нет ничего, он, может быть, способен кое-что получить.

Когда он думает, что должен давать, ему не следует даже пытаться. Когда он думает, что не способен давать, возможность отдавать (и приобретать) приближается к нему.

Уход от мира

Внутренняя работа происходит в обычном мире, но она не может совершаться любым человеком, если его просто привлекает эта идея, а в действительности он не в состоянии ни удалиться от мира, ни участвовать в его делах.

Уход от мира бесполезен для тех, кого привлекает отречение и уединение.

Вряд ли существуют подлинные монахи.

Таковыми, скорее всего, оказались бы люди, чувствующие себя одинаково естественно и в уединении, и в среди людей.

Изучения и упражнения как переменные величины

Вы запрещаете ребенку переходить улицу. Вы заставляете его держать вас за руку. Это можно назвать ритуалом и упражнением.

Но вот наступает время, когда правила, установленные вами для безопасности и тренировки ребенка, должны быть (в результате роста в нем понимания) заменены другими правилами, которые, как может показаться, противоречат первоначальному.

«Теперь сам перейди через дорогу».

То же самое происходит в подлинной школе с изучением и упражнениями.

Стерильные традиционалистские системы различного толка построены по противоположному принципу.

Большинство знакомых нам религий и философских систем относятся именно к этой категории.

Есть области, которые поверхностные люди не признают как «эзотерические». Там реальное учение сохраняется и применяется в большей степени, чем может заподозрить любой посторонний наблюдатель.

Технология

Вопрос: Технологические новшества могут успешно использоваться или оставаться невостребованными. Суфийские изучения культивируются одними и пренебрегаются другими людьми — есть ли тому аналогия?

Ответ: Аналогия здесь и в самом деле, существует. Вкратце, можно сказать, что на Востоке люди специализировались на определенных путях к знанию, в то время как на Западе умы людей занимали другие приоритеты. Обобщая, можно сказать, что на Западе в рассматриваемом виде деятельности эмоции использовались как горючее, тогда как на Востоке больше внимания уделялось отрицательной роли эмоций в подобной области. И на Востоке, и на Западе духовная деятельность была обрывочной.

Доклад доктора Джина Гимпела, выдающегося специалиста по Средневековью, проливает свет на удивительно случайное развитие мировой технологии в прошлом и обеспечивает нас аналогией подобного же феномена в области изучения и применения суфийского знания.

Он отметил, что распределительный вал (коробка передач) был очень давно известен в Александрии, но в Европе его стали использовать только спустя примерно полторы тысячи лет! Это открытие никогда ранее не достигало страны Бангладеш, но недавно там для простых деревенских жителей был выставлен подобный механизм. Крестьяне сразу же поняли, как это устройство действует и какую пользу может принести сегодня в их жизни. Опять-таки архимедов винт — приспособление, датируемое третьим веком до нашей эры, сегодня используется для осушения болот в современном английском городке Тэмесмид.

Древняя «полезная» технология, в отличие от сложной и в высшей степени индустриальной технологии, применяется как на Западе, так и в третьем мире. Точно так же мы вновь ввели в употребление суфийские идеи и разработки как на Востоке, так и на Западе, где они были приняты энтузиазмом и в то же время с излишним изумлением, вызванным, по-видимому, следующим неосознанным предположением: раз некие идеи до сих пор не использовались, то они бесполезны. По-настоящему полезные вещи должны выражаться через очень сложные громоздкие структуры, которые в одной области принимаются за передовую технологию, а в другой — за научную мысль.

Имитация технических процедур

Если бы в сфере важнейших человеческих технологий злоупотребления ограничивались одной только имитацией, само по себе это не имело бы такого большого значения. К сожалению, и раньше, и теперь люди часто сознательно и вместе с тем неправильно исполняют молитвы, упражнения, ментальные и физические ритуалы.

Наиболее очевидные опасные последствия упомянутых действий фактически относятся к

самым безобидным из тех, что возможны в подобных подражательных ситуациях.

Обращение к обрядам без специального знания аналогично тому, как если бы мы в надежде получить воду, применили бы водород без кислорода или, чтобы подсолить воду, вместо хлористого натрия взяли натрий.

Не делайте этого.

Инфантильные желания

Чем более развитым и зрелым человек становится интеллектуально или в плане материальной обеспеченности, тем более настойчивы его инфантильные требования. Он хочет того, чего ему хочется, тогда когда захочется, и перестает видеть разницу между желанием и потребностями.

Всякий увлеченный философией человек желает стимулов, упражнений, встреч и так далее. Но какова пропорция (среди общего количества подобных людей) желающих того, что должно предшествовать перечисленному, — то есть получения такой подготовки, после которой опыт начинает иметь смысл, а его результаты становятся постоянными?

Невежество и ненависть

Невежество приводит человека к одному из самых вредных последствий.

Вы перестаете ненавидеть, когда узнаете это.

Если «закоренелые злодеи» являются невеждами, а не злонамеренными негодьями, то как можно их не любить, ненавидеть, а также ненавидеть и менее значительных преступников, тех, кто умышленно разрушителен?

Единственное, что нужно ненавидеть, так это саму ненависть.

Информация и опыт

Если вы владеете информацией определенного рода, опыт вам, возможно, и не нужен.

Если у вас есть опыт, вы можете найти информацию.

Но если у вас есть лишь информация, да и та специфического характера, и она не была превращена в информацию действенную, вам может понадобиться опыт, чтобы раскрыть ее смысл.

Как и в случае с рецептом, в какой-то момент люди нуждаются в информации, а в какой-то момент им необходим опыт. Невозможно каждому человеку предписать что-либо раз и навсегда. Поэтому вопрос, кто, когда и в чем нуждается, должен учитывать данность конкретных людей, конкретные ситуации, а не какие-то теоретические положения, которые можно было бы провозгласить законами.

Воображение против понимания

В тот или иной момент времени человеку может быть (а может, и не быть) необходимо понимание вербальной формы, в которой выражено высшее учение. Максимум, что требуется,

это ознакомиться с определенными материалами.

Что необходимо на самом деле, так это то, чтобы понимание, когда оно придет к индивиду, оказалось бы правильного свойства. Нет никакой гарантии, что человека удастся перевести от «воображаемого» понимания к истинному осознанию смысла.

Характерная черта воображаемого понимания в том, что его жертва, пребывая в полной уверенности, что понимает, надежно перекрыла себе путь к знанию.

«То-то и то-то мне ни к чему, — говорит человек, — потому что это у меня уже есть».

Информация и знание

Возможно, вам нужна информация — начальная или продвинутая, разумеется, соответствующая вашему состоянию, — хотя сами вы способны думать только о том, что нуждаетесь в высшем сознании.

На днях одна женщина сказала мне: «Если я умру, так и не достигнув высшего сознания, — я ужасно разозлюсь!» Не стоит над ней смеяться, потому что вдруг вы на нее похожи и просто пользуетесь другими словами.

Любой человек должен в этой области продвигаться шаг за шагом. Сначала необходимо определить, в чем он нуждается, а до тех пор его желания не имеют особого значения. Пока человек не осознает своих потребностей, его желания будут казаться ему самыми важными, но это всего лишь иллюзия.

Результат идеологии

Идеология, будучи как обычно активной, ввергает людей в абсурдные формы мышления и поведения. Берегитесь ее, потому что она использует механические принципы в отношении человеческого развития.

И в тот момент, когда ненадежность предсказаний, сделанных идеологией, вот-вот станет очевидной, она вынуждена прибегать к обусловливанию, внушению и насильственным действиям над человеческими умами.

И все-таки идеологическое мышление само себя разрушает с течением времени.

Посмотрите на историю и судьбу всех общин и индивидов, которые действовали, опираясь на идеологию.

Трагедия в том, что, хотя идеология в конце концов сама себя разрушает, этот момент может наступить слишком поздно, чтобы быть вам в чем-то полезным.

Импорт технических приемов

Из научного и технологического опыта известно, как часто неожиданно странное поведение людей, принадлежащих к культурам с интенсивным национальным колоритом, создает забавные ситуации.

Примером тому может служить распространенный обычай жителей Африки и Азии, о котором много сообщалось в последние годы: подвергнувшись вакцинации, они затем спрашивают «благословения» этой процедуры у местных знахарей. Они верят, что, подтвердив легитимность современной медицинской технологии у местного авторитета, они охраняют себя

от опасности и делают современную процедуру по-настоящему эффективной.

Подобный процесс, столь же забавный, сколь и бесполезный, заметен для опытного наблюдателя в сфере импорта неизвестных технических приемов с Востока на Запад. Люди порой до неузнаваемости, иногда до потери всякого смысла изменяют серии идей и практических приемов, эффективность которых зависит от того, как они используются.

Например, в религиозной практике молитвой вполне может стать то, что некогда было упражнением. Поскольку известно, что люди когда-то складывали ладони рук вместе, практически все молитвы сегодня сопровождаются этим жестом, который в древней традиции был частью чего-то совсем другого. Можно почти до бесконечности ссылаться на подобные казусы.

Кроме того, существует еще один вид импорта: физические, психологические и другие технические процедуры буквально «снимаются» с культуры, для которой они были прописаны, и импортируются, а затем практикуются в обществах, где получить какую-либо функциональную пользу от этого невозможно. Подобные стандартные практики приводят лишь к тому, что натренировывают, или «обуславливают», людей чувствовать, будто бы с подобными практиками связано нечто важное. Что ж, это, может быть, так, а может быть, и нет. Все зависит от конкретного случая.

Я могу учить вас

Если вы обучаемы, я, конечно, могу вас учить.

Я сомневаюсь, что смогу это делать на ваших условиях.

Обучение противостоит выбору учеником времени, места и способа обучения, а также самовольному назначению себе каникул.

Такие условия годятся для развлечений и социальной деятельности, выдаваемых за учение, и, возможно, у человека даже будет ощущение, что он учится.

Однако, что касается нашей области, то в подобных обстоятельствах никогда нельзя чему-либо учиться или обучать.

В этой сфере, как и в более обычных разделах образования, необходимо предоставить школе право диктовать условия обучения.

Также нужна возможность отбора учеников. Кроме того, школе небезразлично, как ученик использует свою энергию.

«Я пришел сюда не за тем, чтобы меня оскорбляли»

Буквально на днях ко мне пришел человек, которому не понравилось, как с ним разговаривают.

Он отреагировал такими словами: «Я пришел сюда не за тем, чтобы меня оскорбляли». Меня так и подмывало спросить: «Да что вы, и куда же вы обычно для этого ходите?»

Для остальных присутствовавших было более чем очевидно то, что наш посетитель не захотел увидеть, — он вполне подходил под описание человека, который только за этим и пришел.

Если вы подошли к розетке, суете в нее пальцы и вас отбрасывает на другой конец комнаты, совершенно неуместным будет воскликнуть: «Я пришел сюда не за тем, чтобы меня ударило током!»

Людей можно оскорбить лишь в том случае, когда они сознательно или бессознательно решают быть оскорбленными. Оскорбление не является чем-то объективным, как, например, булыжник. Если вы назовете некоторых мужчин женщинами, они будут оскорблены. Если вы назовете женщин мужчинами, некоторые женщины почувствуют себя оскорбленными. Можно привести миллионы подобных примеров.

Но важнее всего то, что люди, выработавшие в себе подобный механизм реагирования, — а в данном случае речь идет о личностях, в недостаточном объеме усвоивших предоставленную им их собственной культурой информацию относительно неврозов, обусловленности, жажды внимания и раздражения по поводу отказа насытить их жажду, — все эти люди для нас подобны тем, кто еще не выучил алфавит, но уже хочет стать писателем. Есть небольшое формальное условие: вы должны обладать способностью понимать больше, чем вы понимаете сегодня. Учить вас таким элементарным вещам не входит в нашу обязанность. Возможно, у нас есть на это время, а может быть, и нет. Изучение алфавита может стать первым шагом к тому, чтобы стать великим писателем. На этой стадии вы едва ли прибавите значимости вашим занятиям, высокопарно описывая причастность букв к большой литературе. Сначала делается первый шаг. Первые шаги являются абсолютно необходимыми. Однако это не повод, чтобы относиться к ним как к чему-то высшему.

Информация и ожидание

Вопрос: *Очень часто повторяются следующие два утверждения. Первое — о том, что вначале мы нуждаемся в информации, а уж потом в знании; второе — что подлинное высшее знание обычно «противоположно ожиданиям». Мне трудно понять эти утверждения.*

Ответ: Я легко могу ответить на оба вопроса, приведя три простых примера.

1. Вам необходима информация о том, что многие истинные учителя выглядят не так, как, по вашему представлению, должен выглядеть учитель. Следовательно, их внешность будет противоположна вашим ожиданиям, которые могут опираться на ваше воображение, культурную преемственность или на рассказы других людей.

2. Вы нуждаетесь в информации о том, что вас окружают обучающие ситуации, но, поскольку в вашем мышлении происходящее не ассоциируется с таковыми, вы даже и представить себе не можете, что подобные вещи относятся к обучающим материалам. Поэтому, когда вам указывают на это явление, оно кажется «противоположным ожиданиям».

3. Вам свойственно ожидать, что Учения должны быть выражены в форме, в которой высшие Учения существовали в прошлом. Вы воображаете, что древние Учения в их традиционной форме в каком-то смысле выше подобных Учений, выраженных в современных терминах. Вам нужна информация, касающаяся этого вопроса. Если, скажем, вы, ожидая, что сумеете «допытать» древние тексты, докопаться до их смысла, случайно сталкиваетесь с методами истинного современного изучения, то содержание вашей находки будет «противоположно ожиданиям».

Суждение

Человеческие системы анализа достигли интересного пункта. Психологи продемонстрировали, что нельзя полагаться на то, что люди обычно принимают за причины своего поведения.

Сравнительное изучение трудов по психологии показывает, что различные психологические школы выдвигают одинаково убедительные, но при этом взаимоисключающие объяснения поведения людей.

Остается только одно: найти истинные причины человеческих поступков, но именно этого пациент, как ему внушили, не в состоянии сделать, — а психологи, как они сами показали, не в состоянии установить.

Настанет время, и истоки человеческого поведения будут найдены с помощью третьего способа, который для этого придется открывать заново. Единственная проблема здесь состоит в следующем: понадобится вернуться к концепциям, которые современному мышлению трудно принять.

Настойчивость

Люди постоянно спрашивают у меня совета, как им продолжать свои попытки пытаться.

Но не кажется ли вам, что, если бы настойчивость уже не была их основной характеристикой, они не пытались бы ее увековечить?

Едва ли кто-нибудь знает, в чем действительно нуждается.

Поэтому человек настаивает, чтобы ему дали то, в чем он, как ему кажется, испытывает нужду.

И даже когда он получает желаемое, ему, как вы можете заметить, продолжает казаться, будто он так и не добился желаемого.

Необходимо шагнуть назад, чтобы увидеть это явление в перспективе, так как мир буквально переполнен двумя типами измотанных людей: теми, кто пытается получить то, что воображает необходимым для себя, и теми, кто измучился давать им это.

Знание и поведение

«Что лучше, знание или хорошее поведение?»

На подобный вопрос можно дать полезный ответ: «Если у вас есть знание, вам не нужны нормы поведения».

Дело в том, что два эти понятия не альтернативны друг другу. Хорошее поведение может стать заменой знанию потому, что человек, «хорошо себя ведущий», не ведает ничего другого, что мог бы предпринять.

Конечно, поведение в действительности никогда не бывает хорошим или плохим, все это относительно.

Если вы обладаете знанием, у вас — правильное поведение.

Правильное поведение в любой ситуации может, на первый взгляд, совершенно отличаться, а может не отличаться и от «хорошего» поведения, и от «плохого».

Раздел VI

Нравится — не нравится

Прежде всего, есть реальная причина, по которой что-то нравится, а что-то нет.

Затем человек попадает под воздействие личности или вещи, которая ему нравится или не нравится.

И, наконец, выдвигается предполагаемая причина, почему это нравится, а вот это — нисколько.

Только когда вы знаете все три момента, вам известно, что происходит на самом деле.

Тот факт, что большинство теоретически знакомо с проблемой, лишь усугубляет ситуацию, так что вряд ли кто-нибудь применяет это знание к себе или пользуется им, наблюдая поведение других людей.

Описав, как происходят подобные вещи, психологи-теоретики оказали нам медвежью услугу, потому что тем самым дали людям возможность делать совершенно легкомысленные заявления, вроде: «Ну, да, конечно, — все это давно известно!»

Грубейшая ошибка состояла в том, что модели ситуаций, в которых осознание этого механизма стало бы неотвратимым, не были ни изобретены, ни, соответственно, использованы.

Ярлыки и родословные

Люди горазды пускаться в пространные рассуждения по поводу родословных.

Но есть ли, в сущности, разница в том, гордится ли человек своей политической, литературной, духовной «родословной» или кичится своим физическим происхождением?

Звучать это может по-разному, в зависимости от формы изложения, но если исследовать тех, кто заявляет: «У меня благородное происхождение», и тех, кто говорит: «Моя система лучше», то между ними в большинстве случаев обнаружится гораздо больше сходства, чем различий. Вы когда-нибудь думали об этом? Не принимайте мои слова на веру, исследуйте сами.

Некоторые утверждают, что разница здесь в том, что убеждения человек может поменять, а происхождение нет.

Но какое имеет значение, способен человек что-либо изменить или изменение уже произошло, если продукт в результате столь бесполезен?

Слушай

Послушай друга, и ты узнаешь о себе искаженную правду.

Прислушайся к врагу, и опять услышишь нечто искаженное.

Дружба помогает выжить и укрепляет человека.

Те, кто противостоят нам, наделяют нас силой.

Но вот мы выжили и стали сильнее, — тогда и является иная версия, отличная от мнения друга или врага.

Это — Высшее видение.

Ценность обиталища — в Обитателе.

В некоторых странах до сих пор практикуются различные виды народной медицины, которые, как известно, уже деградировали. В результате процедуры, предписанные от одной болезни, считаются эффективными от всех и, когда их применяют подобным образом, могут только ухудшить состояние больного. Стимуляторы, небольшое количество которых способно помочь организму повысить жизнестойкость в борьбе с болезнью, ныне используются в таких количествах, что только ослабляют тело. Прижигание, в отдельных случаях полезное для уничтожения микробов, применяется без дополнительных мер по антисептике, и так интенсивно, что возникают незаживающие раны. Кроме того, существуют всевозможные магические смеси или другие неэффективные «лечебные средства», объединенные в предположительную систему знания, — они также способны принести лишь вред, вплоть до самого худшего.

Почти то же самое происходит в сфере духовных занятий, в особенности на Западе, да и во многих кругах на Востоке. Упражнения, предназначенные какому-то конкретному человеку, даются другим людям; учения смешивают и безграмотно используют, как прижигания.

Когда же у людей, попавших под воздействие нескольких «школ», «систем», «учителей» и так далее, берут интервью, их версия звучит чаще всего так: «Все это помогло мне и обогатило мою внутреннюю жизнь...»

Посмотрите на меня

Люди часто обращаются ко мне с просьбой помочь им в саморазвитии. Когда же я говорю, что принял их пожелания к сведению и сделаю, что смогу, ответ их не устраивает. Они продолжают приходить ко мне, писать письма, звонить по телефону. Они придумывают проблемы и находят любой повод, чтобы повидаться со мной.

В таких случаях я говорю им: «Если вы верите, что раз уж я берусь за дело, то делаю его хорошо, вы не должны приходить сюда, пока я сам не позову вас. Но если вы считаете, что я не справлюсь с этой работой, вам следует вовсе прекратить общение со мной».

Пока эти люди не осознают, что у нас не магазин, где можно приобрести себе эмоциональные стимулы по желанию, для них ничего нельзя сделать.

Когда человек, вместо знания и развития способности, ищет внимания и эмоционального удовлетворения, мы не берем на себя никаких обязательств по отношению к нему.

Если вы перестанете слушать то, что говорят люди, и возьметесь понаблюдать за их действиями, вы сможете увидеть, чего они хотят на самом деле. Наблюдая собственное поведение, люди могут изменить его.

Метафора калейдоскопа

Наибольшая польза от метафор заключается в том, что они временно фиксируют в уме концепции, слишком мимолетные для практического применения.

Когда же люди, иллюстрируя ситуации, прибегают к метафорам и побуждают других понимать иносказания буквально или чрезмерно развивают эти метафоры, доктрина камнеет, и, соответственно, утрачивается понимание.

Если я говорю, например: «Человек подобен морю с приливами и отливами эмоций», мне необходимо определить, что я имею в виду, и поскорее собрать с этой метафоры ценный урожай. Но бывает и так, что люди начинают воображать, будто человек подобен морю в какой-то сложной и далеко идущей системе аналогий. Затем они тратят уйму времени, пытаясь найти как можно больше соответствий между человеком и морем.

В нашем использовании метафоры предназначены обеспечивать минимум впечатлений. Изучающему не нужно пытаться слишком их разрабатывать.

Теперь я собираюсь коснуться ситуации, в которой находится человек по отношению к своей воспринимающей способности, и эту способность я уподоблю калейдоскопу, через который смотрят на те или иные объекты. Смотрящий видит цвет, форму, узор. Данные факторы действуют согласованно, создавая впечатление, что визуальное восприятие всегда одно и то же и что оно суть то, что наблюдатель видит в калейдоскопе.

Такова ситуация человеческих существ в обычном состоянии. Их восприятие находится в границах, которые сравнимы с преломлением в калейдоскопе визуальной картины мира. Многие это заподозрили, в результате чего стали пытаться изменить свое восприятие с помощью наркотиков или упражнений. Поскольку большинству людей не ясна природа систематической «деформации», искажающей восприятие, лишь единицы добились какого-то успеха. Из-за недостатка знания они изменяют собственное восприятие неэффективно, неправильно и безо всякой пользы.

Основная же масса людей, конечно, предпочитает продолжать лицезреть успокоительно согласованные калейдоскопические картинки и относится к экспериментам как к глупому и неуместному занятию. Подобная оценка экспериментаторов во многом верна, но исходит из неверных предпосылок. Люди думают, что не стоит даже пытаться менять восприятие, потому что это совершенно бесполезно. Такие личности совершают характерную ошибку, предполагая, что, коль скоро что-то не работает вследствие применения одних методов, оно не заработает и при любых других методах. Это все равно, что сказать: «Вы не можете пересечь океан, поскольку лодки, построенные из губки, всегда тонут».

Когда у человека отсутствует необходимая техническая информация, именно такая реакция и является стандартной.

С другой стороны, экспериментаторы также совершают характерную ошибку: они превозносят собственные усилия и связывают их с чем-то мистическим. Не обладая той же технической информацией, они полагают, что цель, которую они собираются достичь, находится в сфере сверхъестественного. Они подобны людям, которые говорят: «Получение огня есть деятельность эзотерическая, и к этому надо подходить в ритуальном и эмоциональном ключе».

Затем они идут гораздо дальше, разжигая свою жажду мистического с помощью вещей, не имеющих к этому вопросу никакого отношения. Фактически такие люди заявляют: «Если этот огонь не от бога Огня, то он мне и вовсе не нужен».

Иные впадают в еще большее заблуждение и говорят: «Ни за что не поверим, что получение огня может быть сведено к таким мирским вещам, как трение и наличие органического топлива. Подобное могут утверждать только заведомые обманщики».

Одна женщина, живущая в наше время, в двадцатом веке, и исповедующая одну из основных религий, сказала: «Если человек когда-нибудь полетит на Луну, моя вера рухнет».

Нас интересует знание. Если мы предполагаем несовместимость знания и религии, это, разумеется, означает, что мы не вовлечены в ту область интересов и усилий, к которой принадлежат люди, считающие, что знания и религия должны быть совместимы.

Для нас не может быть никакого сомнения в том, что существует поразительное и

непреодолимое различие между «религией», вызывающей к примитивным, инфантильным надеждам и страхам, и деятельностью, для осуществления которой необходимы информация, знание и опыт.

Правда, в виде предпосылки, мы заявляем о существовании калейдоскопа, но только потому, что некоторые вещи должны быть заявлены в таком качестве, как предпосылка, прежде чем их можно будет исследовать.

Основная же наша цель — подтвердить существование подобных вещей через опыт.

Преследуя эту цель, мы устанавливаем определенные условия изучения, ну а если кто-нибудь желает что-то вообразить или изучать, опираясь на принципы, являющиеся, с нашей точки зрения, атавизмом, то для таких людей у нас мало времени.

Человек, становящийся чем-то иным

Человек всегда становится чем-то иным по сравнению с тем, кем он был. Это верно для индивида, равно как и для любого общества.

Именно благодаря внутреннему осознанию своего изменения, которого он не понимает и потому боится, человек постоянно силится остановить этот процесс и стать неким продолжением того, кем он является, или кем он себя считает, или кем он считает являются или являлись раньше другие.

Поскольку такая позиция бесплодна, человека всегда заклинали познать самого себя.

«Человек ненавидит то, что для него хорошо, и любит то, что для него плохо»

Наличие именно этих тенденций должно побудить человека к некоторому исправлению своей личности, которая сама по себе «человеком» не является.

Без этих исправлений человек испортит свое будущее значительно эффективнее, чем это способен сделать кто-нибудь другой, он даже принесет больше зла самому себе, чем обществу.

Люди в большинстве своем забыли, что им необходимо придерживаться морали не только ради общества в целом, но исходя из самосохранения — самого лучшего из эгоистических побуждений.

Вера в то, что идеологическая обработка, эмоции и интеллект — источники «хорошего» и «плохого», является суррогатом истины, изобретением, выдуманном поверхностными популяризаторами.

К высшему изучению это не имеет никакого отношения.

Обучающиеся люди

Среди людей Учения есть индивиды, несколько не изменившиеся в результате своих изучений. Они способны повсюду нести «знание» лишь как некую виртуальность, ожидающую своего воплощения.

Почти все, кто не был в настоящей школе, содержат в себе нечто подобное — непереваренное Учение.

Есть и такие, кто, находясь в контакте с Учением, не обрел его даже в неперевавленном виде. Они запутывают других, создавая впечатление, что чему-то научились.

Но еще более досадно, что существуют люди, получившие Учение в неправильное время и при неправильных обстоятельствах.

Человеку остается только надеяться на защиту от них.

Мораль и культура

Во имя справедливости, откуда и когда появилось это суеверие: «Человек культурный — значит человек высокой морали»?

Опровержение подобного странного предположения, чуть ли не каждый день получающее иллюстрации в обычной жизни, совсем недавно нанесло западной цивилизации такой удар, от которого она еще не оправилась. Людей до сих пор шатает от этого удара.

Подобное потрясение, наверное, сравнимо с тем шоком, который испытали люди, впервые осознав, что, оказывается, бог Грома не является источником абсолютного могущества...

Заслуга

Люди переполнены всевозможными идеями о том, что такое заслуга. Иные видят заслугу в том, чтобы подчиняться правилам, прочие — в том, чтобы не следовать за другими.

Но знаете ли вы, что чем больше у вас знания, тем меньшее значение имеют заслуги?

Не может быть никакой заслуги или предосудительного поступка в том, чтобы делать необходимое или быть тем, кем вы должны быть, если в основе ваших действий лежит знание. Заслуга и изъян — добро и зло — есть стадии на пути к состоянию, при котором подобные понятия исчезают. Если человек обладает знанием, силой и способностью действовать согласно необходимости, — это не назовешь заслугой. Вы должны пройти через опыт приобретения заслуги, прежде чем сумеете превзойти его. А до тех пор даже не пытайтесь это обсуждать. Только превзойдя заслугу, вы будете знать, что делать.

Это касается и многих других вещей, принадлежащих к высшему уровню, — вы пытаетесь их обсуждать, будучи не в силах понять, поскольку не прошли первых стадий.

Медитация

Медитация является первым упражнением в триаде: медитация — концентрация — созерцание.

Когда человек увлекается одним составляющим этой триады, изолированно от других (то есть практикуя что-то не как неотъемлемую часть тройной операции), он заикливается на своем мнении и впадает в иллюзию уверенности.

Такой результат относится к психологическим, а не к духовным феноменам.

Невежество относительно упомянутого факта побудило людей практиковать ту или иную из названных процедур и думать, что ощущаемый результат связан с чем-то «высшим». Необходимо признать, что, если вместо того, чтобы продолжать поиски, человек выбирает какую-либо «простую» технику, на его выбор оказывает влияние фактор жадности.

При внимательном исследовании практикующий может обнаружить в себе чувство жадности, выдающее себя за желание реализации (даже если не осознает постоянно данной проблемы).

Роль учителя-специалиста заключается как в том, чтобы вести ученика, которому трудно воспринять рассмотренные выше факты, так и в том, чтобы передавать свое специальное знание.

Те, кто «обучает» отдельно взятым техническим приемам как способу достижения «гармонии» — пусть подобных людей всегда очень много и они пользуются духовной терминологией, — на самом деле «учит» людей обусловленности.

Никакой случайности в этих изучениях

В социальных группах и школах, в политических, религиозных, национальных и других объединениях человек:

1. Отбирает тех, кого можно обучать.
2. Работает с людьми, которые находятся у него под рукой.

В обоих случаях имеет место похвальное предположение, что большинство людей вполне подходят для целей группы.

В мирских делах человек всегда действует избирательно.

Насколько же более избирательно должны работать мы, занимаясь такой в высшей степени чувствительной деятельностью, как наша.

Использовать метафизику как область, в которой человек может отказаться от избирательности и действовать по принципу толпы, — это верх нелепости.

Необходимость и фантазия

Концепция, процесс, техника, учебная программа не обязательно должны опираться на какие-то авторитетные источники, быть запечатленными в престижной литературе или обеспечивать эмоциональными стимулами.

Требуется, чтобы они были эффективными, то есть подходили отдельной личности и отвечали потребностям группы.

Поэтому вопрос не в том: «Содержится ли здесь что-либо новое, решает ли тот или иной метод мои психологические проблемы или похоже, что может их разрешить, могу ли я в это поверить...», но, безусловно, в следующем: «Работают ли предполагаемые методы и есть ли у меня базовая подготовка, дающая мне шанс включиться в работу?»

Основная цель метафизических школ — выбрать и применить процессы, технику, учебную программу, концепции и материалы, подходящие для данной общины, не оглядываясь при этом на поверхностные предпочтения одного только вкуса, личных склонностей и спроса, порождаемого популярностью.

И в прошлом, и в наши дни многие серьезные мероприятия проводятся приватно, даже втайне, именно по той причине, что работу необходимо осуществлять, не идя на компромисс с посторонними факторами.

«Ничего не происходит»

Всякий, кто думает, что «ничего не происходит», покинул наши занятия, если не явно, то фактически, потому что ученик, думающий так, застрял на изучении основного урока. Он может начать обучение снова, но сперва ему необходимо понять, что он уже не учится.

Ему бы заметить, что, если ребенку или безграмотному крестьянину сказать, что он кружится вместе с землей, тот стал бы точно так же спорить, говоря: «Но ведь ничего не происходит».

Для подобного человека утверждение «что-то происходит» не означает чего-то объективно происходящего.

Этот процесс должен быть чем-то, что он может ощутить на себе и счастье происходящим. Происходящее может быть ерундой, даже приносить ему вред; для него главное чувствовать, что оно происходит, — вот тогда он счастлив или проявляет к событиям интерес.

Чтобы ощутить в происходящем нечто по-настоящему ценное, вы должны стать более цивилизованным, чем дикарь, который судит обо всем по грубым признакам (так или иначе свидетельствующим только о грубых событиях).

Новости

Современные люди не заметили, как опустились до получения информации из источников, специализирующихся на поставке новостей, а не из собственных размышлений, наблюдений, личных контактов или имеющихся инструкций.

Совсем недавно я встретил человека, с которым долгое время не виделся.

«Что нового?» — спросил я у него.

«Не знаю, — ответил он, — я еще не читал сегодняшних газет».

Наблюдение

Ценность развитого наблюдения в том, чтобы показать наблюдающему пробелы в обычном наблюдении.

Использовать способность к наблюдению для того, чтобы наблюдать, как прекрасно ты пронаблюдал что-то, — это стадия, которую зрелый наблюдатель оставляет позади.

У тех, кто пока не перерос эту стадию, все еще есть шанс, но недостает зрелости.

Организация, изучение, вера

Традиционная работа с определенными важными данными, проводившаяся как в особых Учениях, высшие уровни которых стали известны в виде религиозных посланий, так и в психологии, создала те или иные методы изучения, основанные на использовании соответствующих материалов. В этой области трудно что-то усовершенствовать.

К сожалению, из-за воздействия факторов, которые для человечества работают как «закон», подобные материалы стали использоваться неправильно. Они остались непонятыми, были заморожены в символах и ритуалах и сведены к эмоциональному и интеллектуальному потреблению.

В узаконенных традициях определенные словосочетания, в некоторых кругах называемые молитвами, первоначально были предназначены для упражнений, но дошли до наших дней как реликты. В обычном употреблении они мало чем отличаются от заклинаний. В результате потери знания, лежавшего в основе этих словосочетаний, а также смехотворно случайного подбора приверженцев и произошли подобные изменения. Предметы, некогда произведенные,

отобранные и приспособленные для внутренних, функциональных целей, теперь известны как «священные», или «религиозные», объекты и превратились в фетиши. В лучшем случае их используют для формирования в учениках-поклонниках условных рефлексов по Павлову.

Все свелось к тому, что в «религии», «работе» и «учении» мероприятия, осуществляемые по методу, приведенному выше, просто никуда не ведут. Хуже того: «верующие» не осознают, что ими манипулируют, а насмешники, отрицающие ритуалы и традицию, почти всегда оказываются ближе к истине, чем «верующие».

Мы должны восстановить правильное, сознательное применение данных объектов, процедур, текстов и упражнений, чтобы предотвратить их использование в театрализованных действиях, где они становятся бессмысленной пантомимой и абсурдным фетишизмом.

Для этого необходимо избавить наших собственных студентов от обусловленности, от внушенных рефлексов, чтобы они перестали смотреть на священные символы как на стимулы для эмоциональных переживаний, а на ритуал — как на источник удовольствия, и не думали, что определенные одеяния являются свидетельством посвященности человека. Первоначально все составляющие подлинной традиции были отобраны и применялись для специфических целей.

Некоторые из этих компонентов пережили свою полезность, другие применимы только в культурах, куда первоначально были спроецированы. Третьи же составляют наше бесценное достояние.

До тех пор пока не обретут известность заявленные здесь факты и не будут применяться определенные процедуры, способные возродить древнее наследие, невозможно никакое реальное изучение внутренних функций подобных элементов.

Первоначальная функция практик

Слепое выполнение обрядов, доставшихся нам от подлинных Учений, не только комично, но может оказаться вредным.

Только подлинный учитель или человек, направляемый тем, кто уже прошел этот путь до конца, может сказать, что уже не действует наобум.

Серьезная опасность неразборчивых действий кроется в том, что студент рискует попасть в плен какого-нибудь культа.

Чистая вода

Вы знаете, что не смогли бы пить абсолютно чистую воду?

Воду очищают от загрязнений и затем слегка подсаливают, чтобы сделать приятной на вкус.

Точно так же величие духовных мастеров и развитых индивидов не воспринимается обычным человеком.

Чтобы передать что-либо от высшего уровня к низшему, оператор должен произвести некоторую адаптацию.

Интересно отметить, как нечто эквивалентное работает и в обычных обстоятельствах человеческой жизни. Например, часто говорят: «По его поведению ты бы никогда не догадался, какая это важная персона. Он выглядит и говорит совсем как обычный человек».

Но вместо того, чтобы пытаться сделать какие-то стороны подобного характера видимыми

для обычного человека, люди либо изобретают новые, либо заглушевают реальные качества великой личности. Вот почему разделы сплетен в газетах всегда переполнены.

Взаимодействие учителя и ученика

Учитель получает множество материалов высшего порядка через других людей.

Очень редко в подобной роли выступают какие-нибудь «продвинутые» личности.

Данный вид коммуникаций действует постоянно. Большинство людей не может им воспользоваться из-за ментальной суеты, постоянно происходящей в них.

Когда человек освобождается от субъективных идей или отводит им соответствующее время и место, он приобретает способность:

1. Воспринимать вибрации, в которых содержатся послания, полезные для его собственного развития или для передачи другим людям.

2. Прийти к осознанию тех особых характерных ролей, которые ему могут быть отведены в служении высшей необходимости.

Упражнение по взаимной концентрации, выполняемое учителем и учеником, дает возможность учителю, помимо всего прочего, сообщить ученику как то, что поможет «успокоить» последнего, так и серию необходимых тонких стимулов, способствующих развитию.

Плата

С самых древних времен человека информировали, что ему придется платить за беззаботность, глупость и невежество.

Среди профессионалов широко распространено следующее правило: мы платим не за то время, которое они потратили на нас, клиентов, а за годы, ушедшие на приобретение знаний и опыта.

Мы платим, как принято говорить, за их знания.

Но обычный жизненный опыт, а также чтение ежедневной прессы с совершенной определенностью убеждают нас, что часто мы расплачиваемся не за знания экспертов, а за их невежество.

Интересно, что человеческие культуры продолжают придерживаться этого несбалансированного взгляда на экспертов, все еще верят в их непогрешимость, как бы не замечая множество доступных свидетельств их ограниченности, которые так легко продемонстрировать.

Мы не сможем способствовать росту компетентности эксперта, пока не вырастем сами.

Цель переживаний

Как я уже говорил, в конечном счете мы учим чему-то такому, что можно сравнить с раскрытием нового восприятия, которое становится возможным благодаря развитию определенного «органа».

Стоит людям услышать об этом, как они сразу же предполагают, что подобное развитие происходит в результате упражнений и специфических изучений.

Такие изучения и в самом деле доступны, и мы их проводим.

Но есть и иной, не менее важный фактор: это контекст (в котором осуществляется изучение).

В дополнение к преднамеренному изучению и усилиям необходимо наличие правильных условий и переживаний. Людей нужно вовлечь в обстоятельства, где они будут плотнее окружены субстанцией, которую их пробуждающийся орган высшего восприятия вынужден будет воспринять. Можно привести следующий пример: чтобы научить кого-то разбираться в винах, нужно дать ему возможность попробовать множество сортов вин.

Сколько же путаницы происходит только из-за того, что люди, находясь в «экспериментально-тренировочном периоде», постоянно ищут примитивных, понятных или легко выполнимых упражнений.

Предвидение

Почему так важно уметь предвидеть будущее или хотя бы частично угадывать его?

Потому что человек, знающий будущее, не может быть плохим.

Плохой человек — плох, поскольку всегда может внушить себе, что последствия его дурных поступков окажутся не слишком уж серьезными.

Если у человека есть план, или доктрина, или какое-то мировоззрение и он ничего не знает о будущем, ему легко сначала предположить, а затем и убедить себя в том, что «все выйдет наилучшим образом и ко всеобщему благу».

Если же ему известно будущее, он способен предсказать, повредят ли его действия хотя бы кому-то одному или даже всему человечеству.

Плохим человека делает незнание будущего.

Вот почему люди всегда так старались проникнуть в грядущее — они хотели знать, какие действия приведут к правильным результатам, а не только воображать, что некие поступки, вероятнее всего, окажутся верными.

И вот почему в большинстве культур было так много добрых и святых людей, которые считались ясновидящими. Подобные индивидуумы обладают способностью видеть, что должно случиться. Поэтому они не совершают разрушительных действий и делают то, что, вероятнее всего, обернется добром.

Знание будущего делает человека хорошим.

Идеалисты, надеющиеся на лучшее и пытающиеся действовать во имя добра, должны признать: им неизвестно, что в действительности является добром для всех людей. «Дорога в ад вымощена благими намерениями». Такие люди на самом деле идеалистами не являются.

Настоящий идеалист тот, кто не только стремится делать добро, но и готов сделать себя пригодным для созидания добра. Важнейший шаг в этом направлении — развить в себе способность к предвидению.

Возможные функции изучения

Каждое внутреннее упражнение имеет семь основных функций.

Самые низкие и поистине наименее полезные из них те, которые используются сегодня в знакомых нам системах.

Например, практикуя упражнение в неправильном месте, в неправильное время или в

неправильной компании, вы действительно можете чувствовать что-то приятное или «важное». Однако это может помешать вашему развитию.

Совершенно очевидно, что в огромном количестве случаев люди, предпочитающие извлекать из упражнений незначительные стимулы (пусть даже обладая способностями к более высоким переживаниям), давным-давно сделали свой выбор. Они — не экспериментальные философы, не религиозные личности или мистики, поскольку превратили свои «изучения» в средство самовосхваления.

Что-то в них самих знает это. И они борются с осознанием данного факта, с головой уходя в различную деятельность или же предаваясь праздности.

Терпение

Те, кто поощряет других развивать терпение, не научив их, как при этом избежать возведения негативных качеств в добродетель, в действительности вообще не способны учить.

Лучше совсем не упоминать о терпении, чем предписывать его ученику, давая тем самым повод для лени.

Культивирование добродетелей

Культивировать добродетель во имя самой добродетели по меньшей мере неубедительное предприятие. Сама по себе такая практика может даже навредить индивиду. Объяснить это можно следующим образом: питаясь подобными эмоциями, человек пользуется также и их плодами, к тому же воображая, что приобрел какую-то заслугу, честь или выгоду. Он удовлетворяет самого себя, хотя часто этого не осознает.

Куда проще и быстрее заработать на этом поприще, если просто проповедовать ценность добродетели. Правда, у подобной деятельности есть недостаток: она лжива. И все же большинство хорошо известных культурных институтов, по крайней мере на словах, восхваляют добродетель как нечто, обладающее самостоятельной ценностью.

Факт состоит в том, что такая добродетель порочна.

Обобщенный морализм прикидывается высшим учением, поскольку люди, не разбираясь в технических деталях, путают зацикленность и одержимость с реальным, продуктивным достижением.

Последнему невозможно научиться ни из книг, ни благодаря примитивной бойскаутской обработке.

«Рецепт», в отличие от смешивания

В реальных обучающих ситуациях, так же как и в терапевтической практике, изучения «прописываются» в соответствии с нуждами тех, кому они адресованы.

Если вы смешиваете чье-либо лекарство со своим, не стоит удивляться неприятным или даже вредным последствиям.

Когда, опираясь на собственное разумение, вы попытаетесь употребить сразу несколько прописанных вам «лекарств», не обращая внимания на то, что они преднамеренно разнородны по своему действию, не удивляйтесь, если у вас заболит голова или случится что-нибудь похуже.

Не знаю, кто вы, если думаете, что можете найти здесь некий общий знаменатель, но вы — не ученик.

Цель регулярных встреч

Цель регулярных встреч состоит в том, чтобы поддерживать особый контакт, уже установившийся между определенным количеством людей, — каждое подобное объединение является в определенном смысле исключительным.

Этому особому контакту препятствует чрезмерное развитие социального элемента. Подобные встречи должны быть гармоничными, так что недопустимо превращать их в клуб или место для праздной болтовни.

Если члены группы присваивают себе некий статус, особым отношениям между участниками наносится вред. Каждый участник должен осуществлять данные ему на какое-то время функции, если таковые предполагаются, например: функцию передачи материалов, функцию организатора или какое-нибудь иное задание. Община должна развить в себе чувство единой цели — обучения и развития, причем каждый член группы должен считаться одинаково важным для достижения успеха всего объединения.

Особые отношения в группе исчезают, когда один участник эксплуатируется другим, поэтому сотрудничество между индивидами в этой ситуации следует ограничивать разумными пределами. В группе нельзя поощрять развитие неформальных отношений между отдельными людьми, поскольку, если без соответствующего указания возникают какие-либо «подгруппы», сбалансированность действий всей группы как единого целого нарушается. Группа в этом случае начинает действовать как идеологическая, социальная, интеллектуальная или иная структура, каковых и так предостаточно во всех культурах.

Каждая группа представляет собой тонкий, чувствительный организм.

Участники группы встречаются:

- В связи с тем, что существует как бы некий особый поток, проходящий через них. Они были отобраны для участия в группе с тем, чтобы в них могла развиться способность функционировать в подобном качестве, и потому, когда люди покидают группу или к ней присоединяются, изменившаяся композиция целого должна по-прежнему сохранять способность группы оставаться инструментом.

- Для того, чтобы наблюдать свои собственные реакции на групповые встречи. Они должны осознать, что чрезмерный энтузиазм и небольшая доля неприязни в связи со встречами в равной степени являются симптомами недостаточной интеграции с чувствительным организмом группы, а вовсе не основанием для принятия каких бы то ни было решений относительно группы, материалов или участников.

- Для того, чтобы в правильных обстоятельствах испытать на себе влияние обучающих материалов, предназначенных для их группы и способных принести пользу. Эти материалы могут быть записаны на бумаге или магнитофонной пленке, к ним можно обращаться или переживать их самыми различными способами.

- Для того, чтобы в результате практического опыта осознать, что группы имеют почти неотвратимую тенденцию превращаться в закостенелые или механические сборища, и с помощью наблюдений установить, что их специфическая группа имеет возможность пропустить через себя некий поток и поддерживать его течение, — это проявится во взаимоотношениях между участниками, которые будут весьма не похожи на те, что характерны для группировок обычного типа.

- Для подготовки к тому, чтобы быть отобранными куча-стию в процессе обучения на более высоком уровне.
- Для того, чтобы, поддерживая контакт с Учением, и не теряя способности извлекать из этого пользу, позволить Учению в должное время выбрать их для участия в особой деятельности и развития в них высшего понимания.
- Для того, чтобы отбросить эмоциональные и интеллектуальные подходы, постоянно просачивающиеся во все учения, не исключая и наше, что случается, когда учение проводится без соответствующего учета времени, места, людей, а также без должного внимания к заявлению, что «можно и по-другому».
- Для того, чтобы, увидев и почувствовав особый вкус наших взаимоотношений и работы, развивать в себе способность мгновенно распознавать их, подобно тому, как мы распознаем ту или иную атмосферу в знакомом нам мире.

Качественное восприятие

Все переживания имеют определенный состав, включающий слои и части. Апельсин, например, состоит из различных слоев и частей, таких, как: кожура, сок, косточки, мякоть, минералы, сахар, витамины.

Вас приучили пожирать переживания целиком и оценивать их количественно, подобно жадине, который вгрызается в апельсин и заглатывает его огромными кусками.

В этом не было бы ничего плохого, если бы речь не шла о развитии пищеварительного аппарата. О вкусах, конечно, не спорят, но только когда желудок в состоянии справиться с работой.

Та часть изучения, которая не поддается зондированию, представляет возможность убедиться в наличии пищеварительных органов, способных усваивать определенную пищу, а также подтверждает, что эти органы правильно функционируют.

Вопросы и желания

Если вы думаете, что желание знания, которое вы в себе ощущаете, может быть удовлетворено в той же форме, в какой вы его сформулировали, вам еще многому надо учиться. Я не имею в виду, что на это уйдет много времени, а лишь хочу сказать, что вам понадобится широта, питание и иной взгляд на вещи.

Подлинное Учение

Учения, передаваемые от имени учителей древности, не являются их подлинными учениями.

В лучшем случае эти материалы состоят из фрагментов, которые пришлось по вкусу тем, кто их передает.

В результате формируется система пленения личности.

Вот почему существует постоянная необходимость в истинных толкователях и людях внутреннего видения, способных удалять наросты и добавлять недостающие элементы.

Не говоря уж о необходимости приспособлять Учение к местным условиям.

Упрощение и систематизация идей может осуществляться только теми, кто умеет это делать. Однако за такие задачи почти всегда берутся люди, лишенные подобного умения. В основе квалификации, необходимой для упрощения Учений, лежит целостное знание материалов.

Поиски неразборчивые и настоящие

То, что я собираюсь рассказать вам, демонстрирует исключительно важный принцип. Один человек, путешествуя на Восток, проездом оказался в Лондоне. Он связался со мной и попросил «направить его», по его же выражению, к восточным учителям. Он заранее наметил себе маршрут поездки и хотел бы объединить его со своим, как он это назвал, поиском.

Вы можете предположить, что в данном случае мы имеем дело с вопросом удобства. И действительно, почему бы ему не завернуть к знающим и святым людям и не получить в результате пользу, если это по пути?

Дело в том, что подобного рода мышление произрастает из наиболее губительного предположения, которое мотивируется командующим «я». Человек считает, что он хозяин своего выбора; что он может заглянуть к мистикам и кое-что получить от такого контакта; для него это то же, что понюхать розу, купить в магазине фунт масла или полюбоваться каким-нибудь туристическим зрелищем, только «на более высоком уровне», конечно. Итак, мой знакомый спросил меня: «Есть ли у вас кто-нибудь в Читагонге?» Заметьте, он ведь мог просто сказать: «Я собираюсь в Читагонг» и больше не говорить об этом ни слова, предоставляя своему собеседнику возможность откликнуться: «Постойте-ка, я знаю там одного человека, и вам было бы полезно его посетить». И, странное дело, из-за того, каков проситель, пришлось ответить так, как обычно отвечают человеку, которого не желают знакомить с лучшими друзьями: «Нет, извините, я никого не знаю в Читагонге». Тогда он стал настаивать, и мне пришлось сказать: «Во всяком случае, я не знаю никого в Читагонге, кто был бы вам полезен».

Командующее «я» убеждает человека, что он может извлечь пользу из контакта с высшим всегда и везде. Этот человек (искатель с многолетним стажем) в результате пренебрежения простыми фактами, опираясь на свое предположение, что его состояние вполне пригодно для получения пользы, — все равно, как если бы слепой сказал вам, что хочет на что-то взглянуть.

Здесь возникает забавная дихотомия ^[11] ситуации на то, что реально, и то, что человек принимает за реальное, а именно: он верит, что действует целенаправленно, отправляясь куда-то на поиски кого-то, кто ему что-то скажет или проинструктирует тем или иным образом. На самом же деле подобные действия случайны, потому что у такого искателя нет шансов найти правильного человека в правильное время и в правильном месте, человека, который бы соответствовал его особым нуждам. Помните, что все мы личности и наше развитие может происходить только в соответствующих условиях, необходимых для подобного процесса. В этом разница между поиском, осуществляемым наобум, и по-настоящему эффективным поиском.

Как же проинформировать такого человека?

Всю жизнь его кормили детской кашей в виде следующего принципа: «Все, что ты должен делать, — это бороться». И еще его наставляли быть разборчивым, не наделив, однако, способностью выбирать, не обучили его борьбе.

Наша работа состоит в том, чтобы помочь человеку научиться выбирать. Это нелегко, ведь многие предполагают, что уже умеют выбирать. Человек, о котором я рассказываю, однажды посетовал мне на то, что вот, мол, другого искателя я послал посетить кого-то в одном

отдаленном месте, а ему поехать туда не позволил. А тот, другой, напротив, посетовал, что, встретясь с человеком, к которому я его направил, не услышал от него ни слова на мистические темы. Тот, к кому я его послал, оказался переплетчиком, погруженным в свои профессиональные занятия. Хуже того, как высказался посетитель, в присутствии этого переплетчика он не ощутил ничего таинственного. Разыскивая не то, что надо искать, он потерял шанс найти то, что нужно. Я же послал его к переплетчику. Только и всего!

Повторное заражение

Самоуважение является врожденным качеством, но вы можете повторно заразиться им от любого другого человека, если не выработаете в себе иммунитет.

Простое наблюдение за тем, как при некоторых обстоятельствах в ваших действиях и реакциях проявляются застывшие формы самоуважения, развитию иммунитета не способствует. Иммунитет образуется, когда вы практикуете особое искусство, предотвращающее гипертрофированное развитие самоуважения.

Ритуал

Ритуал может быть важным.

Однако, если вы исходите из неподдельного стремления помочь человечеству подняться, то менее всего следует поощрять к участию в ритуалах людей, склонных к ритуализму. Дело в том, что истинный ритуал абсолютно функционален, тогда как человек, имеющий склонность к ритуализму, что бы он ни воображал, на самом деле привержен форме, а не содержанию.

Когда вы слышите его страстные и порой убедительные объяснения, будто он совсем не ощущает себя ритуалистом, знайте, вы слышите автоматические самооправдания вошедшего во вкус человека.

Основная задача подлинного обучения в том, чтобы понять «идолопоклоннические» процессы, которые, как бы их ни освящала «традиция» (процесс повторения), неблагоприятны для истинного развития человека.

Азот

Люди, как правило, надеются извлечь из доступных материалов и сконцентрировать нечто, обладающее величайшей ценностью. Несомненно, это можно сделать, однако, тех, кто в состоянии делать, от тех, кто просто верит, что может, отличает способность. Способность означает не только умение создать концентрацию и произвести извлечение. Она подразумевает также знание, что надо извлечь и как надо концентрировать. Учения всех мудрецов, если их сконцентрировать соответствующим образом или, точнее, несоответствующим образом, станут ядом. Если вы отделите какой-то один элемент от другого и притом возьмете слишком большое количество какого-либо элемента, вы пострадаете.

Вас окружает воздух, смесь из газов. Предположим, вы извлечете из этого состава только азот. Затем, предположим, вы сконцентрируете его и приметесь дышать чистым азотом без каких-либо примесей. Через нескольких минут вы умрете, причем самым скверным образом.

Даже если вы установите существование кислорода и увеличите его концентрацию и

количество, — это также не будет гарантией необходимого результата.

Итак, что вы предпочитаете: веру или знание?

Причина культивирования искренности

Люди обладают глубокой внутренней способностью распознавать истину даже в письменных материалах. Но жадность и относительная лень (которая превращает человека в значительно более поверхностное и незрелое существо, чем он о себе думает) делают его слепым в отношении того, как следует поступать, когда истина вдруг открывается ему.

Это и есть основная причина, по которой человек должен культивировать искренность.

«Искренность относится к истинному эгоизму; все остальное в сравнении с ней — подделка».

Рецензии

Сегодня я прочитал две рецензии. Они были написаны двумя разными критиками об одной и той же книге.

Один предрекал:

«Эту книгу будут читать еще очень долго, ее автор — гениален».

Другой констатировал:

«Мне редко приходилось читать такую ерунду».

Существует три возможных объяснения подобных отзывов.

Один из них может быть верным, другой — неверным, или, возможно, эти критики описывают не книгу, а самих себя: реакции на встретившийся стимул, произведенные их собственными предубеждениями.

Я обращаюсь еще к одной рецензии на ту же книгу и читаю:

«Автор значительно выиграл бы, напиши он свое произведение в совсем иной манере...»

Прав ли этот критик? Или нет? Или он просто описывает себя — то, что сделал бы он?

Взаимоотношения со школой

Люди переворачивают свои проблемы вверх тормашками.

Ситуация, в которой человек действительно находится, заключена в том, что трудно найти реальную школу и быть в нее принятым. Даже когда ищущий с трудом «находит» что-то, это может и не быть реальной школой.

«Найдя» школу, человек, возможно, окажется неспособным учиться в ней.

Однако он предпочитает верить, что коль скоро что-либо является труднодостижимым, — это уже само по себе ценно. Человек также предпочитает думать, что настоящие трудности начнутся, когда он все-таки попадет в такую школу, а они начинаются гораздо раньше.

А бывает и так, что человек уже находится в контакте со школой. Соответствует ли он ее требованиям?

Правильное мышление

Привести цитату, сослаться на «наблюдение», кажущееся подходящим, которое, однако, не функционально, в истинном обучении так же близко к учебе, как игра в песочнице — к изучению алфавита.

В дилетантских кругах вы встретите людей, заменивших функциональность подражанием. То, что они не позволяют себе осознать собственную вовлеченность в имитацию, здесь не суть важно. Для них функция слов, цитат, упражнений и принципов сведена на низкий уровень эмоциональных или ментальных стимулов.

Бегать, не умея ходить

Это утверждение абсурдно. Но отсутствие информации и хаотически проявляющееся желание (нетерпение и невежество) побуждают человека говорить, действовать, думать, подобно невменяемому, даже если общество не видит в этом ничего предосудительного. Пользы от подобного поведения — никакой.

Однако часто уважаемые люди ведут себя именно так.

Как правило, этой болезнью страдают личности религиозные и метафизики, и ей сопутствует особый вид пессимизма, который я уже отмечал в другом месте.

Тема для размышлений

Если вы разрушите тюрьму, то погубите заключенного. Если освободите заключенного, за ним увяжется тюремщик. Тронете тюремщика, и заключенный окажется в опасности.

Каждое человеческое существо живет в тюрьме. Тюрьма — это он сам; и одновременно — он сам себе тюремщик.

Поскольку тюремщик является и заключенным, и тюрьмой, не удивительно, что так мало случается побегов и так редко удается кого-то освободить.

Процесс, в результате которого заключенный переплетается со своим пленом, более того — со своим тюремщиком, столь эффективен, что само размышление об этой проблеме кажется абсурдом.

Хотя, с другой стороны, то, что имеет смысл для одного человека, для другого — бессмыслица.

Уважение

Вы утверждаете, что многие меня не уважают, а ведь и в самом деле, множество людей, которых я встречаю каждый день, не имеют никакого представления о моих так называемых удивительных внутренних достоинствах, о которых говорите вы.

По крайней мере, про этих людей мы знаем наверняка: их чувства ко мне не есть результат раздутого воображения.

Реальное, эмпирическое и подражательное изучение

Любое изучение выдвигает свои условия. Чем более продвинутым является изучение, тем

менее заметны эти условия. В нашем изучении время, место и люди — наиболее существенные условия. Когда они соблюдены, вступает в действие правильное руководство.

В наших занятиях изучение не следует известному образцу: здесь нет места стилизованной жертвенности, возведению в ритуал страданий, автоматическому поведению, награде и наказанию, угрозе и обещанию.

Вводя подобные принципы в обучение, имитаторы, на какую бы преданность цели они ни претендовали, создали путаницу в нашей учебной программе.

В результате упражнения, представлявшие собой средства развития потенциала для других упражнений, сделались самоцелью или путями, предположительно ведущими к цели. Упражнения как таковые не могут быть самодостаточными.

Только приняв и испытав это условие в реальной школе, человек сможет разобраться в создавшейся путанице.

При вашем попустительстве вам была навязана обусловленность — когда вы, побуждаемые самоуважением, избрали легкий путь. Если бы не многие жертвы, принесенные другими людьми, помочь вам преодолеть ее было бы невозможно.

Почему нужна дисциплина

Наш путь требует от последователей дисциплины смирения, сотрудничества и многих других качеств прежде всего потому, что перечисленное существенно для выживания истинного «я» индивида, а уж потом — ради их социальной ценности.

Эти факторы никогда не будут активно действовать в нужном ключе, если они являются или становятся источниками самоудовлетворения или самоотречения. Даже противостояние чему-либо обычно порождается тенденцией к самовосхвалению. Запомните:

«Никогда не противьтесь чему бы то ни было, если оппозиция доставляет вам удовольствие». «Никогда не поддерживайте что бы то ни было, если это доставляет вам удовольствие».

Булочка

Часто спрашивают, каким образом суфии с помощью такого обычного средства, как слова, могут оказывать духовное воздействие. Люди интересуются также, что может случиться с теми, кто не прислушивается к словам суфиев. Древняя «Сказка о булочке» служит иллюстрацией, аллегорией того, как из обычного делают необычное и что происходит в результате невнимательности.

Жил-был пекарь. Однажды он развел огонь в печи и много теста для дневной выпечки. Только он взялся лепить из теста булки, как тут один суфий, человек, ничем не примечательной внешности, вошел в пекарню.

Он положил перед пекарем мелкую монетку и попросил продать кусочек теста. «Идет, — сказал пекарь, — но за такие деньги ты можешь купить только очень маленький кусочек».

Человек взял предложенный кусочек и попросил: «Будь добр, испеки мне из этого теста булочку».

«Ладно, — ответил пекарь, — из такого кусочка получится булочка не больше ореха». Пекарь сунул тесто в печь, и когда спустя несколько минут, вытащил его, то оказалось, что

из кусочка выпекся целый каравай величиной с подушку.

«Не может быть, чтобы из твоего кусочка получилась такая огромная булка, — воскликнул пекарь, — видать, твое тесто провалилось в огонь и сгнуло».

Суфий улыбнулся и сказал: «Вот тебе еще монетка. Будь добр, испеки мне другой такой же кусочек теста».

Пекарь так и сделал, и опять вытащил из печи огромный каравай.

«Должно быть, вместо его теста я сунул свое», — подумал пекарь. Суфию же он сказал: «Боюсь, твое тесто опять сгорело».

В третий раз вышло то же самое, и тогда суфий произнес: «Разве ты не видишь, что тесто, которое ты закладывал в печь, превратилось в огромную буханку, и ты должен отдать ее мне?»

«Ничего такого я не вижу, — возразил пекарь. — Вижу только, что ты пытаешься надуть меня с помощью какого-то трюка».

Суфий опять улыбнулся и сказал: «Отдай мне этот хлеб. Благодаря мне ты только что получил две буханки — они твои. А третья буханка мне нужна для одного человека».

Но пекарь, окончательно запутавшись, прогнал посетителя.

Суфий пошел своей дорогой. Пекарь же, быстрее, чем об этом можно рассказать, решил, что он, наверное, на какой-то миг уснул за плитой, и все это ему пригрезилось... В результате с ним вообще ничего не произошло.

Суфийские высказывания и их применение в обучающей ситуации

1. Тонко чувствующему достаточно и намек.

Невнимательному не поможет и тысяча объяснений.

Хаджи Бекташ

Суфийские материалы, переживания, объяснения могут быть зарегистрированы в уме на определенном уровне, и пока человек не избавится от «невнимательности», ему придется ожидать возможности полностью понять их.

Основной источник невнимательности — «командующее я».

2. Вещи, внешне противоположные друг другу,

В действительности могут действовать заодно.

Джалаледдин Руми

Это должно быть пережито. Быть преданным чему-то, явно противостоящему суфийским идеям, и затем ссылаться на приведенное высказывание — признак поверхностного человека.

3. Видимое есть мост к Реальному.

люди и поверхностные мыслители часто выхватывают что-нибудь видимое и решают, что это и есть мост к Реальному. Таким мостом служат только определенные части видимого.

4. Будь в мире, но не от мира.

Человек должен быть способным отстраняться от мирского, не порывая связи с миром, в противном случае отрешение — признак патологического состояния.

5. *Путь — не что иное, как служение людям.*

Саади

Суфийское служение должно быть правильным — ни рабством, ни лицемерием.

6. *Ни один человек не достигнет ступени истины до тех пор,
Пока тысяча искренних людей не заклеят его еретиком.*

Джунайд

В числе искренних людей и те, кто искренне придерживаются ошибочных, поверхностных и даже лживых идей.

7. *Всякий, кто знает Бога, не говорит «Бог».*

Баязид

«Бог» в сердцах людей недалеких означает некое существо или силу — ее можно подкупить и выпросить то или другое.

Поэтому человек, имеющий об этом более глубокие познания, уже не сможет воспользоваться термином, содержащим подобные недостойные значения.

8. *Расщепи одну-единственную капельку,
И из нее возникнет сотня чистых океанов.*

Шабистари

Даже очень слабый импульс, исходящий от суфийской реальности, способен раскрыть великое понимание, но люди ищут стимулов и шума.

9. *Завершенный человек тот, кто, будучи совершенным,
Выполняет работу раба.*

Шабистари

Подумайте об этом.

10. *Человек, прячущийся в лохмотья, — правитель мира.
Меч, спящий в ножнах, — хранитель царства.*

Амир Кхафу

Являются ли вещи тем, чем они кажутся?

11. *Умри до своей смерти.*

Тема для размышлений.

12. *Пагода и Кааба — дома порабощения;
Колокольный звон — музыка рабства;
(Священный) шнурок и храм,*

*Крест и четки -
Воистину, все это символы плена.*
Хайам

Привязанность к внешнему, к ритуалам и символам, автоматизм и обусловленность — все это слишком часто путают с верой и религией.

13. Пробный камень знает настоящее золото.
Саади

«Командующее я» — субъективный ум, представляющий собой смесь инстинкта и дрессировки, интеллекта и эмоций, — в каждом человеке именно это отделяет «золото» от «пробного камня».

14. Один толчок, исходящий от истины, лучше тысячи усилий.
Руми

Люди думают, что они могут «взять небеса штурмом». В действительности принцип «время, место, люди» работает здесь таким образом, чтобы высший импульс мог воздействовать на правильно подготовленного индивида.

*15. Птица, не ведающая чистой воды,
Весь год наполняет клюв соленой.*
Акхлак-и-Мухсини

Людей вымуштровали думать, что определенные вещи полезны, возвышенны, подлинны и истинны. А есть ли у человека что-то, с чем он мог бы сравнить все это?

16. Спокоен тот, кто не пришел в этот мир.
Хайам

Вот почему тот, кто пришел, какой угодно, только не спокойный...

17. Если осел, на котором Иисус въехал в Иерусалим, вдруг отправится в Мекку, станет ли он по возвращении меньшим ослом?

18. Ты еще не существовал, а твоя работа уже была сотворена. Ты был создан из океана работы.
Шабистари

19. Быть суфием — значит поддерживать состояния, соотнесенные с объективной реальностью.

Аль-Мукри из Шабистари

В суфийском состоянии становится возможным восприятие Реальности.

20. В кельях и скитах, монастырях и синагогах

Одни цепенеют от ужасов ада,
другие погружены в мечты о рае.
Но те, кто знает божественные тайны,
Не сеет подобных фантазий в своем сердце.

Хайям

21. Для полировки золота нужны отруби... Но тот, кто сделал себя отрубями, будет съеден коровами.

Вы пользуетесь вещами или вещи используют вас?

22. Ум, настолько громадный,
Что может вместить абсолютную Истину, Не должен быть сужен до размеров мира,
Понимаешь ли ты это, о слышащий?

Ибн аль-Араби

23. Суфий — тот, кто не владеет и кем не владеют.

Нури

24. Человек увидел гору, но не заметил шахты в ней.

Руми

25. Любовь даруется, а не зарабатывается.

Худжвири

26. Настоящая любовь не уменьшается из-за жестокости,
И не увеличивается от доброты, и щедрости.

Яхья ибн Му-адх

27. Единение — это молчание и всегда размышление;
Когда начинаются дискуссии, единение уходит.

Лишь только произносится «ты»,
Как устанавливается двойственность.

Единение отступает в тот момент,
Когда ты называешься его именем.

Дара Шикох

28. Богатство обнажает то дурное,
Что прежде скрывалось за бедностью.

Человек бросает зерно в землю,
Чтобы в дни нужды воспользоваться его всходами.

Саади.

29. Всякий, кто лишен впечатлений и отполирован,
Становится зеркалом для впечатлений от Сокрытого.

Руми

30. Не натягивай поводья, встречаясь с трудностями на Пути, о Сердце; Ибо человека Пути не волнуют ни взлеты, ни падения.

Хафиз

31. Где твоя свободная воля, о невнимательный,
О человек с пустой, иллюзорной сущностью?

Скажи мне, откуда происходит она, твоя свободная воля? Тот, чья сущность не исходит из него самого,

Не содержит в ней ни хорошего, ни плохого.

Шабистари

32. Говори с людьми согласно их пониманию.

33. Ты — сам для себя завеса.

Хафиз

Вопрос: Люди хотят правил и руководства: это далеко не всегда связано с желанием отдать себя во власть чего-то, скорее, многим необходимо следовать понятному курсу обучения. Читая у классических суфиев о традиционных стадиях духовного пути, я вижу, что, согласно разным источникам, они весьма отличаются друг от друга. В ваших произведениях мне тоже не удалось увидеть ясную последовательность практик или стадий. Разве у суфиев не существует единой последовательности в обучении?

Ответ: Когда вы читаете о различных «системах», практикуемых суфиями, вы видите курсы обучения, которые время от времени предписывались людям в соответствии с их возможностями. Так, доктор прописывает лекарства, сообразуясь с тем, что может потребоваться его пациенту. Люди примеряют на себя курсы, описанные в классических книгах, и воображают, что это подойдет всем и каждому, не принимая в расчет той гибкости, которая предполагает возможность приспособления таких курсов к каждому отдельному индивиду с учетом определенных преобладающих условий и многих других факторов.

Вопрос: Но другие системы и вовсе не рассматривают ничего подобного в связи с человеком — то есть не учитывают, что существуют различия между людьми и между условиями, в которых они находятся. Почему?

Ответ: Вам придется спросить ответа у популяризаторов этих «других» систем. Если они объявят, что человек всегда один и тот же, а условия постоянны или одинаковы, тогда решайте сами, чья позиция вам ближе, их или наша. Мы за них не в ответе.

Вопрос: А если мы все же обнаруживаем, что одни и те же принципы и практики повторяются в различных так называемых суфийских группировках, о чем это говорит?

Ответ: О том, что вы имеете дело не с суфийским объединением, а с механистичной системой. Такие люди, вообразив, что обучение — процесс механический, и стремясь к стабильности (а иначе говоря, к атрофии), становятся просто имитаторами.

Вопрос: Почему учебные группировки приходят к подобному автоматизму?

Ответ: Для этого есть две очень веские причины. Первая: когда жажда утешения (подтверждения) сильнее, чем желание знания, правила и повторения становятся самым главным. Такое бывает, когда люди пытаются учиться без соответствующей подготовки. Подготовка подразумевает, что ум этих людей должен быть сбалансирован, прежде чем в него упадут семена знания. Необъединенный ум, естественно, стремится использовать все, что в него попадет в целях поддержания равновесия. Предположим, вы пытаетесь поместить в свой желудок какой-нибудь деликатес, насладившись при этом его вкусовыми качествами, но если вашему организму недостает питательных веществ, вы переварите деликатес лишь для извлечения самого питательного. Наиболее сильная необходимость всегда подомнет под себя все остальные. Вторая причина рассматриваемых ситуаций состоит в том, что, имея дело с большим количеством людей, трудно уделять им всем соответствующее количество внимания, гораздо легче организовать их и впоследствии манипулировать ими, используя минимум средств (упражнений, верований, убеждений и так далее). Осознанно или нет, но организаторы мышления, создающие подобные группировки всегда ищут наиболее эффективные методы управления массами.

Вопрос: Но почему же об этом так мало известно?

Ответ: Потому, что историю различных учебных процессов не отслеживают с достаточно раннего этапа. Люди обращают внимание на Учение, лишь когда оно достигло сверхорганизованной фазы, и предполагают, что это, собственно, и есть вся школа или все Учение.

Странная литература, одиозные люди

Вопрос: Я прочитал немало литературы по метафизике, но книги о суфиях меня привлекают больше других потому, что только в суфийской среде я нахожу людей, которых мог бы назвать «нормальными». Остальные кажутся мне или одержимыми, или рабами своих недостатков, что не очевидно только для верующих или для тех, кто не усвоил учебных материалов. Вдобавок на собраниях всякого рода «верующих» нельзя не заметить, что во всех этих людях есть что-то явно эксцентричное. Среди людей, которых называют суфиями, лишь в некоторых группах можно встретить эксцентричных личностей, и такие группы, как я подозреваю, относятся к подражательным. Именно по этой причине я считаю суфиев наиболее законными метафизиками, если вообще есть что-то реальное в духовных изучениях.

Ответ: Это больше похоже на утверждение, чем на вопрос. Но можно сказать, что в свободном обществе любое явление привлекает все типы людей. Даже самая добропорядочная деятельность всегда будет привлекать к себе и эксцентричных людей, и нормальных. Будут ли эксцентричные люди влиять на характер деятельности и тормозить прогресс, зависит от тех, кто руководит духовным изучением и другими видами деятельности. Из факторов, отрицательно влияющих на человеческие группы, можно назвать присутствие слишком большого количества эксцентричных людей — они отталкивают нормальных и к тому же мешают правильному осуществлению предпринимаемой деятельности, как и любых других мероприятий. Но я все же не уверен, что все так просто, особенно если речь идет о литературе. Например, одиозная литература может не только апеллировать к странным личностям, она также способна превратить вполне нормальных людей в одиозных, и по этой причине заслуживает порицания. Человек не может позволить себе просто не замечать подобные явления, говоря: «Одиозность привлекает одиозных — только и всего!»

Вопрос: В таком случае, как же вы решаете вопрос одиозности, не избегая эксцентричных людей?

Ответ: Просто у нас есть «отдел», занимающийся выявлением одиозности. Это, однако, не составляет части духовного учения — скорее относится к человеческому долгу. Ведь всякий, кто в здравом уме, каждый по-своему, укажет на одиозность, так что наш особый «отдел» помогает укреплять здоровых людей.

Оплеухи

Вопрос: Я видел, как суфии явно выказывали свое раздражение или жестко говорили с теми, кто даже словом с ними не обмолвился. Их гнев ничем не был спровоцирован, зачем же они так себя вели?

Ответ: Суфий не может впасть в ярость. Он, скорее, подобен человеку, который шлепает ребенка до того, как тот разобьет чашку; делая это безо всякого гнева, он просто хочет помешать ребенку набедокурить. Это отличает суфия от человека, который в гневе наказывает ребенка за уже разбитую чашку.

Когда суфий знает, каков человек, тому нет нужды «и словом с ним обмолвиться». Суфий видит внутреннее состояние индивида и, если необходимо, даст ему знать о своем неодобрении, разыграв сцену осуждения. Он обращается не к внешней личности человека, и потому ему не надо искать повод. Таким образом, он посылает внутренней, незрелой части человека сигнал, фактически сообщая: «Я знаю, каков ты». Именно эта способность и то, насколько она полезна, указывают на настоящего суфия. А человек, с кем он имеет дело, подобен слепому из пословицы: «Мусорит на тротуаре, думая, что его никто не видит».

Учителя и ученики

Вопрос: Многие люди утверждают, будто учились у вас и теперь стали «суфийскими учителями» на Востоке и, к примеру, в США. Как узнать, являются ли они настоящими учителями?

Ответ: Количество людей, уверяющих, что учились у меня и теперь обучают тому, что я им передал, скоро, думаю, сравняется с количеством тех, кто говорит, что учил меня. Они, в свою очередь, столь же многочисленны, как и те, кто утверждает, что они усовершенствовали мое дело, или возвещает, что никогда и ни за что не будет иметь с нами ничего общего. Это социологический феномен, он объединяет многих людей, плохо осведомленных о том или ином предмете, но воображающих себя знающими; они принадлежат к особой категории личностей с «торговой» ментально-стью: принимают, отвергают, «улучшают», избегают чего-то, за все хватаются — от кукурузных хлопьев до суфийского знания, и занимаются всем на неизменно низком уровне при полном отсутствии восприятий.

Вопрос: К кому из них в таком случае следует отнестись со вниманием?

Ответ: Вы узнаете это, как только сами освободитесь от коммерческой ментальности. Не освободившись от этого, вы не можете знать наверняка, и вам приходится полагаться на свою или чью-то еще оценку сказанного. Вот почему у нас есть организации, обеспечивающие подобной информацией. Фактически, такие организации должны быть в любой профессиональной области. Так, например, есть Ассоциация автомобилистов, в ее функции входит сообщать вам, связана ли с ней та или иная автомастерская. Вам могут так ответить на ваш запрос: «Данная мастерская соответствует нашим стандартам профессионализма». Если вы сомневаетесь в какой-то организации, запросите сведения о ней в ассоциации.

Овечье ушко

Вопрос: Что означает суфийское высказывание: «Ученик выбирает овечье ушко»?

Ответ: Человек, не имеющий представления о том, что ценного, скажем, в овце, захочет заполучить ухо, одну из наиболее привлекательных, но наименее полезных частей.

Когда человек не знает, что принесет ему пользу, он может принять что-то пустяковое за необходимое.

Случайные, так называемые «духовные» упражнения, самопогружения, неуместные вопросы — все это относится к явлению, которое суфии называют «овечье ушко».

Любовь и страх

Вопрос: Суфии иногда жестко обращаются с духовно ориентированными вопрошателями, что разочаровывает последних и даже настраивает против суфиев. Разумеется, это не может быть продуктивным, потому что не только замедляет вербовку новых учеников, но и способствует появлению врагов.

Ответ: Если суфии и ведут себя так, то только потому, что люди, с которыми они имеют дело, вовсе не являются духовно ориентированными, в чем и были уличены.

Если же эти люди на самом деле стремятся к духовности, тогда те, на кого вы ссылаетесь как на суфиев, настоящими суфиями не являются.

Однако чаще всего мы имеем дело не с духовными, а с эмоциональными натурами, которые приходят из среды, где различие между названными явлениями предано забвению.

Именно эти люди упомянуты в следующей аналогии:

«Любят войну, но очень боятся сражения».

Что касается «вербовки» таких людей, то она, конечно, не должна замедляться, поскольку ее не должно быть вовсе.

Признак Мастера

Вопрос: Как определить, является ли благочестивый человек мастером в суфийском смысле? Если человек глубоко религиозен и полностью или почти полностью погружен в духовную практику, вероятнее всего, именно такой и окажется Мастером?

Ответ: Поначалу это может показаться сложным вопросом. Помните, однако, что, если однажды уже был получен ответ на вопрос, причем из неоспоримо авторитетного источника, все, что необходимо, — это процитировать его. Точно так же нет необходимости заново изобретать колесо, если можно просто предъявить уже существующее. Итак, обратимся теперь к самому вопросу и ответу на него, который был дан таким выдающимся суфием, как Баязид Вистами.

Как рассказывается в книге «Рисалат-и-Маламатийа», Баязида спросили, что могло бы служить наиболее важным признаком Мастера, знающего секреты суфийского Пути.

Он ответил:

«Когда с вами ест и пьет, покупает и продает, а также шутит тот, чье сердце пребывает в сокровенном, — вот важнейший признак того, что он Мастер».

Те, на кого ссылаетесь вы, — на благочестивых, религиозных и погруженных людей, — если они не способны отвлечься от всего перечисленного и за этими характеристиками фактически стоит одержимость, — они не могут быть учителями Пути.

Вот то основное, что, согласно суфиям, отличает идейно-одержимого человека от духовного.

В самом деле, очень странно, что подобный вопрос все еще задают сегодня, спустя более тысячи лет после того, как Баязид ответил на него. Этот факт должен нам помочь осознать, как много времени требуется знанию, чтобы перейти от специфического случая в раздел общепринятого понимания.

Защитник

Вопрос: Почему многие религиозные люди и организации так бессердечны? Почему за догмами так часто стоит предположение, будто люди должны страдать или, по крайней

мере, подчиняться тому, что, со всей очевидностью, приносит им вред? В этом принято винить сектантские меньшинства, но мы и среди некоторых уважаемых религий видим столь же дурное отношение к человечеству.

Ответ: Упомянутые вами индивиды и организации действуют, опираясь на правила, а не на знание и понимание. В результате они вынуждены создавать проблемы и творить несправедливость.

До той поры, пока вы не поймете людей, вы всегда в подобных случаях будете ставить «на охрану курятника лисичку-сестричку», и, соответственно, как отдельные личности, так и общество в целом в чем-то окажутся ограблены.

Безумный кролик

Вопрос: *Пастырь существует, чтобы оберегать овец: его любовь хранит их от волков. Разве суфийский учитель не является именно таким пастырем, о котором говорится во всех милосердных духовных традициях?*

Ответ: На подобный вопрос можно ответить с помощью простого повторения банальностей, и это, совершенно очевидно, порадовало бы вопрошающего, потому что вопрос именно для того и был задан. С другой стороны, если ответить на вопрос иначе, это поможет нам увидеть ограниченность аналогии, а также подчеркнет банальность некоторых неисследованных избитых истин.

Например, рассматривали ли вы вашего «пастыря» в более широком контексте? Разве вам не известно, что пастырь, как правило, — наемный работник и, следовательно, агент мясника? Для чего он заботится о «своих» овцах?

Здесь неприменимы сентиментальные свехупрощения, как бы полезна ни была простота на низком уровне. Человек должен научиться воспринимать ценность доброты и, заглянув за пределы примитивного и неосмысленного наблюдения непосредственных действий пастыря, видеть абсурдность его роли.

Человеческая способность понимать милосердие не должна быть ограничена столь фальшивой аналогией, если, конечно, вы не имеете дело с дураками или маленькими детьми.

На Западе есть пословица:

«Лишь безумного кролика заманишь барабанной дробью».

Молоток

Вопрос: *Люди, прошедшие суфийскую тренировку, часто говорят, будто она чрезмерно тяжела, и непонятно, какой смысл в том, чтобы выносить все это. Как нечто бесконечно обременительное может быть лучше более легкого варианта?*

Ответ: Во-первых, те, на кого вы ссылаетесь, никогда не «проходили» суфийскую тренировку. Возможно, они временно принимали в ней участие, но не закончили ее. Люди, прошедшие через этот процесс, знают ответы на вопросы, подобные вашему.

Общая картина, открывающаяся человеку на определенной стадии развития, дает возможность воспринять место, отведенное в подобном процессе каждому приобретаемому опыту. Рассказать это неподготовленному человеку очень нелегко.

Есть, однако, высказывание, весьма полезное для нашего случая:

«Молоток бьет по гвоздю, гвоздь закрепляет доску — своей функции и полезного

результата, которые в конце концов будут обнаружены, не знает ни молоток, ни гвоздь; это неизвестно и человеку, работающему с молотком».

Неизменность

Вопрос: Во всем мире религиозная практика уделяет много внимания необходимости прививать людям привычки, благодаря которым те становятся и хорошими гражданами, и последователями испытанных образцов, учрежденных великими деятелями прошлого. Почему создается впечатление, что суфии придают так мало значения прецедентам и правилам, сложившимся в течение веков?

Ответ: Собственно, здесь упоминаются не правила или прецеденты, а то, что люди из них сделали. Если правило становится инструментом для самообмана, это уже не правило, но оковы. Привычки бесполезны до тех пор, пока человек, усвоивший какой-то приобретенный навык, не будет способен как сам получать от заученного пользу, так и приносить ее другим. В этом случае мы имеем всего лишь тенденцию к рабскому подражанию, возвращенную на нежелательной внутренней почве.

Запомните пословицу, созданную как раз для того, чтобы указать на это явление: «Ослепшему коту повсюду мерещатся мыши».

Невольное знание

Вопрос: Возможно ли, чтобы люди обладали высшим знанием, сами того не ведая? Что усиливает это знание и что ослабляет его?

Ответ: Каждый человек, знает он об этом или нет, обладает высшим знанием. Некоторые обладают подобным знанием в большей степени. Если человек гордится знанием, оно теряет силу. Укрепляет его следующий подход: когда человек, в котором знание еще не окрепло, не придает ему значения, таким образом, позволяя ему расти. Знание может созреть в подходящих условиях, и именно для этого существует школа.

Большая часть высшего знания пребывает в человеке на ранней стадии развития, и восприятие его становится возможным в должное время.

Увядшее

Вопрос: Сегодня многие понимают, что традиционализм ради традиционализма в качестве учения бесполезен, хотя весьма привлекателен как переживание. Как узнать, когда мы только переживаем, но не учимся; когда существенный элемент учения уже исчерпал себя; и в каком направлении следует продолжать поиски?

Ответ: Эта проблема не нова, и о ней сказано так: «Пчела знает, когда цветок увял, и не прилетает к нему. Только мужчина или женщина не распознают увядшего Учения».

Пчела, как видите, обладает способностью узнавать, где нектар есть, а где его нет. Но человеческому существу, стремящемуся стать таким же чувствительным, как пчела в приведенной притче, приходится полагаться на то, что разовьет в нем «способность к узнаванию нектара». Проблема вот в чем: человек предполагает, что уже обладает этой способностью.

Вопрос: Люди приходят послушать духовных учителей и затем либо остаются с ними, либо идут дальше. Почему одни остаются, а другие продолжают свой путь?

Ответ: В случае с настоящими учителями и настоящими учениками, люди остаются потому, что они должны остаться. Если речь идет о настоящих учителях и ненастоящих учениках, — потому, что первые следуют предписанию: «Говори только с людьми, которые будут слушать, но помни, ты должен сказать им то, что они не желают слышать!»

Мало слушающие или немного понимающие люди в действительности полны весьма мелких ожиданий, что бы они ни воображали. Они просят малого, но их «малое» происходит не от смирения, а от мелочности.

Те, кто способен учиться, вознаграждаются, подобно пожилой паре из притчи, рассказанной Саади в его «Бустане».

Один человек попросил Хатим Тая, о котором вспоминают, как о самом щедром человеке из когда-либо живших на свете, десять сребреников.

К палатке просителя был тут же принесен целый мешок серебра.

Его жена спросила:

«Зачем так много, ведь нам нужно только десять сребреников?»

Хатиму передали ее слова, и он сказал:

«Их нужда была в десяти — это их мера. Я же, со своей стороны, даю согласно моей семейной традиции!»

К чему относится суфийская деятельность?

Вопрос: Является ли суфийская деятельность церковью, сектой или культом? Если все перечисленное не имеет к ней отношения, то чем же она является и как это установить?

Ответ: Не хочу показаться невежливым, но можно ли сначала узнать, какие из установленных различий между этими явлениями вам известны и можете ли вы дать определение каждому из них, чтобы я смог ответить максимально конкретно, на языке ваших собственных категорий?

Спрашивающий: Не вижу здесь никакой невежливости, но должна признаться, что, думая об этой проблеме, я не могу вспомнить никаких четких определений относительно того, что есть церковь, секта или культ. Может быть, церковь это нечто почитаемое, то, во что мы верим, секта — какое-то отклонение от наших представлений о правильном, а культ — то, что мы не одобряем.

Ответ: Если предположить, что приведенные определения точны, то сразу же станет ясно, что церковь одного человека является сектой для другого и так далее. Поэтому, признав, что суфийская деятельность относится к одной из перечисленных категорий, мы не сможем ответить на заданный вопрос. Может ли кто-нибудь дать нам другие определения?

Другой слушатель: Я социолог и могу дать современное стандартное определение этих трех явлений. Церковь — хранитель общепринятых ценностей общества; секта — группа, частично отступившая от общества с целью усиления или очищения доктрины; культ почти полностью отвергает бытующие в обществе практики, и его последователи абсолютно преданы некой авторитарной личности, ныне живущей или умершей...

Ответ: Какой бы превосходной ни была ваша трактовка, она все же означает, что для

общества Новой Гвинеи, к примеру, истинная церковь будет связана с охотой за головами, христианскую церковь в этих местах сочтут за секту, ну а, скажем, ассоциация психологов-пионеров или даже неких ученых там может считаться культом. К счастью, можно сказать, что суфийскую деятельность, в ее принятой форме, нельзя уподобить какому-либо из перечисленных институтов. Суфизм — это просвещение. Суфии причисляли к церкви, секте и культу именно из-за того, что некоторые из наиболее заметных извращений суфизма, существующие в форме деградировавших общин, в самом деле, ведут себя как церкви, секты, культы. Поэтому подведем итог: «Суфии- те, кто не подпадают под социологические определения церкви, секты и культа».

Ветер и вода

Вопрос: *Я читаю книги и слушаю беседы и все же порой чувствую, что мои усилия подобны попыткам удержать ветер в клетке или зачерпнуть воду решето. Я знаю, что есть ветер и вода, но у меня-то нет ничего, что могло бы их удержать. Может, мне отказаться от прослушивания и чтения и попробовать что-то другое?*

Ответ: Вы смотрите на себя как на клетку или решето, которыми конечно же не удержать ни ветра, ни воды. Ваши аналогии неверны только в одном: они не подходят к ситуации.

Суфий счел бы непозволительным самое предположение, будто у вас есть решето или клетка, хотя бы и согласился бы с тем, что вы в них нуждаетесь. Он скорее всего скажет, что книги и беседы существуют для специфической цели: они помогают вам создать эти приспособления и воспользоваться ими; однако нуждаетесь вы отнюдь не в ветре и воде.

Клетка вам нужна, чтобы поймать и удержать то, что иначе улетело бы. Клетку сначала нужно построить, затем положить в нее приманку и сделать подходящим местом для искомой птицы. Должно появиться и решето, чтобы отделить тонкое от грубого.

Ветер и вода, которые вы пытаетесь уловить, не для вас, и вам они ни к чему. Зачем вы придаете им такое большое значение?

Канатоходцы

Вопрос: *Почему говорят, что суфий вначале полагается на Бога, а затем не полагается на Него?*

Ответ: Потому, что доверие — удел невежественных. Вы полагаетесь на кого-то, когда не знаете, можно ли быть в нем уверенным. Если бы вы знали, что он никогда вас не подведет, вы бы не называли это «доверием». Например, проходя по железному мосту, вы не уповаете на него, но, ступая по канату, вынуждены ему доверять, хотя он может оборваться. Когда вы знаете, что можете положиться на Бога, вы вообще не думаете о Боге в терминах доверия. Вот пословица, иллюстрирующая это:

Он шел по канату и кричал: «Я полагаюсь на Бога!»

Почему мы не получаем больше

Вопрос: *Интересно, почему благочестивые люди, те, кто по-настоящему трудится ради достижения высшего сознания, и все, верящие в истинность высшей реальности, как правило,*

не вознаграждаются за все свои усилия? Почему они не получают никакой видимой награды?

Ответ: Руми в своем произведении «Маснави», книга пятая, сообщает, что некий дервиш позавидовал роскошно экипированному рабу одного господина.

Сам дервиш был бедным, голодным, страдал от холода, и его переполняло чувство, что ему полагается духовная компенсация.

И тогда он взмолился ко Господу:

«О Боже, почему бы Тебе не взять пример с господина этого раба в том, как обращаться с Твоими рабами?»

Все эти чувства переполняли душу дервиша, пока однажды он не услышал, что султан Герата велел схватить и пытаться рабов того самого господина, чтобы выведать, где их хозяин прячет свои сокровища.

Целый месяц, днем и ночью, рабов подвергали истязаниям. Но они были так преданы своему владельцу, что ни один не выдал тайны.

И тогда дервишу приснилось, что голос с Небес сказал ему:

«И ты сперва научись быть рабом, а уж потом предлагай себя как одного из Моих рабов».

Вопрос: *Допустим, человек неверно реагирует на суфийские материалы или переживания. Не приведет ли это к некоторому нарушению равновесия его личности?*

Ответ: Самое худшее из наблюдаемых здесь последствий то, что люди неминуемо превращаются в умников, если такое слово уместно в данном случае, и происходит следующее: люди начинают воображать, будто, вооружившись своей находчивостью, вместо того чтобы пользоваться умом и чувствами, они могут преуспеть или продвинуться даже в суфийской деятельности. Таким образом, они превращаются в этаких бойких персонажей, щеголяющих высказываниями или мыслящих идейными ассоциациями и тому подобным. Конечным результатом является эксцентричная личность, которую часто можно встретить среди поверхностных последователей любых учений.

Человеческая личность

Вопрос: *На самом ли деле людей так сильно заботит их персона; кем или чем они являются в действительности; можно ли назвать их мысли и дела чем-то реальным, а не данью привычке и инстинктам?*

Ответ: Их это настолько заботит, что сами того не осознавая, они ни о чем другом почти и не думают. Все именно так и есть, в чем легко убедиться, если просто исследовать слова, мысли и поступки людей в свете выяснения той роли, какую во всем этом играют их личности и/или восприятие себя и других. Интересно, что сам человек редко замечает одержимость в подобной своей озабоченности.

Данную информацию может проверить любой человек, но фактически мало кто даже пытается это сделать. Возьмите, как и я, последний номер популярного ежемесячного журнала, который издается на тринадцати языках тиражом более тридцати миллионов экземпляров. Составьте тематический список статей или просто рассмотрите темы публикаций. Прежде чем вы дойдете до середины, вы найдете не менее дюжины сообщений, касающихся личности. Вот британский посол в Вашингтоне волнуется о своей личности; жена ректора чувствует, что утратила собственную личность, и здесь же статья о том, какими должны быть взаимоотношения между компьютерами и людьми; две другие публикации посвящены положению и личностному самопожертвованию иммигрантов; статья о близнецах и факторах, влияющих на их личности; анекдот об обретении личности с помощью внешности и так далее,

страница за страницей. На первых ста страницах этого же ежемесячника не менее двадцати пяти статей посвящено личностному восприятию. Здесь описания того, что чувствует Пабло Казальс во время игры; как Онассис выразил свою личность с помощью развлечений; статья о том, как по манере ведения разговора можно определить собственную личность, и еще много-много о том, как люди ощущают себя и других.

В сравнении с этим потоком информации иные темы почти отсутствуют. Вы могли бы сами ответить на свой вопрос, если бы понаблюдали за людьми и их потреблением прессы.

Рынок специй

Я постоянно получаю письма от людей, мыслящих подобно обезьяне, кулак которой застрял в бутылке.

Кулаком в этом случае является косность их мышления, они вцепились в обрывки реального или предположительно религиозного либо эзотерического знания, подобранного то тут, то там. Эти «знания», как правило, бесполезны или неприменимы к ним, а если бы и была в них польза, кулак-то плотно сжат. «Обезьяна» не может высвободить лапу из бутылки.

«Так, — говорят они, — это у меня уже есть, и теперь мне нужно только то-то и то-то».

(Как повествует притча, обезьяна завладела вишней, орехом или чем-то еще, но не могла воспользоваться добычей из-за бутылки. В некоторых версиях охотник подкрадывается к попавшей в ловушку обезьяне, хватает ее, а вместе с ней и вишню, и все прочее...)

Подобные письма приходят ко мне достаточно часто, чтобы так или иначе напомнить об этой проблеме, но сейчас я получил письмо от человека, с которым похожий случай произошел в реальности, и мне хотелось бы поделиться с вами его историей.

Человек этот был и остается скрягой, в чем признался сам. Живет он в городе на Ближнем Востоке, где есть отдельный базар для торговли специями.

Будучи слишком скупым, чтобы покупать специи, которыми он привык приправлять рис, этот человек имел обыкновение бродить по базару, волоча полы своего халата по земле, вдоль мешков с перемолотыми пряностями. На полах его халата оседало достаточно порошка, чтобы, придя домой, можно было потрясти халат и собрать необходимое количество специй.

Так он поступал в течение примерно четверти века. Конечно, никто даже и не подозревал за ним ничего подобного, хотя всем торговцам было хорошо знакомо его лицо.

И вот недавно на базаре случилась кража, пропало огромное количество специй. Когда полиция занялась поисками преступников, какие-то дети сообщили, что от нашего скупца всегда пахло пряностями, хотя никто никогда не видел, как он их покупает.

Этого человека стали допрашивать, и поначалу он отказывался объяснить, почему его одежды пахнут так, как они пахнут. Однако, когда его арестовали по подозрению в краже и привели в суд, он во всем признался. Никто ему не поверил, и он был оштрафован на баснословную сумму, значительно большую той, которую он мог бы потратить на специи в течение всей своей жизни, просто покупая их на базаре.

Теперь он мне пишет. Угадайте что? — «Неужели в мире не осталось справедливости, и невинного человека можно обвинить на основе косвенных улик?»

Он даже не понял, что он вор.

Здесь мы имеем наглядный пример того, как жизнь имитирует искусство, подлинный случай из реального мира идентичен литературной выдумке.

Разумеется, вы не вор и не скупердяй, но на вашем месте я бы как следует задумался, нет ли здесь параллели с тем, как люди «крадут» частички и остатки предполагаемой духовности...

Суфии говорят о «мире» и о том, как он воздвигает стену между человечеством и реальностью.

Что такое этот «мир»?

Это — сплав слишком далеко зашедших тенденций: естественного стяжательства и социальной обусловленности.

Все организмы, включая человеческий, пытаются заполучить в свое владение как можно больше всякого рода вещей. Общество учит людей ограничивать подобную тенденцию. Такое ограничение, помимо прочего, позволяет человеческому существу достигнуть более глубокого восприятия, чем это возможно в противном случае.

Человеку следует учиться, и его нужно обучать тому, ограничения какого вида и степени являются необходимыми. Один из аспектов суфийской деятельности обучает равновесию, которое позволяет человеку приобрести нечто отличающееся от социальной гармонии или просто хорошего эмоционального самочувствия.

Многое из того, что принято считать духовными учениями, на самом деле опирается на развитие жадности, эмоций и стяжательства. Разумеется, люди, которые следуют подобным учениям, не понимают разницы. Они воображают, что эмоциональность и есть духовность.

В прошлом суфиев обвиняли в поощрении эмоциональности. Дело в том, что эти суфии настаивали только на определенной степени эмоциональности, имея дело с учениками, нуждавшимися в ней из-за своей чрезмерной холодности. Естественно, «эмоционалы», изучавшие только какую-то часть суфийской деятельности (обычно по книгам), из всего материала выбрали именно этот аспект. В результате они ввели в заблуждение и себя, и других — так появились суфийские культы, не имеющие к суфиям никакого отношения. Многие из этих культов, ввиду большого количества эмоцио-налов в каждом народе, стали очень известными, а некоторые даже считаются классическим выражением суфизма.

Не являетесь ли и вы одним из тех, кто бессознательно ищет в суфийских занятиях определенный вид эмоциональных стимулов и испытывает смутное чувство неудобства, когда суфии отказывают ему в желаемом?

Любой самый заурядный психолог подтвердит, что люди постоянно чего-то ждут от явлений, которые им интересны. Они (хотя и не всегда осознанно) заранее рисуют себе картины того, что «получат» от какой-то определенной вещи. Если они не чувствуют, что «получают ожидаемое», они реагируют соответственно. Разумный человек, вдруг ощутив некое неудобство, будет искать истинную причину своего чувства. Если же индивид утратил бдительность относительно самого себя, он сделает лестный для своей проницательности вывод. Он подумает: «Это не для меня, я не получаю желаемого».

Современный мир, построенный в основном на рекламе, сделках, на возбуждении в человеке жадности, на системе кнута и пряника, входит в сговор с примитивным элементом в человеческом существе. И этот образец, состоящий из угроз и обещаний, обнаруживает себя даже в наиболее почитаемых духовных традициях — настолько свехупрощенными их сделали те, кого иначе как современными знахарями не назовешь.

Суфии уже самим своим существованием предьявляют вызов этой доктрине. Они, до некоторой степени, всегда ей противостояли. И, до некоторой степени, то здесь, то там постоянно провоцировали недоброжелательные реакции людей. Подобный факт можно объяснить тем, что люди кнута и пряника чувствуют исходящую от суфиев угрозу. На самом же деле суфии не представляют никакой угрозы для таких людей, поскольку похожие личности

будут всегда, и во все времена у них будет достаточно слушателей и приверженцев для их собственного удовлетворения. Они бы легко заметили это сами, если бы не чувствовали себя крайне неуверенно.

Но суфии, хотя и не несут в себе угрозы, несомненно, являются вызовом. Сама концепция, что люди способны учиться и могут узнать себя, других и то, что лежит по другую сторону обычного восприятия, и все это, возможно при использовании минимума, а не максимума эмоциональных или интеллектуальных усилий (притом оба этих фактора сохраняются в полном равновесии, так что ни вместе, ни по отдельности не развиваются сверх меры), — сама уже эта концепция представляет собой вызов. Она идет вразрез как с позицией интеллектуалов, так и с позицией «эмоционалов». На первый взгляд, она также противостоит позиции тех, кто думает, будто человек, стремясь к развитию духовного восприятия и понимания, должен вообще избегать проявлений и интеллекта, и эмоций. Но если в констатации факта усматривается вызов, то мы имеем право спросить, почему?

Естественно, должен существовать формат, в контексте которого суфийский студент сможет приблизиться к изучению и пониманию. В самых разных общинах и группах суфии на протяжении веков использовали структуры, способствующие наилучшему обучению искателей. В нынешних обстоятельствах вы могли бы принять к сведению следующие важные рекомендации.

Те, кто желает прогресса, должны исследовать свои предположения. Они должны исследовать свои реакции как на суфийское учение, так и на свои повседневные взаимоотношения и события. Они должны обдумать следующий принцип: «Никому не должно быть хуже от контакта со мной!» К этим трем пунктам следует прибавить еще два.

Суфийское понимание приходит в результате правильного изучения и обучения; при выполнении соответствующих упражнений, когда они предписаны; а также в результате напоминания себе о том, что незаделанные трещины могут свести на нет все усилия.

И еще, запомните один очень важный факт: вас учит само Учение, а не индивидуум. Прочитирую одного мудреца, не пожелавшего (в силу приведенного выше) быть названным:

«СКОЛЬ МНОГИЕ НАЗЫВАЛИ КОГО-ТО ВЕЛИКИМ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ОН НАПУГАЛ ИХ?»

«СКОЛЬ МНОГИЕ НАЗЫВАЛИ КОГО-ТО ДОБРЫМ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ОН ДОСТАВИЛ ИМ УДОВОЛЬСТВИЕ?»

Элементы ситуации

Если вы собираетесь чему-то учить, вам нужно свести воедино определенные элементы. Сюда входят знание, оценка студента, а также метод и содержание учения.

Должны присутствовать все три фактора, и притом в необходимом порядке, должной степени и соответствующим образом.

Любая другая ситуация приведет к обрывочному изучению и путанице, которые затормозят прогресс.

Скажем, если вы задумали преподавать литературу, химию, бизнес или драму людям, которые воспитывались в атмосфере современного Запада, вам не придется уделять вышеупомянутым требованиям слишком много внимания. Этот факт связан с тем, что умы обучающихся уже впитали из своей культуры большую часть элементов и подходов, так сказать, обзавелись необходимым фундаментом, на котором в данных областях можно что-то построить. Вам не придется начинать все с самого начала.

Но если бы вы взялись обучать химии членов общества, которые мыслят только в терминах алхимии, или учить астрономии тех, кто принимает ее за астрологию, у вас, да и у них, возникли бы совсем иные проблемы.

Изучение метафизики на современном Западе можно сравнить с попытками изучать фактическую химию с позиций алхимии. Если бы вам пришлось обучать в подобной ситуации, вы не ушли бы с головой в преподавание, уступая требованиям ваших студентов передать им «высшую форму алхимии». Вам пришлось бы начать с азов и установить формат, в контексте которого может быть усвоена химия.

Вы, возможно, воспользовались бы концепциями и процессами, экспериментами и тому подобным, доставшимися от алхимии, но должны были бы отделить это от остального алхимического наследия, то есть от привнесений, псевдозаключений и многого подобного тому, что отличает химию от алхимии.

И еще вы бы обнаружили, что некоторые или даже все ваши студенты читали и слышали всевозможные теории. Они прочли разные книги, проводили эксперименты и ждут, что вы дадите им разъяснения, столь необходимые и интересные, по их мнению.

Что вы им скажете?

В какой последовательности начнете изложение идей?

Каким оборудованием, инструментами и элементами воспользуетесь?

Что вы исключите, оставите на потом или вовсе проигнорируете?

Если вы действительно знаете, что делать, то должны будете начать с постепенного внедрения концепций, облегчающих студенту последовательное изучение. Вероятно, вы пойдете на некоторые компромиссы со своей аудиторией, но только до определенной степени, чтобы не делать изучение слишком сложным, но и не направлять его по ложному пути.

Суфийский учитель сегодня находится в таком же положении.

Индивид, жаждущий решить проблемы всего человечества сегодня, как правило, приходит к учителю с огромным рюкзаком идей, впечатлений и теорий, лишь немногие из которых будут полезны в этой исключительной специализации.

Тест, который необходимо пройти изучающему прежде всего, состоит в следующем: нужно определить, способен ли он или она учиться тому, что важно и уместно. Если ученик сам себе враг, то он или она будет цепляться за идеи, переживания, теории, порождающие импульсы наслаждения. Итак, прежде всего важно установить: хочет ли студент учиться или на самом деле (часто того не сознавая) хочет «развлечений».

Вот почему суфии упорно настаивают, что учащемуся необходимо исследовать свои предположения. Основное предположение, которое вырастает в препятствие, обычно такое: «Я чувствую, что это верно, значит, так оно и есть; и, следовательно, я буду по-прежнему работать с тем, что продлевает, а главное, усиливает подобное чувство».

Но знание существует не для того, чтобы доставлять удовольствие или разочаровывать.

Суфийские учебные пособия, в том числе учебники, преследуют две цели. Во-первых, как и предыдущие разделы настоящей книги, они информируют нас; во-вторых, несут в себе элементы, которые в соответствующее время выстроятся в умственную структуру, способствующую прогрессу ученика. Эта «умственная структура» не заменяет обычного мышления, но дополняет его. Суфии вовсе не рассчитывают, что люди смогут развить в себе понимание, посеяв суфийское учение на почву предвзятых мнений. Точно так же можно было бы обучать группу, интересующуюся алхимией, бросая идеи нового знания в негодную почву.

В суфийской школе люди учатся примерно так же, как и в обычном обществе, — аккумулируют простейшие элементы, которые помогают им в дальнейшем обучении. В современном мире и ребенок, и взрослый студент приступает к какой-либо организованной

программе обучения, предварительно усвоив огромный объем фактов и опыта, на основе которых и выстраивается последующее обучение.

Люди, пожелавшие вникнуть в суфийское знание, допускают предположения, часто ведущие к трагическим последствиям: они полагают, что и в данном случае уже обладают неким эквивалентом необходимой элементарной базы. Это похоже на поведение человека, который хочет прочесть книгу, одновременно настаивая, что ему не нужна грамота. Таким же образом некто может стремиться изучить земледелие, опираясь на концепции и приемы кузнечного ремесла.

Запас базисного знания и опыта, находящийся в распоряжении современного человека, огромен и исключительно полезен. С его помощью мы сможем научиться самым разнообразным вещам. Чтобы стать суфием, вы не только должны накопить больше идей, опыта и умения, вам необходимо также и научиться использовать все это.

То и дело люди приходят к суфиям и заявляют, что, мол, такие-то и такие контакты, чтение книг и определенные переживания «привели их к учителю». Подобные люди ждут подтверждения истинности своих убеждений; они ищут дальнейших стимулов такого же порядка, то есть ожидают, что суфий прольет свет на некоторые тайны и решит какие-то проблемы. Этим посетителям редко приходит в голову, что тайны и проблемы не всегда существуют для того, чтобы разъяснять их. Как правило, люди еще в меньшей степени понимают, что путь, приведший их к суфию, почти всегда исчерпывает свою полезность после того, как достиг источника учения. Они никогда не слышали (или не обдумывали) такое предостережение: «Каким бы замечательным не был осел, на котором вы подъехали к дому, вам придется слезть с него, чтобы войти внутрь».

Что же является препятствием в изучении — хотя и не препятствует человеку воображать, что он может учиться или уже выучился, — прежде всего склонность прибегать к случайным (именно случайным, хотя и неслучайным с виду) предположениям. Суфийские учебные пособия предназначены для того, чтобы помочь человеку в решении подобной проблемы.

Отсутствие терпения и тщеславие резко осуждаются практически во всех религиозных системах. Почему? Потому что они унижают человеческое существо вместо того, чтобы возвысить мужчину или женщину.

Эти качества также осуждаются и во всех моральных и этических системах. Их не любят, им противостоят повсюду: в юриспруденции, в социальных взаимоотношениях, в науке и так далее. Почему? Потому что они создают сложности людям и делу, а также тормозят развитие.

Кем бы мы ни были, с самого детства нам постоянно твердят, что надо преодолеть в себе подобные черты, и поэтому они стали проявляться подспудно. Люди даже не подозревают, что они тщеславны или нетерпеливы. «Но уж, по крайней мере, в стремлении к истине, знанию и так далее я не тщеславен, и терпения мне не занимать, — яростно настаивает подобный индивид, — мне нужны знания, чтобы помогать другим людям. Мне надо спешить, ведь я так мало успел в жизни». На протяжении всей истории суфии наделяли людей способностью бороться с этими негативными чертами. Бороться с ними можно не подавляя их, а только наблюдая и исследуя и затем от них отстраняясь. Монашеские системы, изначально специализировавшиеся на иллюстрировании данных моментов, вскоре превратились в репрессивные и механические организации. Почему? Потому что они перестали практиковать следующее: анализ и предписание специфического лечения (для каждого индивидуального случая). Школа, — вначале гибкая и интерактивная, — превратилась в механическую: одни и те же молитвы, медитации, литании, мелодии, действия и так далее навязываются каждому. Без учета индивидуальных потребностей и потенциала. С человеческими существами обращаются как с животными — их успешно дрессируют, используя механизм угроз и обещаний,

напряжения и повторения и тому подобное.

В течение нескольких последних десятилетий западное общество шагнуло далеко вперед, что дает его членам беспрецедентные возможности. Такой прогресс своим существованием обязан окончательному признанию механизма обусловленности, с помощью которого и раньше, и теперь людей можно заставить поверить практически во все что угодно. Это знание существовало и в прошлом, но было известно лишь немногим, передавалось сравнительно небольшим группам, поскольку считалось слишком разрушительным. Однако, как только (а именно, во время войны с Кореей) парадокс обращения в «веру» стал беспокоить западных ученых, они незамедлительно объяснили и даже продемонстрировали указанный феномен. Это открытие, как и многие другие, должно было ожидать признания до тех пор, пока люди не поняли, что другого объяснения нет. В результате работа, которую западные ученые могли бы завершить столетие тому назад или еще чуть раньше, была задержана.

Но лучше позже, чем никогда. Теперь и широкой публике необходимо усвоить факты ментальной манипуляции. Этого еще не произошло, что и послужило созданию самой благоприятной почвы для культов, ставших проклятием западного мира. Как на Востоке, так и на Западе в обществе, лишенном «иммунитета», замедленное усвоение этих фактов позволило появиться, окрепнуть и распространиться узкому политиканству, религиозному и эксцентричному фанатизму. В закрытых обществах запрещено учить подобному знанию.

В либеральных же сообществах лишь немногие интересуются данной темой, и все потому, что распространено следующее предположение: ментальная манипуляция есть что-то, имеющее отношение только к другим. Кроме того, это связано с тем, что люди во многих отношениях эгоистичны, а в некоторых других — великодушны. Реальность же такова: большинство людей затронуто каким-либо проявлением из огромного диапазона обусловленных верований, даже маний, заменяющих истину и, более того, пользующихся почитанием. Ведь нередко можно услышать: «такой-то и такой-то, по крайней мере, искренен».

Естественно, подобным ментальным состояниям нельзя противостоять. На самом деле, встречаясь с оппозицией, они еще больше расцветают. Это явление необходимо объяснять и сдерживать. Вышесказанное не станет «собственностью» индивида или группы после однократного прочтения этого отрывка. Для того чтобы неизвестный и не проработанный прежде урок, требующий усиленного внимания и запоминания, просочился в ученика — необходимо время. Так что настоящее изложение составляет часть материалов, которые надо время от времени просматривать. Поступая так, человек немного разовьет в себе соответствующий навык и будет от каждого прочтения получать минутную частицу понимания.

Арбуз

Жил однажды человек, и у него был сосед, владевший бахчой. Каждый раз, когда поспевали арбузы, владелец бахчи щедро угощал ими соседа. Так продолжалось из года в год, пока однажды крестьянин не заметил, что его друг, любитель арбузов, чем-то озабочен и выглядит весьма удрученным. Он спросил его, в чем дело, и тот ответил:

«Конечно, арбузы очень полезны и приносят немало удовольствия, но я хочу большего. Поведай мне секрет арбузов, чтобы я мог проникнуть в самую их суть. То, что доставляет столько радости при вкушении, обязательно должно иметь некое начало, внутреннюю реальность, несравнимо более ценную». Но владелец бахчи ответил:

«Бери что дают и будь благодарен. Если сумеешь быть благодарным, возможно, тебе откроется и что-то большее. Но если, просто отведав чего-то, ты сразу начинаешь жаждать

большого, подобное поведение не к лицу доброму человеку».

Однако совет соседа брать, что предложено и быть терпеливым пришелся не по вкусу любителю арбузов, и он сказал:

«По крайней мере, поведай мне, откуда происходят арбузы, чтобы я мог отправиться туда. Мне и самому, возможно, удастся что-то разузнать. В конце концов я не уверен в том, что твои слова — абсолютная и конечная истина».

Бахчевод усмехнулся и сказал:

«В моих словах отнюдь не было цели привязать тебя к себе или что-то утаить. Просто я хотел уберечь тебя от ненужных тягот и разочарований. Но если ты настаиваешь, будь потвоему: отправляйся в Бухару, именно оттуда происходят лучшие арбузы. Может быть, в один прекрасный день ты поймешь, был я прав или нет. Но не поминай меня лихом, когда осознаешь, что попусту потратил много лет своей жизни».

И вот любитель арбузов отправился в Бухару, где, бродя от одной бахчи к другой, внимательно разглядывал арбузы и допытывался у бахчеводов, в чем же заключается арбузная сущность. Большинство считало его праздным зевакой, некоторые же думали, что он сумасшедший.

Наконец, ему повстречался один мудрый старец, который тоже выращивал арбузы. Вот что он сказал:

«Арбузы вырастают из маленьких семечек, сосредоточенных внутри плода, — ты неоднократно видел их, разрезая арбуз. Внутри этого семени и находится арбузная сущность. Но семя полезно лишь тем, кто выращивает арбузы и знает, как за ними ухаживать и доводить их до зрелости. Для всех остальных людей это преходящее и крошечное ядрышко не таит в себе никакой пользы. А если ты вздумаешь питаться подобными семенами, то просто уморишь себя голодом».

Но наш искатель услышал только первую часть объяснения и, уйдя от старца, стал питаться арбузными семечками, решив, что отныне его пищей будет сама «сущность» арбуза.

Он чуть не умер от голода, но, будучи жадным и целеустремленным, все-таки выжил, продолжая есть только арбузные семечки и надеясь, что секрет, который он искал, именно таким образом откроется ему. Так он и жил какое-то время, пока все-таки не помер.

Камень и дерево

Жил как-то в Абадане один дервиш. Вокруг его кельи всегда толпились ученики, приходившие из ближних и дальних мест, чтобы приобщиться к его мудрости и попытаться достичь знания и духовной реализации.

Иногда он говорил с ними, иногда нет. Порою он учил их по книгам, а иной раз давал различные задания.

Десятилетиями ученики пытались вникнуть в смысл слов учителя, постичь глубину его знаков, понять символы и любыми путями приблизиться к его мудрости.

Те, кто понимал, чему он учит, не тратили даром времени на разгадывание этой тайны. Они возвращали терпение и внимание, воздерживались от словесных ассоциаций с книжными текстами и с тем, что говорили другие.

Но так уж повелось в мире, что ученики порою воодушевлялись, порою впадали в уныние и всегда жадно хотели чего-то, пусть даже только мудрости и собственного блага.

Своему образу мыслей они давали самые разные объяснения, только не подлинные.

И вот спустя много лет один из таких учеников набрался смелости и заявил мастеру:

«О Мудрец, здесь немало людей, отдавших большую часть своей жизни попыткам следовать Путем знания. Некоторые из нас стареют, другие — уже состарились. И мы чувствуем, что должны раскрыть тебе наши сердца и поведать о нашей нужде в дополнительных указаниях, — как нам быть дальше?»

Дервиш глубоко вздохнул и ответил:

«Пойдемте-ка все вместе к берегу моря, и я покажу вам то, что все объяснит, если, конечно, вы сумеете это увидеть».

На каменистом берегу дервиш достал из воды гальку и спросил одного из учеников:

«Как долго пролежал здесь этот камень?»

Тот ответил:

«Он такой гладкий и отполированный, что, видно, волны не одну тысячу лет перекачивали и волочили его туда-сюда».

«А теперь, — сказал дервиш, — возьмите этот мокрый камень, расколите его и скажите, что вы видите».

Они раскололи камешек и увидели, что внутри он был таким же, как и снаружи.

«А заметили ли вы, — продолжал дервиш, — что, хотя этот камень пролежал в море неисчислимое количество лет, внутри он совершенно сухой, словно бы никогда и рядом не был с водой. Вы, люди, подобны камням. Находясь в окружении мудрости, вы не позволяете себе проникнуться ею. Но, в отличие от камня, вы обладаете талисманом, который может позволить трансформирующему качеству пропитать вас до самой вашей сердцевины.

Этим качеством является терпение, воздержанность и открытость: для вас вроде как три качества, а по сути — одно».

Затем дервиш со своими последователями поднялся на холм, возвышавшийся над морем, — там, несмотря на иссохшую почву, росло великолепное дерево.

«Это дерево, — сказал он, — такое высокое и плодоносное, смогло вырасти здесь, где ничего больше не растет. Оно сумело вырасти таким, совершив надлежащие усилия, указанные ему внутренней сущностью семени, которое дало начало его жизни: из семени поступил сигнал проникнуть как можно глубже в почву, чтобы достичь воды.

Пусть это станет для вас уроком, друзья мои».

Path of Love

Think not the Path of Love

An easy way.

Here certain senses guide the Lover's climb:

Its heights and depths defy

The plan of Matter.

Think not of this in careless terms.

But bear in mind

Thy first station towards Love is nigh

When all is blotted out

But the Beloved. The mystics Way — all of the Way

Is the path of the heart

To One Beloved: The quest of love — With heart athrob.

Мастер Санаи из Газны

Путь Любви

Не думай, что Путь Любви

Легок;

Особые чувства направляют

Восхождение Влюбленного:

Вершины и пропасти обступают здесь наперекор

Законам материи —

Не думай об этом беспечно.

Но помни:

Первая стоянка на пути любви близка,

Когда исчезает все,

Кроме возлюбленной.

Путь мистика, весь его путь —

Дорога сердца,

Ведущая к одной лишь возлюбленной:

Это поиск любви

Замирающим сердцем.

Перевод на русский Сергея Гражданкина

Мастер Руми признавал одного из величайших восточных поэтов и мистиков Хакима Санаи (1077–1150), своим учителем.

Это стихотворение, переведенное моим отцом, относится к малым произведениям мастера из Газны. Суфийского поэта Санаи признают вдохновителем Данте, жившего на полтора века позже. Произведение Санаи «Путешествие поклонника» является шедевром персидской литературы, которое посвящено переживаниям мистика на пути к просветлению.

Поэма, наполненная возвышенными аллегориями и множеством измерений, почти что повергает в растерянность тех, кто не шел этим путем. Красота языка и ритм стихотворных строк неотступно преследуют всякого, кто прочел произведение в оригинале.

Духовны ли похлебка и татуировка?

Можно заметить, что психологические и духовные системы, имея в виду характер их деятельности, направлены на то, чтобы привить определенные образцы поведения к стеблям основных человеческих импульсов. Импульсы бывают двух видов:

1. врожденные, принадлежащие животной природе;

2. приобретенные — те, что выработаны проявлением культурного конформизма.

Как отмечают суфии, если признать действие каждого из перечисленных факторов, то создаются условия для появления третьего вида мышления и поведения — духовного, которое отличается от социального и эмоционального. Характерная особенность данного вида — глубина, его отличие от поверхностных видов становится очевидным при сравнении с последними.

Это нелегко понять, поскольку все основные культуры скристаллизировались в убеждении, что подобные «внешние» слои как раз и представляют собой нечто глубокое. Люди

предпочитают так думать потому, что согласиться с таким допущением легче, чем совершать усилия.

Следующие заметки, сделанные на основе реальных случаев, демонстрируют некоторые современные тенденции и могут помочь человеку начать действовать по-иному, при этом отнюдь не уничтожая и не затрагивая то положительное, что существует во врожденных и приобретенных характеристиках.

А. Бессознательный поиск личной выгоды. Это выражается во многих формах «наступательного и оборонительного» характера. Вполне естественно противиться советам или избегать смотреть фактам в лицо; но для того чтобы выше упомянутые стратегии стали эффективными, человек должен знать, в чем же на самом деле «его выгода».

Один суфий так высказался по этому поводу: «Человек в маске и с острым ножом в руке не обязательно убийца; быть может, он хирург, собирающийся удалить тебе аппендикс, тем самым спасая твою жизнь». Поэтому тот, кто хочет учиться, должен прежде всего установить, признаёт ли он «роль хирурга». Не уяснив для себя этот факт, человек не сможет учиться. Пока он не поднимется на эту ступеньку, никакое подлинное обучение не начнется.

Б. Проводить частые дискуссии или назойливо возвращаться к теме, вместо того чтобы принять решение и осуществить его, попытаться воплотить в жизнь.

В. Принимать помощь от других, при этом не сотрудничая с ними.

Г. Притязания вместо действий. Неприятие советов — стратегия уклонения от действий.

Д. Лень.

Е. Привычка принимать одно за другое.

Ж. Неспособность заметить расхождение собственных слов и действий, необдуманная речь.

З. Беспокойство как механизм уклонения от действий.

И. Признавая чей-либо опыт и соглашаясь, что этот человек может руководить или советовать, вступать с ним в споры, погружаться в рассеянность, пытаться навязать свои поправки («торговля»).

В Англии бытует такое выражение: «Many a true word is spoken in jest» ^[13].

Говоря это, люди многозначительно кивают головой. Те, кто способен посмеяться над шуткой, как правило, полагают, что исследование других сторон смешного испортит им удовольствие. А ищущий в шутке мораль, чаще всего лишен чувства юмора, в результате чего его ум недостаточно гибок, чтобы узнать что-то новое.

Здесь кроется очень любопытная особенность современной культуры, ставшая настолько неотъемлемой от нее, что лишает миллионы, возможно, миллиарды людей огромного объема знаний и опыта.

Давайте рассмотрим одну шутку и выясним, сможем ли мы насладиться ею и одновременно кое-что узнать.

Я услышал ее на вечере Афганского общества изучения Востока и Африки при Лондонском университете. Приглашенных попросили поделиться своими историями, и одна молодая женщина встала и рассказала следующее.

Жил-был преподаватель философии, у которого не удалась личная жизнь. Как-то раз ему предстояло принять участие в одной конференции, и он задумался, что делать, если там вдруг придется общаться с женщиной.

За советом он обратился к другу.

«Нет проблем, — сказал друг. — Женщины интересуются двумя вещами: семьей и диетой. Заговори о том или о другом, и у тебя получится вполне разумная беседа».

И вот наш преподаватель приехал на конференцию и в самом деле оказался перед необходимостью вступить в разговор с какой-то женщиной. Он чувствовал, что неплохо подготовлен.

«Ну, как там ваш брат?» — спросил он в полной уверенности, что семейная тема положит хорошее начало общению.

Женщина очень странно на него посмотрела и сказала:

«У меня нет брата».

«Что ж, — подумал ученый, — есть еще одна тема». И спросил свою собеседницу:

«А как вы относитесь к репе?»

«Я ее вообще не ем», — ответила женщина, осторожно отодвигаясь от него.

Наш преподаватель был не какой-нибудь олух, и тут же сообразил, что теперь-то он, с его философской подготовкой, несомненно, завяжет приятный разговор на основе двух предыдущих попыток.

«А скажите, — снова обратился он к женщине, — если бы у вас все-таки был брат, вы полюбили бы репу?»

Если вы возьметесь за две вещи сразу, то лишитесь обеих; поэтому отсмейтесь, прежде чем начать поиск какого-то скрытого смысла в шутке.

В этом, да и в других анекдотах, есть множество полезных смыслов, которые человек способен для себя извлечь. Ваша непосредственная реакция кое-что расскажет вам и о вас самих. Я испробовал историю о профессоре на одном знакомом, и он поклялся, что в ней демонстрируется глупость и узкомыслие философов. Стоило ему воспринять в истории именно это, как его охватил восторг, потому что уже многие годы он не любил подобных людей. Иными

словами, его реакция кое-что рассказала о нем. К сожалению, ему самому это несколько не помогло, так как он наотрез отказался согласиться с тем, что его оппозиция по отношению к философам носит характер одержимости.

А теперь давайте взглянем на эту историю с точки зрения ее структуры, выделив некоторые составные части. Во-первых, она указывает на предположения: университетский профессор предположил, что необходимы только некоторые сведения, и при наличии таковых он наверняка сумеет эффективно ими воспользоваться.

Выделите в этой ситуации два факта: профессор нуждался и в элементарных данных, и в умении; без обоих этих элементов, на основании одних только поспешных выводов, ничего путного и не могло у него выйти. Факты плюс умение создают ориентацию во времени и контексте, с учетом которых можно подойти к решению проблемы.

Я получаю, по крайней мере, одно письмо в неделю от кого-то, кто знает, что я пишу книги, но не желает их читать. Он (и столь же часто она) прочел кое-что в одной из моих книг (тема «семья и диета») и теперь обращается ко мне за «реальным учением» (смешная попытка «положить начало общению», как и в нашей истории).

Почему люди так себя ведут? При знакомстве они не производят впечатления безумцев или идиотов, некоторые из них высоко интеллектуальны, другие — даже духовно-ориентированные люди.

Когда вы понаблюдаете такие ситуации в достаточном количестве, этот образец станет вам абсолютно понятен. Ключом к пониманию является тот факт, что здесь мы имеем дело с вполне нормальными людьми. Теперь задайтесь вопросом, что вынуждает нормального человека так глупо себя вести? Почти всегда — эмоции. А как насчет специфической эмоции, которая побуждает человека с презрением отшвырнуть одно и пуститься на поиски другого? Это жадность. Жадность к знанию, к «святости», к разного рода достижениям так же мелочно уродлива и также снижает человеческий потенциал, как и любая другая жадность.

Видите ли, я (как и многие другие) написал много книг, преследуя конкретную цель: обеспечить основу, чтобы, опираясь на нее, люди смогли бы прийти к чему-то более высокому. Книги помогают сделать первый существенный шаг. На Западе говорят: «Пока не научишься ходить — не бегай». Используется ли этот принцип в каждом аспекте жизни и мышления?

На Востоке есть такое высказывание: «Очевидное — мост к Реальному». Но жадность говорит нам: «Я начну с десятого урока, потому что не вижу необходимости в первых девяти». Это жадность и тщеславие, они хорошо скрыты, что не означает, будто их нет или они не задействованы.

Существует также явление, которое можно назвать мотивом личной выгоды. Обычно люди, сами того не ведая, во всем ищут наживу, и притом легкую. Ученый в нашем анекдоте хотел получить выгоду без особых усилий и на собственных условиях. С подобной проблемой мы живем уже слишком долго.

Знаете историю об Евклиде — ту, где он объяснял классу свою первую теорему? Так вот, один молодой человек поднялся и сказал:

«Все, что вы говорите, — замечательно, но мне-то какая от этого польза?»

Обратясь к другому юноше, Евклид произнес:

«Скорее дай ему несколько медяков, ибо он из тех, кто палец о палец не ударит, пока не увидит в этом для себя немедленной выгоды».

Смысл истории, однако, не только в ее морали. Дело в том, что Евклид жил в Александрии более двух тысяч лет назад. Его работа не отличалась особой оригинальностью. Он учил тому же, чему и его предшественники.

Таким образом, мы можем бросить взгляд в далекое прошлое, обозревая огромный период

времени, целые цивилизации, в том числе и современную, представители которой считают себя наследниками той же культурной традиции, и показать, что люди все еще не усвоили то, что эта традиция пыталась им преподать.

Открывать человеку второй урок, пока он не выучил первый, не только бесполезно — это просто невозможно.

Из вышесказанного становится очевидно, что засевшие в уме элементы тщеславия, жадности и нетерпения внушили человеку следующий метод: думать и действовать выборочно. Люди выбирают то, что их интересует, и избегают неинтересного. В этом не было бы большой беды, если бы они не совершали следующего абсурдного шага: выбрав что-то по принципу интереса, они стараются применить полученное к решению той или иной проблемы. И что еще хуже, хотят, чтобы другие потакали им в этом.

Если бы вы сказали яблоне: «Дай мне апельсины и, пожалуйста, к следующему четвергу, и чтобы в пластиковой упаковке» — это было бы иллюстрацией точно такой же логики.

Есть древняя поговорка: «Настоящие полпенса полезнее фальшивой золотой монеты». И в самом деле, фальшивка может не только оказаться бесполезной, но и довести вас до тюрьмы.

Псевдодуховные люди видны как на ладони, потому что, как и материалисты, мыслят в терминах торговой сделки. Они хотят менять одно на другое.

На протяжении веков духовные учения сообща настаивали на том, что жадность, тщеславие и нетерпение безрассудны. Почему? Да потому, что подобные качества ослепляют, сковывают и калечат людей.

Духовные учения, каким бы ни было их происхождение, подчеркивают, насколько важно избегать ожиданий и коммерческой ментальности. Тем не менее люди, претендующие на то, что верят в Бога, продолжают предлагать Богу то, что уже принадлежит Ему по определению. Яркий пример: человек отказывается от того, что ему и так не нужно, а затем ожидает за это награды.

Не удивительно, что материалисты смеются над верующими. На наше счастье, нам дано чувствовать, что те «верующие», над которыми смеются материалисты, не имеют никакого отношения к духовным людям.

Мудрый человек

«Мудрый» — одно из тех слов, которому люди умудрились не дать ясного определения. В жизни постоянно встречаются люди, которых называют мудрыми из-за того лишь, что они произвели впечатление на других. «Мудрый», и это очевидно, не есть что-то абсолютное. Человек может быть мудрым в отношении чего-то одного и совсем не мудрым в отношении другого.

Итак, насколько мудр мудрый? Насколько применима к вашей собственной жизни мудрость другого человека? Насколько умен, в отношении того же вопроса, умный человек?

Думаю, здесь стоит рассмотреть историю об умной птице.

Это очень старая история. О чем она расскажет вам, во многом будет зависеть от уровня, на котором вы в данный момент находитесь.

Одна миролюбивая птичка каждый год несла яйца. На территории, где эта птичка вила гнездо, хозяйничал лис. Каждый год он неизменно появлялся и заставлял сбрасывать ему двух птенцов, которых тут же и съедал.

«Сие принадлежит мне по праву, — говаривал он. — А если ты окажешь мне неповиновение, я заберусь на дерево и съем всех твоих детенышей».

И вот однажды, когда несчастная птица-мать сидела со своими едва оперившимися

птэнцами в печальном ожидании лиса, к ней подлетела другая, более мудрая птица и уселась рядом на ветке. Птичка-мать рассказала ей о своем горе.

«Все очень просто, — объяснила более мудрая птица. — Лисицы не умеют лазать по деревьям. Скажи ему, чтобы он исполнил свою угрозу!»

Преодолевая немалый страх, мать все же сделала, как ей посоветовали. Лис был вне себя от ярости.

«Кто тебе сказал, что я не умею лазать по деревьям?» — спросил он.

«Одна умная птица, она очень, очень мудрая».

Лис ушел и стал рыскать по лесу, пока не увидел умную птицу, примостившуюся на ветке.

«А скажи-ка мне, — спросил лис после того, как они обменялись несколькими общими фразами, — как ты проводишь зиму? У лис есть норы, в которых они прячутся, но у птиц, кажется, не бывает надежных убежищ от холода!»

«Это проще простого, — ответила птица, — мы опускаемся вниз, на изгороди, и прячем голову под крыло».

Лис покачал головой, словно в изумлении:

«И как же вам это удастся? Ну-ка, ну-ка, небось, получается очень умно»...

«Если хочешь, я покажу тебе», — сказала птица.

Она слетела на высохшую изгородь, очень хрупкую из-за летней жары, и сунула голову под крыло.

Лис тут же прыгнул на эту изгородь, опрокинул ее, схватил птицу и сожрал ее.

Каждый может быть умен, если дело касается чужих проблем, — гласит одно из толкований этой истории — но куда как не просто быть мудрым для себя.

После плавания

Однажды, давным-давно, на лугу у самой реки жил да поживал кот. Его заветной мечтой было научиться плавать, ведь на другом берегу стояла большая голубятня, где было множество домашних откормленных голубей.

Как-то на этот луг привели попасться лошадь. Животные разговорились.

«Вот думаю переплыть через реку, — сказала лошадь, — и отведать роскошной спелой пшенички, что растет на том берегу».

«А я не умею плавать, — посетовал кот. — Посади меня к себе на спину, пожалуйста, умоляю тебя».

Лошадь согласилась, и вскоре они поплыли через реку: лошадь и кот, вцепившийся ей в гриву.

Перебравшись на другой берег, лошадь пристроилась к пшенице, а кот сразу же напал на голубей, и убив нескольких, стал жадно пожирать их.

До отвала набив брюхо, кот высоко поднял голову и стал громко орать, похаживая вокруг. Лошадь пыталась уговорить его.

«Тише, — говорила она, — крестьяне услышат твой ужасный вой, прибегут сюда и тогда нам несдобровать».

А кот в ответ твердил свое:

«После еды я всегда люблю покричать, такая уж у меня привычка».

Лошадь была вне себя от негодования, ведь ей нужно больше времени, чтобы набить живот.

В конце концов люди в деревне и впрямь услышали кошачьи крики. Схватив палки и камни, они набросились на наших знакомых, так что лошади пришлось прервать трапезу и, с котом на

спине, поплыть восвояси.

«Ты все испортил, — укоряла лошадь своего товарища, — теперь нам туда уже не вернуться, а я все еще голодна».

«Ну что я мог поделать, — отвечал кот, — такие уж у меня привычки».

Выйдя на берег, лошадь тут же повалилась на спину, подмяв под себя кота, и стала кататься по траве. «Постой, — хрипел кот, — ты задавишь меня. Ты уже сломала мне хребет! Перестань, ты что, сдурела?!»

А лошадь в ответ:

«Что делать! Такова уж моя природа. После плавания я всегда валяюсь».

Все в одном человеке

Жила некогда прекрасная королева, и не было мужчины, не мечтавшего взять ее в жены. Женихи из ближних и дальних стран приезжали добиваться ее руки.

Однажды в караван-сарая королевской столицы встретились три человека. Они обладали необычайными умениями и были полны решимости завоевать сердце королевы. Вдруг пришло известие, что девушку похитили джинны. Посоветовавшись, эти трое постояльцев караван-сарая задумали объединиться ради ее спасения.

Первый из них был турок, он владел магическим камнем, в котором мог видеть невидимое.

Второй был персом, он знал, как построить удивительный самоходный паланкин, передвигающийся со скоростью света. Третьему же, афганцу, были подвластны стрелы, уничтожающие демонов.

Турок взгляделся в свой камень и увидел, что королева томится в далеком замке. Перс построил волшебный паланкин, и все трое запрыгнули внутрь. Когда они добрались до замка, афганец с помощью своего оружия уничтожил джинов, и друзья благополучно доставили девушку домой.

Оправившись от всего перенесенного, королева пригласила трех героев во дворец и попросила каждого из них назначить себе награду.

Турок сказал:

«Я хочу на тебе жениться, ведь это я нашел тебя с помощью магического камня».

«Я претендую на твою руку, ибо только благодаря моему чудесному паланкину мы сумели прийти к тебе на помощь», — произнес перс.

«Я, — заявил афганец, — заслуживаю твоей руки, потому что именно я, мой лук и стрелы выручили тебя из плена».

Королева засмеялась.

«Каждого из вас я награжу за доблесть, — сказала она, — но, чтобы добиться моей руки, нужно обладать целеустремленностью в единстве. Три упомянутые вами способности должны присутствовать в одном человеке».

Обезьяна, которая питалась рыбой

Однажды в некий городок забрел старый дервиш и начал проповедовать в таком роде:

«То, что люди обычно воспринимают как реальность, — говорил он, — таковой не является». Он настаивал, что люди обмануты видимостью, а то, о чем говорят якобы духовные люди, — даже это происходит из области воображения, ведь убеждения людей, неспособных

отличить истину от фантазии, не могут быть верными.

Некоторые слушатели находились под впечатлением от его слов, другие же сказали:

«Поведай нам притчу, нас всегда приобщали к истине с помощью какой-нибудь истории. Должно же в твоём «ином мире» быть хоть что-то, что можно объяснить с помощью аналогии?»

Дервиш задумался на мгновение и затем произнес:

«Хорошо, я кое-что вам расскажу, но перед теми, кому видимая реальность кажется истинной, реальная истина предстанет как нечто весьма странное...»

Затем он начал свое повествование. И вот его история:

Жила в древние времена одна обезьяна, и питалась она рыбой. Зимой, в пору лишений, когда реки, в которых она обычно ловила свое пропитание, сплошь покрывались льдом, обезьяна, разумеется, испытывала муки голода.

Вот однажды зимой она бродила с места на место в поисках какой-нибудь пищи, вдоль и поперек пересекая известный ей мир. Силы совсем уже покидали ее, как вдруг, к немалой своей радости, она увидела пробегающую мимо крысу.

Из последних сил обезьяна схватила зверька, который поначалу яростно сопротивлялся, пока не понял, что вырваться не удастся.

«Зачем ты мучаешь меня? — пропищала крыса. — С каких это пор вы, обезьяны, поедатели рыбы, хватаете невинных крыс, не сделавших вам ничего плохого?»

«Э... видишь ли, — ответила обезьяна, — обстоятельства меняют положение вещей. Быть может, обычно я и в самом деле предпочитаю рыбок, но сейчас я голодаю, и временно, чтобы поддержать свои силы, должна превратиться в обезьяну, питающуюся крысами. Вот растает лед в реках, и я снова вернусь к своей привычной жизни».

Разумеется, все здесь было логично и понятно, совсем как у людей: когда они хотят чего-то, а дотянуться не могут, они согласны и на что-нибудь другое, даже если не способны так складно излагать дело, как обезьяна. Желая возместить чем-то свои лишения, они просто хватают что попало. А иногда, и это всем известно, люди действительно объясняют свои поступки очень странным образом.

Но вернемся к нашим животным... Крыса была не дура. Она тут же стала лихорадочно соображать, как ей решить две проблемы. Почему две? Дело в том, что, когда обезьяна схватила ее, она как раз думала о том, где бы поесть. Встретясь с обезьяной, она тут же сообразила, что эта добыча ей не по зубам; даже если б крыса и бросилась на нее, то не смогла бы прикончить. И вот теперь она придумала, как решить обе проблемы — найти еду и вырваться на свободу. Крысу просто осенило!

«Слушай, подруга, — сказала она, — ведь на самом деле крысиное мясо не в твоём вкусе, почему бы тебе не полакомиться рыбкой?»

«Ты что, ополоумела, — заорала голодная и нетерпеливая хищница, — я ведь уже объяснила положение дел! Если болтовня — это все, на что ты способна, чтобы помешать мне съесть тебя, то пора приступать к трапезе».

«Подожди, ты не поняла, — спокойно ответила крыса, — я хотела сказать, что ты не обдумала свою проблему как следует. Между прочим, я знаю то, о чем ты сама явно не размышляла, а именно: как поймать рыбу в замерзшей воде...»

Обезьяна сразу заинтересовалась.

«Ты права, о таком я не думала, — сказала она. — Ну и как же это сделать?»

«Для тех, кто, как и я, проводит столько времени в жилищах этих высших существ, то бишь людей, многие их искусства становятся доступными, — сказала крыса. — Я знавала людей, совершавших чудеса, о которых я только что упомянула. Я готова рассказать тебе, как исполнить твоё желание, так что ты не только раздобудешь еды, но и навсегда обеспечишь свое

существование. Ты больше никогда не опустишься до столь затруднительного положения, если, конечно, послушаешься меня».

«Я жду», — сказала обезьяна.

Даже если бы она не была голодна, она, как и все обезьяны, оставалась любопытной, назойливой и жадной. И, словно в подтверждение того, что она, как и все ее сородичи, еще и нетерпелива, тут же добавила:

«Только не тяни, говори скорее, а то я так сожму тебя, что сдохнешь».

Тогда крыса заявила: «Хотя искусство это очень высокое и даже эзотерическое, нет ничего проще, если знаешь метод. Люди в таких случаях делают дырки во льду».

«Это еще зачем? Дырки делают в том, что собираются съесть. А какой смысл жрать лед?» — удивленно спросила обезьяна.

«Твои слова лишний раз доказывают, как мало ты понимаешь, — ответил грызун. — Дело в том, что скрытый смысл проделывания дырок значительно хитрее какой бы то ни было прямой цели подобного действия. Дыра нужна потому, что подо льдом, который отнюдь не простирается до самого дна, продолжают плавать рыбы. Если есть дыра, как раз под ней могут проплыть рыбы, и их можно будет выловить».

«Это похоже на правду, — сказала обезьяна, — но, чтобы выловить рыбу в такой дыре, она должна быть очень большого размера; хотя, погоди, рыбы в любом случае не подплывут к поверхности, ведь зимой нет мошкеры, ради которой они поднимаются вверх, как же можно будет до них дотянуться?»

«Ты просто глупа! — воскликнула крыса. — Наблюдая за людьми и проникая в их секреты, я полностью овладела искусством подледного лова рыбы. Я пытаюсь передать тебе секрет, шаг за шагом, а ты, не дослушав до конца, только мешаешь мне своими возражениями».

«Ладно, ладно, — сказала обезьяна, — продолжай, рассказывай до конца».

«Спасибо. Дело в том, что дыра не должна быть такой большой, как тебе кажется, — продолжала крыса. — Вся штука в том, что человеческим рыбакам нужна дырка только такого размера, чтобы через нее можно было просунуть в воду приманку, как они это называют. Рыба видит приманку, думает, что это что-то вкусное, и хватает ее».

«А!.. поняла, — воскликнула обезьяна. — Остается только выдернуть приманку из воды, как только рыба вцепится в нее, и тогда можно будет с чувством, с толком съесть рыбину, ведь на земле она уже никуда от тебя не денется».

«Именно так, — сказала крыса. — Ты начинаешь соображать. У тебя есть преимущество по сравнению с человеком, а именно — хвост, ведь ты обезьяна. Тебе нужно всего лишь проделать дырочку по размеру твоего хвоста, погрузить его в воду и подождать, пока рыба примет его за что-нибудь съедобное. Когда почувствуешь тяжесть на хвосте, считай, что рыба уже твоя».

Итак, обезьяна, держа одной лапой крысу на тот случай, если все сказанное окажется враньем, другой проковыряла во льду дырку и опустила в нее свой хвост.

Вода конечно же была жутко холодной, и обезьяна, стуча зубами, стала жаловаться, что замерзает.

«Так и должно быть, — сказала крыса, — но самое интересное, что это ощущение скоро пройдет, и ты вдруг почувствуешь ни с чем не сравнимое блаженство».

Разумеется, крыса знала, что пропущенный в прорубь хвост должен потерять чувствительность, и, когда это случится, обезьяна почувствует себя гораздо лучше, а по сравнению с прежней болью вообще наступит что-то вроде эйфории.

И в самом деле, спустя несколько минут обезьяна перестала ощущать свой хвост и радостно воскликнула:

«Ты была права, какое приятное и блаженное состояние! Какое восхитительное чувство

освобождения от этих ужасных страданий!»

Более того, она даже испытала чувство благодарности к крысе, упуская из виду, что косвенной причиной ее жуткой боли была именно она.

Скоро пропуть стала замерзать, и обезьяна почувствовала, будто огромный груз повис у нее на хвосте. Вопль ужаса вырвался из ее глотки.

«Тише, тише, — выговаривала ей крыса. — Откуда паника? Что случилось?»

«Как высший специалист в человеческих науках, ты, несомненно, сумеешь объяснить, почему я чувствую, словно кто-то крепко держит меня?» — спросила обезьяна.

«Разумеется, — ответила крыса, — случилось то, что за твой хвост уцепилось огромное количество рыб весом в тонну, не меньше. Подумай о размерах добычи, которую ты вытаскишь, когда все они ухватятся за твой хвост покрепче. Ты даже сможешь продать избыток улова людям из той деревни. Избавившись от необходимости ловить рыбу своими руками, они воздадут тебе почести и отнесутся к тебе как к равной, вместо того чтобы считать недоразвитой пародией на самих себя. Они поручат тебе всегда ловить им рыбу и пригласят жить вместе с ними в их теплых и светлых жилищах».

Обезьяна была просто очарована нарисованной картиной. Конечно же тем временем лед совершенно сковал ее хвост.

«Ну что, пора тянуть добычу?» — спросила она, всем сердцем доверяя крысе, ибо убедилась, что ее переживания полностью соответствуют описаниям советчицы. В знак их новых отношений она даже выпустила свою пленницу — теперь уже учителя.

«Да, теперь тяни», — сказала крыса, устраиваясь поблизости, чтобы посмотреть, удалась ли ее задумка. Естественно, она убедилась, что обезьяна намертво схвачена льдом: сколько та ни билась, освободиться было невозможно.

И что же сделала крыса? Мы уже говорили, что съесть обезьяну она была не в состоянии. Поэтому она отправилась в соседнюю деревню и заключила сделку с местными жителями. Они приобрели у нее обезьяну в обмен на еду. Так обезьяна до конца своих дней жила в плену у людей, а они обеспечивали ее пропитанием — в этом заключался метод дрессировки, с помощью которого они заставляли свою пленницу выполнять разные трюки на ярмарках.

«То же самое происходит и с вами, — сказал дервиш. — Вы подобны обезьяне, а ваши учителя — крысы. Многие представляется вам правдоподобным так же, как это было с обезьяной. Но вещи не таковы, какими кажутся, и они не то, что вы о них думаете. Поэтому откройте поскорее глаза. Обезьяна не знала одной существенной детали, а именно того, что всегда существует невоспринимаемая обычным образом возможность утолить свой голод, отнюдь не прибегая к советам крысы, в особенности если вы думаете, что поймали ее, тогда как на самом деле — она поймала вас».

Труп в саду

Итак, хотя то, что поведал старый дервиш, произвело очень сильное впечатление на слушателей, все же кое-что из сказанного вызывало у них недоумение.

Один из собравшихся сказал от лица всех остальных: «О святой и почтенный дервиш! Друг истины! Теперь мы поняли, что наше восприятие мира складывается из наших предположений о нем, что нам недостает информации и опыта и что мы полагаемся на тех, кто, преследуя собственные интересы, интерпретирует для нас и этот мир, и реальность, находящуюся за его пределами».

«В таком случае, — произнес дервиш, — с вашего разрешения я продолжу свой путь, так

как впереди у меня много неотложной работы».

Но горожане не чувствовали себя вполне удовлетворенными. Один из них, ограниченный богослов, решил вопросом поставить дервиша в тупик, полагая, что тот никогда не сможет дать ответ.

«О дервиш, — заорал что есть мочи богослов, — как же ты объяснишь нам то, что люди в течение стольких веков продолжают изучать святые писания, и тот факт, что эти писания признаны во всем мире, а также то, что никто еще безнаказанно не подверг сомнению их ценность (ибо и ты рискуешь поплатиться жизнью, если сделаешь подобное предположение), и, наконец, какое дашь разъяснение тому, что признанные верования и ритуалы передавались из поколения в поколение, были освящены авторитетом целых династий почитаемых людей и никому еще не удавалось бросить на них тень сомнения?»

Мудрец ответил ему так:

«На твои вопросы ответить настолько легко, что сделать это, не дав бедным людям возможности пошевелить собственными мозгами, уже само по себе было бы дурным поступком и проявлением неуважения. Как я уже сказал, мне придется продолжить свой путь — дела не терпят отлагательства. Но через шесть месяцев я вернусь, так что у вас будет достаточно времени самим подумать над этим вопросом. Если по прошествии указанного срока найдется хоть один, кто так и не сумел понять подоплеку брошенного мне вызова, я с радостью ему отвечу».

И дервиш взял посох, чашу для подаяния и колпак, перебросил через плечо овчинную подстилку и пошел своей дорогой.

Богослов, разумеется, праздновал победу над дервишем и, не теряя времени, заявил, что его оппонент, оказавшись лицом к лицу с законным представителем теологии и даже с тем, что сам богослов воображал божественным волеизъявлением, бежал под напором неопровержимых доказательств истины.

Кое-кто из присутствовавших понял, что имел в виду дервиш. Другие пребывали в замешательстве, но были и такие, кого зажигательная речь и пламенные жесты защитника веры подогрели до крайней степени возбуждения и фанатизма.

Когда, полгода спустя, горожане заметили вдалеке дервиша, бредущего по пыльной дороге по направлению к городу, это был уже не тот город, что прежде. Люди, увидевшие истину в словах дервиша, изменились, и вели себя таким образом, о каком прежде и не помышляли. Их идеи и поступки стали приносить плоды как на высшем, так и на более низком уровне.

Те же, кого слова дервиша озадачили, нуждались в срочном руководстве, поскольку предпочли мучиться сомнениями и распалять в себе нетерпение, вместо того чтобы спокойно ожидать возвращения мудрого человека.

Остальные попали под власть псевдоучения фанатика. Фактически это представляло собой форму безумия, навязанного людям, во всех других отношениях казавшихся вполне нормальными. Теперь они выбежали на улицу, ожидая повода расправиться с дервишем и таким образом убедить себя в победе правды над ложью, претенциозностью и лицемерием, иными словами, над всем тем, что переполняло их самих. У них не возникало и мысли о собственной причастности к этим качествам.

Дервиш уверенно шагал вперед несмотря ни на что. В него летели камни, эхо разносило по улицам улюлюканье и свист насмешников, дети дергали его за халат, собаки лаяли, а трусы хвастливо описывали, что бы они с ним сделали, будь на то их воля.

Когда он вышел на городскую площадь, собравшаяся там толпа не давала ему и слова сказать. Ее фанатичный лидер просто ревел от восторга и подпрыгивал на месте, напоминая клоуна, кем он и являлся. Сам чувствовал он себя святым, каковым, разумеется, не был.

Дервиш уселся и стал ждать, пока толпа не успокоится. Через какое-то время, когда любители острых ощущений довели себя почти до полного изнеможения и притихли, он встал и обратился к признанному поборнику духовности с такими словами:

«Благодаря противодействию, которое ты оказал моим словам, твои последователи получили столько сильных, глубоких и приятных переживаний, что, наверное, захотят услышать от меня какие-то еще слова, чтобы оживить неиссякаемое чувство собственного превосходства и прибавить выразительности вашей миссии по защите истины и искоренению лжи».

Смекнув, что ему предоставлена возможность еще больше прославиться, подстрекатель толпы ответил в стиле, хорошо известном врачам, наблюдавшим подобное заболевание в крайних его проявлениях:

«Проклятый язычник! Сука и сын суки! Враг истины и людей! Дьявол и чертов сын! Исчадие адской тьмы! Говори, чтобы мы могли опровергнуть твою ложь и развеять твои жалкие и ничтожные интриги!»

Здесь приведена только часть эпитетов, которые он выпалил, на основе приведенного списка остальные легко себе представить.

«Могу ли я в таком случае продолжать?» — спросил дервиш.

«Пусть говорит!» — закричали те, кто, ненавидя дервиша, поддерживал его безумного оппонента, и те, кто хотел увидеть, как прольется кровь.

«Пусть говорит!» — закричали поборники справедливости, верившие в право человека свободно высказывать свое мнение.

«Пусть говорит!» — закричали пришедшие потешиться.

Тогда дервиш обратился к толпе, и каждый стал слушать его исходя из собственных мотивов, а там были люди, осознавшие свои действия, отчасти осознавшие и те, кто не осознавал вовсе. И, конечно, пришли те, кто находился в промежуточных состояниях.

«Когда-то, давным-давно, — сказал дервиш, — один человек вошел в свой сад и обнаружил труп. Имя умершего было Шакл, и он слыл одним из самых успешных и почитаемых жителей города.

Человек, обнаруживший труп, а звали его Такй (Благочестивый), опознал мертвеца и весьма опечалился, когда увидел, что рядом с телом валяется воровская отмычка. Похоже на то, что всеми уважаемый покойник на самом деле был грабителем и умер на работе. Теперь все хорошее, сделанное им при жизни, могло пойти насмарку.

И Такй решил так: «Я оттащу тело бедняги поближе к его дому, чтобы не опорочить его доброе имя и сохранить благотворное влияние его репутации на людей. Люди подумают, что он умер во время утренней прогулки, возле своего дома».

И вот Такй стал перетаскивать труп к дому Шакла, но, услышав вдруг какой-то шум, изменил направление и через открытые ворота втащил труп в сад своего соседа напротив. Он вспомнил, что Шакл иногда посещал этот дом, и подумал, что люди, обнаружив его труп, просто решат, что он умер естественной смертью, направляясь в гости.

Глава этого дома, Рассам, услышал шум в саду и решил, что к его дому крадутся воры. Он распахнул окно и тяжелой дубинкой запустил в направлении, откуда был слышен шум. Выйдя затем из дому, он увидел, что своей дубинкой угодил в Шакла, и конечно же сделал вывод, что это он убил гостя.

В панике Рассам стал соображать, как быть: «Необходимо скрыть убийство, иначе люди решат, что мы его убили умышленно. У нашей семьи не самая лучшая репутация, а Шакл, как известно, был хорошим человеком».

И вот вся семья Рассама взялась помочь ему перенести тело к дому поблизости, принадлежавшему семье по фамилии Мукалиды. И тут их осенило. Разбудив Мукалидов, семья

Рассама сообщила им: «Мы только что обнаружили этот труп у вас во дворе. Как же это вы убили такого достойного и уважаемого человека, самого Шакла. Теперь вам остается только одно: вы должны поклясться, что отныне всегда будете нам верны и отдадите половину всех ваших денег, а мы не станем свидетельствовать против вас».

Мукалиды согласились на все условия, и тогда негодяи отнесли тело Шакла к его собственному дому и оставили у ворот. Когда родители Шакла, жившие с ним в одном доме, вышли на улицу и увидели тело, они обрадовались вновь обретенному праху своего сына, ведь на самом деле он умер от разрыва сердца прошлой ночью, в их присутствии. Какой-то грабитель выкрал тело из их дома, намереваясь навести на своего врага — Таки Благочестивого, подозрение в убийстве. Притащив труп к дому Таки, грабитель обронил там свою отмычку.

Итак, только родители Шакла более или менее знали, что произошло на самом деле (что их сын умер естественной смертью, когда пришло его время). Все остальные — Таки, его соседи и Мукалиды — до конца своих дней продолжали верить либо тому, что рисовало по поводу случившегося их воображение, либо тому, что «подсказывали их собственные чувства».

«Шакл, — продолжал дервиш, — символизирует подлинное учение, так как слово «шакл» значит — форма той или иной вещи. Его родители — это люди, которые принесли учение в мир. Жизнь учения закончилась, оно достигло своей цели в данной форме. Его следовало похоронить. Соседи символизируют тех, кто все еще впечатляется отжившими останками и продолжают, по причинам, известным только им, настаивать на том, что поддерживают какие-то отношения с учением. Рассам так повел себя из-за неспособности взглянуть истине в лицо и по той причине, что это слишком часто не доводит до добра. Мукалиды символизируют людей, которым можно посулить все что угодно и запугать тем, в чем не содержится ни капли реальности, и все это — в силу их собственных качеств и потому, что в мире царит несправедливость.

Даже негодяи, фигурировавшие в данной истории, пребывали в большом замешательстве, потому что в предвкушении того, что случится, когда тело будет найдено, они подглядывали за домом Таки и не смогли понять, почему родители Шакла, обнаружив тело своего мертвого сына, радостно захлопали в ладоши.

Всякий, кто не осознает истинного узора, согласно которому разворачиваются события в этом мире, всегда будет верить, что вещи таковы, какими они выглядят. Но подобные люди заблуждаются».

С этими словами старый дервиш поднял с земли свои пожитки и оставил изумленных людей переваривать урок, навсегда уйдя из их жизни.

Плитка шоколада

Вопрос: *Если я прав, а мой учитель нет, что, как говорит Газали, может случиться, то почему в этом случае правота бесполезна, а неправота принесет пользу?*

Ответ: Потому что кажущаяся неправота в конце концов всегда оборачивается правотой, тогда как воображаемая или кратковременная правота оказывается неправдой по сравнению с абсолютной правотой.

Вы должны думать об этом в терминах, облегчающих понимание. Вот история об одном суфий, который проиллюстрировал данный механизм следующим образом. Как-то раз к нему пришла женщина и спросила: «Почему мы должны делать то, что нам не нравится; может быть, ты из эгоистических побуждений заставляешь нас делать сейчас одно, а потом другое?»

Суфий сказал:

«Так и быть, если ты купишь мне шоколадку, я отвечу на твой вопрос».

Женщина, да и остальные свидетели этого разговора, были возмущены его словами. «Суфий просто издевается над нами», — подумала она.

«Сам покупай себе шоколад», — вспыхнула она и хлопнула дверь.

Но, немного погодя, женщина решила все-таки проверить, что будет, если она послушается суфия. И вот она пошла в магазин и купила шоколад. Так случилось, что, пока женщина ходила за этой шоколадкой, газопровод в ее доме взорвался, и все, кто находился в здании, погибли.

Она прибежала к суфию благодарить его за вмешательство, как она это истолковала. Он же вернул ей обертку от шоколада. Придя к себе, женщина увидела на обертке лотерейный билет. Она заполнила билет и отослала его попечителям лотереи. Она выиграла такую сумму денег, что ей хватило на покупку нового дома...

Когда женщина снова пришла к суфию, чтобы опять поблагодарить его, он сказал:

«Вещи специально так переплетены, чтобы твои собственные влечения оказывались недостойными доверия, а то, что представляется тебе влечениями других людей, оказывалось чем-то действительно предназначенным для твоей пользы».

Разве это не пример того, как «недостойные капризы учителя» приносят пользу, а «правильное мышление» учеников является совершенно бесполезным.

Исчезнувший дирхем

Многие люди не понимают суфийского мышления просто потому, что, не затрудняя себя размышлениями, строят всевозможные предположения относительно суфизма. Основную роль в этом играют их эмоции или допущения. Вот почему суфии пытаются научить человека тому, как нейтрализовать оба искажающих фактора.

Приведу древнюю историю, иллюстрирующую, как проявляется в действии подобное запутанное мышление.

Жили некогда три странствующих дервиша. Однажды поздней ночью прибыли в караван-сарай и спросили комнату для себя и место в конюшне для своих ослов.

Хозяин караван-сарая к этому времени уже спал, и дежуривший ночью слуга отвел ослов в стойло, а дервишам предоставил комнату для ночлега за пятнадцать серебряных дирхемов. Дервиши тут же выплатили требуемую сумму вперед.

На следующее утро хозяин понял, что по ошибке с дервишей взяли слишком много; плата должна была составлять только десять дирхемов, и он велел слуге вернуть им пять дирхемов.

Слуга был не слишком честен и, кроме того, решил, что разделить пять дирхемов на троих будет сложновато. «Чтобы дервиши не перессорились, — подумал он, — я верну им только три дирхема, а два оставлю себе».

Так он и поступил, и получилось, что дервиши потратили на ночлег только двенадцать дирхемов.

Это означало, что с дервишей взяли двенадцать дирхемов, и два дирхема прикарманил слуга: всего получается четырнадцать дирхемов. Но ведь вначале было пятнадцать дирхемов. Куда девался еще один дирхем?

Многие люди, встретившись с этой задачей, полагают, что один дирхем каким-то образом испарился. Но ведь такого быть не может, не так ли?

Подобным же образом, люди усматривают существование тайн там, где их нет и в помине.

Барьеры, препятствующие пониманию как у отдельных индивидов, так и в группах:

«Традиционализм», в действительности нередко означающий рабское воспроизведение того, что кажется ценными мыслями и действиями, является первым и очевидным препятствием на пути к реальному пониманию. Обобщенно это можно назвать «подражанием», представляющим собой одно из дюжины основных препятствий, лишаящих человека способности к подлинному развитию.

Сверхупрощение — второй фактор, возникающий, если одна-единственная формула считается достаточной для того, чтобы взять штурмом небесные врата. Желание получать эмоциональные стимулы — третий фактор; четвертый — неодолимая жажда к поглощению информации, независимо от того, актуальна она на конкретном этапе развития или нет.

Пятая уродующая тенденция проявляется в использовании притчи или сказки как некоего провозвестия абсолютной истины, тогда как это лишь грань чего-то целого, иными словами, человек в данном случае принимает фрагмент за целое, вместо того чтобы увидеть в этой детали возможность выхода на целое.

Шестая проблема возникает, когда человек желает следовать надуманным гипотезам благочестия; седьмая и восьмая касаются того, что происходит, когда при отсутствии необходимых восприятий человек пытается учиться сам и учить других.

Девятая проблема — неспособность оценить то, в чем нуждается обучаемый; десятая — когда человек заранее падает духом; одиннадцатая — смешение наобум учений и техник из разных источников; и, наконец двенадцатая — принятие одной вещи за другую.

Все перечисленные формы поведения легко обнаружить как в духовных, так и в других группах человеческих существ, потому что подобные проблемы, в сущности, отнюдь не относятся к эзотерической области, но по сути являются проявлениями вторичной личности или вторичного «я», принимаемого человеком за свое истинное «я». Эта вторичная личность в действительности представляет собой в высшей степени неэффективную кашу из инстинктов, эмоций и недоученных или переученных (путем обусловливания) кусочков целого.

Если выразить все перечисленные препятствия в форме гипертрофированных иллюстративных примеров, то есть свести их к более простым для понимания эквивалентам, они могут быть сравнительно легко исследованы.

С помощью приводимой здесь серии так называемых анекдотов, описанные барьеры могут быть скомпонованы; пренебрегать ими значило бы учиться чтению, не утруждая себя освоением алфавита.

1. Подражание и недостаток восприятия.

Воспроизведение устаревших или неправильно понятых ритуалов и обрядов — самое распространенное заблуждение. Иногда оно доставляет массу удовольствия, но никак не способствует просветлению. Это также одна из причин боли и растерянности, приносимых некоторыми видами религиозной деятельности.

Аналогией могла бы послужить неприятность, произошедшая с одним полуграмотным человеком, купившим банку консервированного супа. Он получил тяжелейший ожог руки, попытавшись следовать инструкции, которая гласила: «Просто откройте банку рукой и опустите ее в кипяток на пятнадцать минут».

Информация без знания делает человека пленником, вместо того чтобы содействовать его освобождению.

Рассказы, иллюстрирующие подобные состояния, из-за своей гротескности традиционно известны как серия анекдотов о «Стране Дураков». Учтите, однако, что поведение любого человека, который плохо разбирается в каком-то специальном предмете, всегда будет выглядеть идиотским в глазах эксперта. То же верно и в духовно-психологической области.

Конечно, шутки, подобные приведенной выше, на более низком уровне обладают самостоятельной ценностью, например как иллюстрация глупого поведения вообще, что и обеспечило им популярность среди любителей развлечений. Это, в свою очередь, побудило людей огульно оценивать их лишь как шутки или даже как глупые шутки. Тот факт, что особое использование важных материалов выродилось, являет собой вполне характерную особенность человеческого общества. Время от времени мы должны восстанавливать полезное содержимое процедур, техник и самого знания.

2. Отрицательная сторона склонности человека полагаться на какую-либо единственную формулу.

Сверхупрощения во всех системах верований обеспечивают людей эмоциональными стимулами и занятостью. Подобный подход оставляет нерешенными многие проблемы и отнюдь не способствует прогрессу в обучении.

С точки зрения информированного наблюдателя, люди могут быть погружены в огромное количество разнообразных дел, каждое из которых им самим кажется разумным; но вне соответствующего контекста, а он обеспечивается только знанием, подобные действия совершенно бесполезны.

Вот история о двух узниках. Они знали, что при подготовке к побегу заключенные общаются друг с другом, перестукиваясь по водопроводным трубам. Итак, они разработали и усовершенствовали путем многолетней неустанной практики весьма изощренную систему общения друг с другом. И только когда их система достигла абсолютного совершенства, они заметили, что находятся в одной и той же камере...

В этом анекдоте хорошо просматривается разница между образованием, или развитием знания, и простыми социальными стимулами. Герои истории думали, что они куда-то движутся, а значит, развивают свои способности, и даже не удосужились оценить ситуацию в целом, чтобы определить, каким именно умением им необходимо овладеть в конкретных условиях своего тюремного заключения.

Этот анекдот иногда цитируют также, чтобы подчеркнуть разницу между духовным познанием и эмоциональной деятельностью. Люди настолько погружены в сферу эмоций, что часто принимают свои переживания за духовные.

Для изучающих культы и различные религиозные системы, совершенно очевидно, что большинство людей вполне довольствуются «практикой общения посредством специальной системы сигналов», находясь при этом в одной камере.

Мы могли бы указать на их заблуждения, но нас никто не уполномочивал мешать им развлекаться.

3. Будущий ученик становится ошеломленным потребителем стимулов и чудес, вместо того чтобы осознать существование цели.

Так называемые учения и системы, с точки зрения социологов (но не последователей подобных учений), очевидно представляют собой явления социального характера — они обеспечивают людей удовлетворением, которое те могли бы добыть и в других местах. Это делает подобные системы социальными, а не духовными структурами.

Они не способны обеспечить учащегося необходимым толчком, вмешательством, выбивающим из состояния монотонности, а в этом нуждается всякий, кто учится.

В результате ученик развивает вкус ко все более частому повторению одного и того же, к получению удовольствия вместо развития.

Эту ситуацию иллюстрирует рассказ о человеке, который получил от джина заманчивое предложение — исполнить три заветных желания.

Человек попросил:

«Хочу стать способным делать все, что захочу, и быть, кем пожелаю».

«А два других желания?» — спросил джинн.

«Хочу того же, что и в первом, но вдвое больше», — был ответ.

Представляя себе, что речь идет о жителе Страны Дураков, мы можем посмеяться над глупостью, алчущей заполучить все сразу, а затем еще больше, но, конечно, того же самого.

В виде упражнения потрудитесь увидеть вокруг себя людей, живущих различными системами и учениями: они находятся в точно таком же положении, как и этот гражданин Страны Дураков.

4. Неутолимая жажда поглощения информации.

Есть люди, натасканные задавать вопросы. Однако в жизни следующие слова не прозвучат невежливо только в очень редких случаях: «Вы еще не готовы к ответу. На вашем уровне лучше не быть столь осведомленным, иначе результат только запутает всех, в том числе и вас самих».

Люди всегда хотят больше информации, чем им необходимо. Один из способов не забывать об этом — почаще вспоминать доктора, прописавшего больному лекарство с инструкцией: «Принимать за два часа до появления болей».

5. Привычка воображать, что любой опыт полезен.

Некоторые переживания бывают бесполезными, другие, разумеется, — вредными. Конечно, в развлекательных системах (как бы они себя ни величали) во главу угла поставлено переживание, ведь возбуждение и стимулирование — это единственное, что всегда порождает спрос и предложение.

Но в системах реального обучения, как и во всех законно существующих областях образования, имеют значение только последовательность событий и подготовленность студента, а не сами по себе переживания и фантазии последнего на тему значимости указанных переживаний, даже если в них есть какой-то смысл.

Охотники до переживаний, конечно, лишены перспективы, позволяющей увидеть, какое воздействие оказывает подобное увлечение воображаемым.

Аналогия этой проблемы содержится в истории о жителе Страны Дураков, который рассказал, что случилось однажды с его другом.

«Вот человеку повезло. Пуля прошла возле самого его уха».

Кто-то спросил:

«И что, его даже не задело?»

«Ну не то чтобы... пуля попала ему в мозг».

Кое-кто из числа благочестивых и восторженных душ, которые так высоко ценят свои так называемые мистические и религиозные опыты, весьма удивится, если узнает, что стремление гордиться подобными переживаниями и одержимость собственной значимостью, а подобные чувства часто сопровождают такого рода опыты, равносильны пуле в голове.

6. Фрагментарное использование литературного материала.

Притчи можно использовать непосредственно, но в реальном учении они являются частью целого, тогда как в менее проницательных системах к ним относятся как к шгучному товару.

Придавать чрезмерное значение какой-то истории или притче, не учитывая при этом, что она иллюстрирует только часть целого, только ради этого целого и затеяно все предприятие, — значит стать всего лишь членом общества потребителей, пусть даже и почитаемого.

Один из способов удерживать это в уме — помнить историю про человека, обожавшего

читать словари.

Кто-то спросил его, почему он избегает чтения других полноценных книг.

«Словарь, — ответил он, — гораздо интереснее: читаешь его и тут же получаешь объяснение каждого прочитанного слова. Это приносит колоссальное удовлетворение, узнаешь что-то новое буквально из каждой строчки!»

7. Концентрация лишь на нескольких принципах.

Почти каждый из ныне живущих людей был выращен в социальной среде, которая с преувеличенным упорством высвечивала определенные добродетели и пороки, при этом оставляя в тени многие позиции, на которых стоят люди.

Например, для многих стало обыденным учить других, что жадность — это плохо, и в то же время, в порыве воодушевления, игнорировать вполне подтверждаемый факт, что жадность к так называемым положительным вещам (скажем, жадность к знанию, святости) тем не менее остается жадностью. Но ведь именно жадность, а не объект, на который она направлена, приносит человеку наибольший вред.

Если игнорировать факт, что определенные позиции вредны сами по себе, то такие состояния, как жадность, продолжают набирать силу, влиять на индивида, мешать ему учиться или развиваться.

Учитель способен наблюдать проявление субъективных позиций в человеке и содействовать их исправлению. Увидев проявление вредной, но не замеченной субъективности, он способен предписать ученику курс исправительных действий.

Вы и сами можете заметить, насколько сильно, например, в людях, которые слынут смиренными, проявляется тщеславие.

То, как ускользающая характерная черта избегает внутренней цензуры или дисциплины, похоже на бегство преступного элемента из одной части ума в другую.

Для иллюстрации приведем следующую историю:

Преступника, находящегося в розыске в Стране Дураков, выследили, когда он входил в театр. Полиция тут же перекрыла все выходы из здания, но, к сожалению, злоумышленник улизнул через вход.

8. Трудности, возникающие, когда человек учится сам.

Люди отличаются друг от друга своей способностью пользоваться подобного рода информацией на практике. Одни могут сделать это сразу, другие вообще не в состоянии этого сделать. Большинство должно сперва многому научиться, а помочь в обучении могли бы те, кто действительно видит, в каком состоянии периодически находится студент.

Чтобы осветить трудности обычных индивидов при их попытке самостоятельно предписать себе курс обучения, используется анекдот о человеке, который знал, в чем он нуждается, но не знал, что требуется сделать для достижения этой цели. Его затруднительное положение, конечно, подчеркнуто контекстом, в который помещена проблема. Такая форма делает абсурдность подобной ситуации очевидной для каждого.

Житель Страны Дураков купил маме подарок ко дню рождения — бельевую веревку. Но ему так и не удалось отправить сюрприз по почте, потому что он не нашел в продаже конверта размером 0,5 см на 30 м.

9. Самодеятельные группы.

Если в самостоятельном обучении есть свои жесткие границы, то создание групп часто приводит к чрезвычайно эксцентричным результатам. Причина в том, что лидеры подобных групп полны самых лучших побуждений, но лишены соответствующего опыта. Умение «управлять группой» не заменяет способности воспринимать духовное состояние группы в целом и каждого ее участника, а также постоянно отмечать их прогресс.

Суфийский учитель, подобно любому другому специалисту, способен увидеть недостатки предполагаемого учителя, отдельных личностей и всей группы таким образом, каким сами они не способны это сделать. Суфий, подобно опытному строителю, наблюдает, как жители Дуристана пытаются ввернуть шуруп в доску.

Кое-как разобравшись, что такое шуруп, и поняв, как с его помощью можно соединить разрозненное, дуристанцы догадались, что его надо ввинчивать, и разработали свой собственный метод.

Суть его в том, что один человек держит шуруп, а дюжина других поворачивает доску, чтобы шуруп вкручивался в нее.

И, конечно, в результате все эти люди путаются друг у друга под ногами.

Эта «шутка» подчеркивает также, что в подлинных школах, которым жители Дуристана пытаются слепо подражать, не всегда должны быть задействованы все окружающие. К примеру, один человек может взять отвертку (которую дураки даже не берут в расчет) и закрутить шуруп. Все остальные получают пользу от готового стола или другого предмета...

10. Неспособность оценить нужды обучающегося.

Другой анекдот из серии материалов о социальных группах касается упущенных возможностей группы, лишенной некоего эквивалента техническому знанию.

Самое досадное в самодеятельных эзотерических группах то, что в определенный момент группа и ее участники могли бы прийти к некоторому пониманию своей деятельности, но всегда упускают эту возможность, так как не осознают, что, когда и где им надо делать.

Люди продолжают выполнять ритуалы, упражнения или читать литературу и тому подобное, как им следовало бы попытаться сделать что-то другое или стать чем-то иным. Часто это происходит по причине присущего человеку пессимизма: он подсознательно предполагает, что не способен ни на что большее и потому его удел — забавляться второстепенными и элементарными стадиями учения. Все превращается в игру.

Подобная ситуация доступна для наблюдения, и она со всей драматичностью разворачивается перед теми, у кого есть опыт работы с людьми, теми, кто информирован о существовании гибкого, постоянно меняющегося контекста изучений высшего плана.

Иллюстрацией служит рассказ о хозяине, делавшем выговор своему работнику, у которого заняло слишком много времени выполнение какого-то задания.

«Вы осознаете, что прошло 1800 часов?»

«Небось, так оно и есть, — ответил рабочий, — но мои часы считают только до двенадцати».

11. Привычка поворачивать назад.

Нет никакого сомнения, что в учебных группах можно получить определенные полезные переживания и понимание. Но израсходовав свой элементарный потенциал, группа очень быстро теряет свою ценность. Люди, вновь присоединяющиеся к группе, естественно, находятся в предвкушении пользы, которую могут здесь получить, что и в самом деле возможно. Они, как правило, не сознают того, что имеющийся потенциал быстро истощается, если руководители группы не проявляют постоянной проницательности.

В результате многие либо покидают свои группы, либо пытаются сколотить собственные школы в надежде выйти на Учение, которое — таков уж естественный порядок вещей — подобным способом найти невозможно.

Мир переполнен теми, кто отвернулся от высших изучений человеческого сознания только из-за того, что не достиг достаточного прогресса на этом пути.

Люди воображают, что либо уже достаточно получили, либо вообще ничего не получили, потому что и получать тут нечего.

Опять-таки наблюдатель, имеющий опыт в таких делах, сможет увидеть одновременно как их трудности, так и ограниченность их понимания, в то время, как они сами обычно вообще неспособны воспринять ситуацию, в которой находятся.

С объективной точки зрения, они находятся в положении человека, решившего дойти до своего дома пешком.

Его дом находился в двадцати пяти километрах от работы. Пройдя половину пути, он устал и пошел пешком назад.

12. Смещение различных учений.

Практически на любой стадии люди исходя из собственных представлений о том, что им подходит, пытаются смешивать идеи и практики различных учений.

Ничего путного из этого не выходит. С помощью такого метода можно соорудить нечто привлекательное, но только в ущерб эффективности.

Запомните историю о человеке, который выкопал яму, а затем решил, что кучка извлеченной земли плохо выглядит. Тогда он стал копать другую яму, чтобы зарыть в нее эту землю...

13. Перенос уместных элементов.

Один из худших результатов смешения различных учений возникает, если уместное в какой-то обучающей деятельности переносится в иной контекст, где приобретает развлекательный характер, но лишается своей эффективности. Когда упражнения «крутящихся» дервишей, разработанные Джалаледдином Руми, по его словам, для того, чтобы разбудить чувства некоторых заторможенных жителей Малой Азии, стали «священными движениями», их подлинный эффект был сведен на нет.

Современный рассказ освещает подобную тенденцию. Он знакомит нас с человеком, купившим часы, которые всегда спешили; этот человек предпочитал их нормальным часам, показывающим правильное время.

«Зачем тебе часы, которые каждые полчаса убегают вперед на целый час?» — спросил его кто-то. «Разве не понятно, что мои часы за один и тот же промежуток показывают вдвое больше времени, чем твои?»

14. Четырнадцатое наблюдение в этом списке подводит итоговую черту под всем перечисленным.

Итогом является необходимость отбросить предположения, будто юмор неуместен в серьезных вещах, поскольку оно так же глупо, как и неумный смех.

Но, разумеется, люди, которые придерживаются как той, так и другой позиции, не испытывают нужды в развлечениях, поскольку получают их в своих фантазиях. Им также не нужно и образование, потому что почти невосприимчивы к нему. Их нужды сводятся к следующему: стать нормальными людьми, и им поможет в этом любой человек, наделенный необходимыми способностями.

Руководство к основным принципам использования юмора в развитии человека

Когда человеческие институты достигают стадии, на которой исчезает внутренний компонент, собственно и обеспечивающий их действенность, они начинают ориентироваться на внешние проявления и создание всевозможных броских эффектов.

Эта показуха так действует на людей, что они принимают ее за самую сущность той или иной деятельности. Чего же тогда удивляться, что консерватизм в ритуалах, догмах и верованиях встречает такую мощную, такую энергичную поддержку и прямо-таки истерическую защиту.

Почему бы и нет?

К одному суфию пришел некий богослов — человек беспримерной набожности, известный тем, что педантично соблюдал все внешние каноны. Этот человек сказал суфию:

«Я заметил, что ты не бываешь на общих молитвах».

«Да, это так», — ответил суфий.

«Ты носишь обычные одежды, вместо того чтобы ходить в разноцветном одеянии, принятом среди многих суфиев», — продолжал тот.

«Это правда», — подтвердил суфий.

«И еще, — сказал богослов, — ты не принимаешь участия в духовных диспутах. Редко увидишь у тебя в руках четки. Ты никогда не ссылаешься на великих учителей, и святые люди, по всей видимости, не привлекают тебя».

«Да, да, да, все так и есть», — согласился суфий. «А могу ли я спросить, почему?» Суфий ответил:

«Потому что, если я чрезмерно отдамся этим занятиям, моя духовная деятельность окажется под угрозой».

Следовательно, суфии, помимо прочих особенностей, не являются приверженцами внешнего. Их интересует воздействие внутреннего развития на внешнее, и в меньшей степени — обратная связь. И еще заметьте, что здесь используется слово «чрезмерно». Тем самым подчеркивается, что суфий заботится о мере. Это означает, что всему надо уделять должную толику внимания. Вам также следует понять, чем более набожными или искренними по отношению какому-либо предмету или явлению люди себя воображают, тем более избирательно они обращают внимание на детали и драматический смысл веры и поступков. Принципами меры в этом случае пренебрегают.

Эти принципы применимы для всех областей человеческой деятельности. Если вы хотите что-то развить или развиться в каком-то направлении, вам следует усвоить и затем усовершенствовать тщательно выверенное и сбалансированное отношение к своей цели. Если же вы одержимо ринетесь к ней, то, обусловив себя, станете слепым или обратите все это в навязчивую идею.

Как в обычном мире, так и в сфере обучения человеческие стремления приносят плоды лишь в той степени, в какой они верно направлены на подходящую цель, ее мы называем «местом назначения».

А вот история о том, как попытки одного индивида сконцентрироваться на определенной

цели пошли вразрез с предположениями и целями других людей; этот анекдот иллюстрирует несовместимость попыток учителя передать то, что у него есть, и попыток ученика получить то, что, как ему кажется, он мог бы получить.

Хорошо там, где нас нет

Один человек дал объявление в газету:

«Продается дом и мебель, в связи с эмиграцией владельца».

Пришло огромное количество откликов.

Его приятель спрашивает:

«Ну что, есть хорошие предложения?»

«Хорошие предложения?! — восклицает тот. — Что касается покупки — ни одного! Всех интересует только, не знаю ли я хорошего места, куда можно эмигрировать!»

Несовпадение заключается в том, что цель нашего продавца не обязательно совпадает с нуждами потенциальных эмигрантов. Если человек, давший объявление, эмигрирует в Соединенные Штаты, потому что, скажем, нашел там работу физика-ядерщика, то какая от этого польза водопроводчикам, водителям автобусов, профессорам философии и госминистрам, которые засыпали его вопросами об эмиграции?

Думаю, приведенная история очень точно показывает абсурдное действие жадности (основное человеческое желание хоть в чем-то да выгадать) и обусловленности (широко распространенное убеждение, со ссылками на бесконечные примеры, что в других странах жить лучше) — двух качеств, которые совместно формируют «командующее я». А этот элемент («командующее я»), весьма далекий от того, чтобы помогать людям в приобретении чего-то полезного, является фактором, активно препятствующим любому прогрессу, и особенно человеческому развитию и нахождению своего реального «я».

Итак, в первой истории мы видим поведение людей, зацикленных на внешнем, как и любой человек, пока он не узнает больше и о внешнем, и об альтернативах ему. Во второй истории мы видим проявления жадности и привычного мышления, которые усугубляют в человеке его упор на внешнее поведение.

Далее, эти две истории показывают нам, что мы способны увидеть действие указанных двух вещей в нас самих. Основная цель суфийской обучающей деятельности состоит в том, чтобы «зафиксировать» шаблон подобного поведения, поначалу пользуясь иллюстративными примерами, затем с помощью наблюдений в нашей личной жизни, — так мы учимся замечать и избегать подобных проявлений. Параллельно с этим мы, разумеется, должны поощрять развитие истинного «я», заслоняемого второстепенным «я».

Пример замороженного действия в следующей истории показывает нам, как люди мыслят, хотя редко кому удастся поймать себя на этом, пока ему не скажут, что такое возможно.

Владеть и давать

Жил некогда суфий. Однажды он спросил человека, желавшего стать его учеником:

«Если бы у тебя был дом, ты пожертвовал бы им для суфийской работы?»

«Да», — сказал кандидат.

«Ну а если бы у тебя была семья, отказался бы ты от нее, чтобы следовать по Пути истины?» — опять спросил суфий.

«Разумеется», — ответил человек.

«А отдал бы ты одну из твоих рубашек ради Великого дела, если бы у тебя их было две?»

«Конечно, нет!»

«Но почему же?» — поинтересовался суфий.

«Потому, что две рубашки — это как раз все, что у меня есть».

Так второстепенное «я» заботится о себе.

О людях можно судить только по их поступкам, и потому суфии специализируются на поступках, а не на словах. Надо отметить, что здесь мы не имеем в виду поступки внешние, своего рода спектакли, участвуя в которых, люди просто притворяются. Действия должны быть протестированы, как в случае с кандидатом в ученики и его рубашкой.

Именно потому, что все истинно духовное, относящееся к области высшего сознания, так тяжело достается, большая часть религиозных и предположительно духовных проявлений на самом деле относится к сфере социальной жизни.

Если тщеславие и эмоциональность не замечать и не осознавать, они прирастают к социальной жизни, теперь уже именуемой «духовной», и возникает основа для возникновения бесчисленных культов, заполонивших мир, и некоторые из них уже считаются главными мировыми религиями или их разновидностями.

Этот самообман нигде не получил столь широкого распространения, как в Индии. Совсем недавно перед одним из «зверинцев», обслуживающих «псевдоискателей» из западных стран, была установлена огромная вывеска. Она гласила:

«ПОПРОБУЙ МЕДИТАЦИЮ»

Один шутник, в отличие от других, осведомленный о своем реальном состоянии, нацарапал под этой надписью:

«ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ БЫТЬ СУФИЕМ»

Человек, написавший это, во всяком случае осознавал проблемы, порождаемые нетерпением и верхоглядством.

В отличие от других систем, цель суфизма не ограничивается тем, чтобы просто привести людей к вере во что-то; для него отнюдь не характерны уступчивые ученики и мастера, имеющие репутацию чудотворцев. На самом деле многие из тех, кому чрезвычайно трудно принять суфизм с наибольшей вероятностью придут к его пониманию. Обратите внимание на следующую историю, и вы поймете, почему.

«Не пытайся переубедить ученика, если вдруг, на каком-нибудь занятии, заметишь, что он не уверен в правильности твоих слов», — наставлял суфий своего представителя. «Но почему?» — спросил тот.

«Потому, что он может быть единственным, кто тебя по-настоящему слушает».

Понимаете, каков смысл?

Те, кто не подает абсолютно никаких признаков понимания, возможно, прислушиваются к вам, а возможно, и нет, и это обнаружится рано или поздно.

Но те, кто, пытаясь овладеть суфийским учением, внимательно слушает его представителя, почти наверняка обращает к его словам, действиям и реальности свою второстепенную личность, «командующее я». Так поступают все люди, когда хотят что-то оценить. Вполне естественно, что этот сырой, своекорыстный элемент либо согласится, либо не согласится с воспринятой информацией. Спорить с ним бесполезно. Студент должен каким-то образом прийти к рабочей гипотезе, что помимо принятия или отторжения существует иной путь изучения. Именно поэтому в суфийских рядах так много бывших ученых и потому же ученые терпеть не могут суфиев, по крайней мере, пока те живы и способны за себя постоять.

Необходимо понять, что принятие и отторжение очень часто — чаще, чем это признается, — просто способы развлечь себя. Иными словами, люди получают удовольствие, веря или не веря во что-то, а причины, по которым они принимают или отвергают, выдвигаются ими уже после. Это явление психологи сегодня называют «рационализированием».

Идеологи, будь то в религии, политике или в рекламе и продвижении товаров, специализируются на производстве веры. Другими словами, они побуждают людей хотеть тех или иных вещей и убеждать самих себя в наличии разумного основания для этих желаний. Столетия назад суфии, и публично и приватно, утверждали, что вера такого рода не является верой или религией и что существует иная, подлинная версия веры, в отличие от вышеупомянутой подделки. Сегодня эта позиция, как теория, получила признание на Востоке и в несколько меньшей степени на Западе (где люди склонны глубоко почитать веру, будто она имеет ценность сама по себе), но в обоих мирах (и на Востоке, и на Западе) подобное знание все еще очень редко понимается и еще меньше практикуется.

Когда осознаешь, что вера, неправильно понятая, может обесценить всю жизнь, а вера правильного характера приводит к просветлению, важность обладания правильным убеждением или верой трудно преувеличить.

А теперь рассмотрите следующую историю.

Причина

Некий религиозный реформатор воззвал во время проповеди:

«Кто хочет попасть на Небо, встаньте!»

Все встали. Лишь очень потрепанный дервиш остался сидеть в углу.

«Почему же ты не желаешь оказаться на Небесах?!» — загремел агитатор.

Дервиш кротко глянул на него и сказал:

«Потому, что здесь у меня осталось слишком много неоконченных дел!»

Дервишу было необходимо завершить освобождение своего истинного «я» от суетных трудов второстепенного «я», по этому поводу можно привести суфийское высказывание: «Умри до своей смерти».

Весьма специфические и важные дела должны быть осуществлены «в миру».

Суфии и многие их ученики могут заглянуть за пределы внешней стороны вещей; их взор нацелен на восприятие реальности, лежащей за видимостью.

Не познав этой реальности, вы не оставите погони за видимостью, а ее формируют всевозможные убеждения и совершенно бесплодные удовольствия, которые, конечно, немало привлекательны.

Обычного исследователя, ученого или идеолога вечно обманывает видимая сторона вещей и сбивают с пути предположения.

Под воздействием подобных элементов обычный человек предстает перед суфием совсем не таким, каким кажется себе и своим товарищам. Вот история, которая служит прекрасной иллюстрацией этого, показывая, насколько пустым является человек со всеми своими заботами в глазах тех, кто действительно видит, во что он себя превращает.

Возраст

Сообщают, что однажды некий молодой человек увидел идущего по дороге почтенного

старца в одеяниях сваи. На вид старику было лет сто, но шагал он весьма бодро.

Юноша спросил его:

«Как удалось вам достичь столь почтенного возраста, сохранив такую превосходную физическую форму? Вы хоть и поседели, но у вас еще много волос, лицо ваше, хотя и в морщинах, но такое спокойное. Несмотря на то, что вы поддерживаете себя при помощи двух палок, у вас очень уверенная, для вашего возраста, походка и вы совсем не задыхаетесь при ходьбе».

Старец ответил:

«Я следую указаниям такого-то и такого-то духовного мастера».

«А могу ли я поинтересоваться, сколько вам лет?»

«Мне двадцать пять!»

История дурака

В Стране Дураков жил-был юноша, и вся его жизнь казалась целиком построенной на лжепонимании и лжеобъяснениях. Иногда он думал, что вещи не таковы, какими выглядят, а другие иногда считали, что у его поступков совсем не те причины, на которые он ссылается. В конце концов сформировался образец, на создание которого ушло много времени. Однако каждый житель Страны Дураков считал, что то, как он видит вещи, сводится к понятиям вроде «так уж заведено», или «такова жизнь», или даже «просто наша жизнь есть череда случайностей и несообразностей».

Конечно, их жизнь настолько отличалась от нашей, что события, происходившие с ними, покажутся нам забавными историями.

Вот, например, чтобы составить у вас представление об этих удивительных людях, расскажу такую историю. Однажды молодой человек, о котором пойдет речь и далее, увидел, как собака стянула у его матери из-под подушки сумку и, держа ношу в зубах, выбежала из дому.

«Мама, собака нашла твою сумку!» — закричал юноша.

Его мать, опасаясь, что посторонние узнают о ее достатке, тут же забросила на дерево, росшее перед окном их дома несколько пирожных, и крикнула в ответ:

«Сынок, сейчас же собери пирожные, что выросли на нашем дереве», — а сама, заняв сына делом, пустилась догонять собаку.

Отняв у пса сумку, женщина перепрятала ее. Сынок же, съев все пирожные, тоже пошел бродить по улицам в поисках убежавшей собаки. Вскоре юноша повстречал двух воров, и те спросили, куда он направляется.

«Я ищу собаку, которая украла сумку моей матери, — сказал он. — А в сумке, знаете ли, очень много денег!»

Воры переглянулись, решив про себя вызнать, где живет молодой человек, чтобы ограбить его дом.

«И когда, говоришь, псина украла эту сумку?» — будто невзначай спросил один из них, завязывая беседу.

«Это случилось перед тем, как на дереве выросли пирожные», — ответил идиот.

Тут воры, конечно, сообразили, что он все наврал с самого начала, и отказались от своей затеи.

Однако же они были немало раздосадованы.

«Мозги у тебя деревянные», — сказал один из них.

«Значит, я мертвый?» — спросил юноша.

«Еще бы! По крайней мере, ты так близок к этому, что просто вылитый покойник», — проворчал другой.

И они пошли своей дорогой.

«Если я мертв, то меня нужно похоронить», — решил дурак и стал рыть себе могилу.

Странствующий купец, проходя мимо, спросил его, чем он занимается, поскольку сразу заметил, что дурак очень сильный. Купцу нужен был носильщик для товаров.

«Я — мертвец», — это мне объяснил один человек, когда я рассказал ему, что собака украла сумку моей матери после того, как на дереве выросли пирожные», — ответил юноша.

«Умственно ты, может быть, и мертв, но физически в отличном состоянии, и тебе необходимо заняться чем-то полезным», — сказал купец, рассчитывая заставить дурака работать на себя бесплатно.

«Возьми-ка этот короб и следуй за мной. Если ты сделаешь все правильно и угодишь мне, я дам тебе целую медную монету».

Обрадовался дурак. Он поднял короб, в котором находился кувшин с медом, и последовал за купцом, раздумывая по дороге, как он распорядится своим заработком. Сначала он купит курицу, решил юноша, и займется продажей яиц, затем купит корову, будет продавать молоко, потом купит ферму, разбогатеет... В этот момент он споткнулся, упал, и весь мед растекся по пыльной дороге.

Купец был вне себя от ярости. Кроме того, он изрядно струсил, поскольку мед предназначался королю, к замку которого они и держали путь. Чтобы оправдаться, купец захватил дурака с собой в замок и объяснил монарху, что произошло с медом.

Но король не наказал дурня, а только сказал ему:

«Твоя история очень уж напоминает мою жизнь. Я постоянно хочу чего-то большего, и это желание оборачивается бесконечными неудачами. Ты развлек меня. Вот тебе несколько золотых и ступай своей дорогой».

И вот дурак зашагал в город, воображая, что сделает с такими деньгами: он купит туфли, халат, изящную рубашку и шапку, отправится в другую страну, где никто его не знает, и попросит руки королевской дочери. Они поженятся, и в должное время он унаследует королевство...

Хотите верьте, хотите нет, но дурак и в самом деле ухитрился купить одежду и предстать перед королем соседней страны.

Это тоже была Страна Дураков, и все, что, казалось бы, должно происходить наилучшим образом, оборачивалось здесь неудачей, и наоборот, то, что не имело никакой надежды на успех, оказывалось выигрышным. Как раз тогда король этой страны ждал прибытия другого короля, который должен был жениться на его дочери. Когда дурак возник перед королевской стражей и объявил, что пришел просить руки принцессы, все сразу решили, что он и есть долгожданный жених. В конце концов никто не видел прежде ни дурака, ни другого короля.

Дурака и принцессу тут же поженили, и все отправились в трапезную праздновать свадьбу.

Дурак (мы же помним, как он уплетал пирожные) отличался хорошим аппетитом, и не только жадно набросился на еду, но и спрятал за пазухой кувшин с узким горлышком, куда старался украдкой засунуть побольше разных деликатесов со стола, рассчитывая, что они пригодятся ему позже. Однако, просунув в кувшин три или четыре куска каких-то сладостей, дурак вдруг забыл разжать кулак и в результате не смог вытащить из сосуда руку. Из-за этого он перестал есть, а король, решив, что зять уже сыт, объявил окончание обеда и отправил счастливых молодоженов в брачные покои.

Дурак остался голодным, и рука у него застряла в кувшине — за пазухой. Как он ни

старался, ему не удавалось вытащить руку. В конце концов он поведал жене о своих затруднениях. Принцесса, будучи ненамного умнее прочих граждан королевства, посоветовала:

«За дверью нашей комнаты лежит большой белый камень, выйди да разбей об него кувшин, и возвращайся ко мне».

Наш герой тут же открыл дверь и с размаху ударил кувшином о предмет, показавшийся ему камнем. К сожалению, это была голова стражника, который нес караул перед их покоями. Бедняга громко вскрикнул от удара и рухнул как подкошенный.

«Если узнают, что я убил человека, меня казнят!» — пронеслось в голове дурака.

Не теряя ни минуты, он выбежал из дворца и, сверкая своими великолепными одеждами, пустился наутек.

На небе светила полная луна, и дурак, оглянувшись, увидел свою тень, движущуюся за ним точь-в-точь так, как если бы его преследовал другой человек. Сняв шапку, он запустил ею в воображаемого преследователя и побежал быстрее. Затем снова оглянулся и понял, что неизвестный нагоняет его; тогда он скинул с себя халат и бросил на дорогу, надеясь, что ему удастся оторваться от погони, пока преследователь будет поднимать находку. Это не помогло, и он стал срывать с себя одну вещь за другой, восклицая: «Бери мои наряды, только оставь меня в покое».

В отчаянии идиот залез на дерево и стал поливать преследователя громкой бранью. Он орал до тех пор, пока не сорвал голос.

Так случилось, что в то же самое время и по той же дороге двигалась шайка разбойников, то и дело натываясь на роскошные одежды, разбросанные на всем пути. Собрав одежду, разбойники расположились под деревом и стали делить добычу. На дереве сидел дурак и слушал, как они говорили:

«Это мне, это тебе...» — и так далее.

Поначалу он заинтересовался происходящим, но когда увидел, что делят его собственную одежду, ему вдруг стало так не хватать ее, что у него невольно вырвалось:

«А мне?!»

Воры, в испуге взглянув наверх, увидели на дереве дурака и решили, что это голый демон с отвратительным голосом. Они бросились бежать, со страху побросав собранные ими одежды.

Когда рассвело, дурак убедился, что вокруг никого нет, спустился вниз и снова надел все свои наряды.

«Люди могут думать, что я не больно-то умен, — рассуждал он про себя, — но вот я снова выгляжу как важный человек, в богатых одеждах, свободный, как ветер в поле, и могу начать все сначала».

Он не знал, однако, что на много миль впереди не было никакого человеческого жилья. И вот весь день ему пришлось идти и идти, до самой ночи, пока не стало холодно. Он смог найти для ночлега лишь дупло сгнившего дерева. В дупле было полно меда, так как раньше там жили дикие пчелы, которые теперь покинули свое жилище. Дурак забрался внутрь и вскоре весь перемазался в липком месиве. Не понимая, что с ним происходит, он спросонок выскочил из дупла и сломя голову помчался прочь от дерева и, вбежав через некоторое время в какой-то сарай, улегся на куче хранившейся там овечьей шерсти.

Шерсть пристала к его липкой одежде, и вскоре нашего друга было трудно отличить от овцы.

На следующее утро, проснувшись с первыми лучами солнца, он оглядел себя и решил, что Бог покарал его за грехи и превратил в овцу.

Он стал бродить туда-сюда, пока не наткнулся на стадо овец, и подумал, что вполне логично будет присоединиться к ним.

Тут еще одна банда воров, рыскавшая в тех местах в поисках какой-нибудь добычи, увидела овец и, выбрав самую крупную, увела ее. Конечно, этой овечкой был не кто иной, как наш герой. Но дураку совсем не понравилось, что его украли.

«Может быть, я и овца, — запричитал он, — но это еще не значит, что кто-то имеет право красть меня у хозяина!»

Воры, услышав, что овца разговаривает, решили, что имеют дело с заколдованным существом. Они бросились бежать кто куда, и каждый потом поклялся отныне вести благочестивую жизнь.

Дурак между тем, поскользнувшись, упал в пруд и смыл с себя всю шерсть. «Бывает же такое, — удивленно сказал он про себя, — Бог вернул мне человеческий облик!»

Он немного обсох и вдруг обнаружил, что воры, убегая, в панике забыли на земле мешок с золотом.

«Это мне возмещение за то, что меня украли», — подумал он и заковылял по дороге, которая привела его к постоялому двору.

Хозяин постоялого двора был коварным и бесчестным человеком. Дурак заказал себе еды и выложил на стол мешок с золотом, демонстрируя, что ему есть, чем заплатить.

«Благородный господин, — обратился хозяин к нашему герою, — пожалуйста, останьтесь у нас, мы не возьмем с вас никакой платы. Я вижу, вы человек благородного происхождения и высокого сана. Для нас будет великой честью принять вас в нашем скромном жилище».

Довольный, что кто-то наконец оценил его по достоинству, дурак сразу же принял предложение.

Вечером они стали болтать о том, о сем, и хозяин, готовясь обмануть свою жертву, стал потчевать гостя самыми невероятными историями.

Наконец мошенник сказал:

«Вот вы не поверите, но это чистая правда: у меня есть кот, который носит в зубах лампу».

«Чепуха, — сказал дурак, — всякому известно, что кошек нельзя выдрессировать, как собак».

«Не верите? Может быть, вы изволите побиться со мной об заклад?» — воскликнул хозяин.

«Конечно, мы можем поспорить, — ответил дурак. — Если ты и в самом деле утверждаешь, что смог обучить своего кота делать подобные вещи, я готов поспорить не только на все мои деньги, но и на всю одежду, и даже себя самого готов заложить!»

Самое ужасное, конечно, состояло в том, что у хозяина действительно был такой замечательный кот. И едва только мошенник позвал его, как животное пересекло двор и вошло в комнату, неся в зубах лампу.

Конечно, хозяин завладел всеми деньгами дурака, забрал у него одежду, а его самого сделал своим рабом.

Между тем стражник, которого дурак ударил кувшином по голове, спустя несколько месяцев поправился, а принцесса в совершенном отчаянии ждала вестей о пропавшем муже. Она была уверена, что его постигло какое-то несчастье, и умоляла своего отца вернуть ей мужа, если тот еще жив.

Но это была Страна Дураков, и потому никто не имел представления, как предпринять такой поиск, и большинству людей казалось совершенно естественным, что человек может появиться из ниоткуда, жениться на принцессе и затем бесследно исчезнуть среди ночи.

Денно и ночью работая на своего господина, дурак стал серьезно задумываться о своей жизни, о том, что сделал и чего не сделал, пока наконец не пришел к выводу, что всеми своими несчастьями он обязан только собственному безрассудству.

Как-то вечером дурак обслуживал одного путешественника, остановившегося на их

постоялом дворе. А человек этот был мудрецом. Рассказав гостю о своей злой судьбе, дурак попросил у него помощи.

«Я могу помочь, — сказал мудрец, — но тебе придется подождать, потому что я должен подготовиться».

И мудрец отправился своей дорогой. Дурак же, разумеется, решил, что обещание мудреца было только предлогом, чтобы избавиться от него. Но вот, спустя несколько месяцев, мудрый человек появился снова. На этот раз при нем была деревянная шкатулка, и еще его сопровождал юноша в щегольских одеждах.

Тем же вечером, развалясь перед камином, этот праздный молодой повеса сказал хозяину постоялого двора:

«Как же здесь скучно! Если бы не мое обещание сопровождать известного вам мудреца в качестве его ученика, я отдался бы своему любимому делу — азартным играм...»

Хозяин мгновенно оживился и предложил:

«Давай побьемся об заклад, что у меня есть кот, который носит в зубах светильник?»

Юноша тут же предложил поставить тысячу золотых монет против всего постоялого двора. Пока они были увлечены беседой, мудрец незаметно вышел из дома во двор. Там, со шкатулкой в руках, он притаился и стал ждать. Тем временем хозяин кликнул кота, и тот вышел из конюшни с лампой в зубах. Мудрец тут же открыл шкатулку, и из нее выпрыгнула мышь. Кот глянул на мышь, застыл на мгновение, но затем целенаправленно двинулся дальше. Тогда мудрец выпустил еще одну мышь. Кот опять замер, сделал было движение в сторону мыши, но затем встряхнулся и снова пошел ко входу в гостиницу. И вот, когда кот уже почти совсем дошел до входа, мудрец выпустил свою третью, и последнюю, мышь. Она шмыгнула прямо перед кошачьим носом. На этот раз искушение было слишком велико. Выпустив светильник, кот бросился за добычей, да так стремительно, что мгновенно растворился в близлежащих полях.

Когда с этим делом было покончено, мудрец незаметно возвратился в гостиную и уселся у камина. По прошествии довольно долгого времени, после многих горячих споров, хозяину пришлось признать свое поражение. Постоялый двор достался франту, а наш дурак, теперь уже значительно поумневший, возвратился к своей жене.

С тех пор уже ничто не омрачало их счастья.

Выбор другого учителя

Вопрос: Не слишком ли резко высказался Великий шейх (Ибн аль-Араби), заявив, что ученик, который избирает себе другого учителя, если прежний еще жив, не может быть учеником и недостойн доверия.

Ответ: Каки другие суфии, Ибн аль-Араби нерезок, и втоже время не мягок: суфий стремится сделать свои высказывания описательными, чтобы осуществлять или провоцировать изучение. Если выразить это в других терминах, вы, возможно, не поймете ответ, но я надеюсь, смысл все же не ускользнет от вас. «Грубость» или «мягкость» есть субъективное отражение того, как человек воспринимает других людей.

Учитель, по определению, способен научить вас, и именно этим он занимается. Тогда зачем нужен другой учитель? Вы не можете, так сказать, сидеть на двух стульях. Ученик, который меняет учителей, не ученик, и тот, кто на таких условиях соглашается его обучать, — не учитель. Так можно ответить на поставленный вопрос в свете суфийской реальности.

Если вы думаете о каком-то другом виде изучения или обучения — чуть-чуть здесь, чуть-чуть там, то вы говорите не о суфийском Пути. Хотя, возможно, вы, как это обычно бывает,

запутались в том, что вам нравится и не нравится, потому что ищете удовольствий и избегаете всяческих неудобств. Подобная позиция несовместима с суфизмом.

Огонь и солома

Вопрос: Вы приводили цитату из Руми, где тот говорит, что «дервишский танец» и музыка были учреждены им только для флегматичных людей Малой Азии, тогда как сегодня эту практику имитируют даже на Западе. Но если исходить из принципа, что суфийские упражнения тщательно разрабатывают и прописывают в соответствии с нуждами конкретной общины, то это уже само по себе, как мне представляется, наглядно обнаруживает с драматической выразительностью абсурдность поведения людей, которые продолжают из века в век, вплоть до наших дней, копировать то, что было предназначено для специфических местных условий. Не содержится ли в этом указание, что практически все известные нам системы представляют собой лишь реликты и в таком случае просто смехотворны?

Ответ: Я могу лишь констатировать факты, а они именно таковы, как вы только что описали. Но, если вы желаете отметить нечто большее, обратите внимание на слова Саади:

«Какой-то индус, — сообщает он, — учил людей изготовлению фейерверков, и один мудрец сказал ему: "Вряд ли это можно назвать подходящим для тебя занятием, ведь твой дом сделан из соломы"».

Употребляя слово «смехотворный», вы должны определить, что вам кажется смешным и будет ли оно таковым для других людей.

Я только хочу напомнить, что старинный сосуд — привлекателен он на взгляд или нет — возможно, протек и лишился своего содержимого в силу своего возраста и того, как с ним обращались.

Чтобы износить их

Вопрос: Не могли бы мы отложить рассмотрение многих вопросов, составляющих содержание бесед суфиев и их учеников?

Ответ: Как-то раз люди увидели муллу Насреддина, устало плетущегося босиком по дороге в город. Туфли болтались на шнурке у него на шее.

Какой-то прохожий окликнул его:

«Эй, мулла, почему бы тебе не обуться?»

«Ага! — воскликнул мулла. — Обуться, чтобы износить туфли?»

Пройдя еще немного, мулла наступил на гвоздь и сильно поранил ногу.

«Слава богу, на мне не было туфель, а то бы я их продырявил», — подумал Насреддин.

Поступить по-вашему, фактически, значит отбросить от себя некоторые защитные элементы, как Насреддин отложил свои туфли.

Вопрос, разумеется, состоит вот в чем: исходит ли человек из здравого смысла, хочет ли узнать, как ему лучше поступить, когда спрашивает: «В какой порт приплывет корабль без капитана?»

Мистические состояния

Вопрос: *Что люди чувствуют сами и какими они видятся другим, когда испытывают мистические состояния? Какая подготовка необходима для этого опыта и нужна ли она вообще?*

Ответ: Люди, вызывающие в себе состояния без необходимой подготовки, испытывают всевозможные загрязненные переживания. Это обычно и происходит с самодеятельными экспериментаторами.

Мистическое состояние, а именно тот его аспект, который воспринимается как нечто странное, суфии ^[14] называют результатом воздействия высших импульсов на низкое, неизменное и, стало быть, неготовое к подобному переживанию сознание. Поэтому «состояния» считаются тюрьмой и неудачей. «Реализованные люди, — так говорит Худжвири, — те, кто освободились от «состояний» или мистических переживаний».

Надо сказать, что истинные состояния не поддаются описанию, потому что стирают речь.

Стадия самопознания называется Тамкин (стабилизация). Чтобы достичь этой стадии, индивид должен пройти через определенные состояния (Макам). Таких состояний несколько, и ни одно из них человек не должен покидать, пока оно не окажет в должной мере своего благотворного влияния на его внутреннее сознание.

Итак, если низкое «я» смешивается с привходящим импульсом, то Хал (состояние) означает недостаточную подготовку. Тамкин, в свою очередь, приносит покой. Таким образом, существуют три стадии, первые две из которых могут быть ошибочно приняты за конечную цель теми, кто, обнаруживая свою неподготовленность, не понимает всей этой схемы. Стадии таковы: Макам, Хал, Тамкин.

Люди, испытывая Хал через свое «командующее я» и воображая, что с ними произошло нечто важное, тем самым показывают, что их «я» находится в состоянии самолюбования. Вот почему человек, переживающий подобное состояние, «под влиянием своего гордого «я», воображает себя одним из избранных».

В суфийской школе

Вопрос: *Я слышал, что величайшую женщину-суфия Рабийю, жившую в древние времена, спросили, почему она использует четки (тасбих), которые многие религиозные люди считают ненужными. Она ответила: «Я не откажусь от того, что приблизило меня к Богу». Как может неодушевленный предмет, вроде четок, приблизить кого-то к Богу?*

Ответ: Этот вопрос очень хорошо иллюстрирует опасность чтения или повторения чего-либо вне контекста. Приведенная цитата представляет собой то, что социолог назвал бы «тестовым вопросом». Суфийских студентов просят прокомментировать подобные высказывания и найти в них ошибку, что можно сформулировать так: «Что неверно в приведенной цитате?»

В суфийских школах много похожих тестов. Одна из тех известных цитат, что часто используются против суфиев внешними комментаторами, звучит так: «Ученик должен скрывать недостатки своего учителя». Другой прием в этом роде — порекомендовать индивиду или группе чтение произведений Ибн аль-Араби. Задача не в том, чтобы учащиеся поняли Ибн аль-Араби, здесь нужно показать студентам, что чтение подобного автора при отсутствии руководства и проницательности не приведет к реальному прогрессу, то есть прежде им необходимо что-то еще. Некоторые из приведенных техник, конечно, хорошо известны на Востоке, и пока их не забыли, нет смысла ими снова пользоваться, иначе они превратятся в

«учения» или «факты». В случае с Ибн аль-Араби действительным фактом является то, что список его произведений, составленный им самим в 1234 году, насчитывает 289 работ. Только его суфийский комментарий на Коран представляет собой восьмитомник.

Есть и другая история о Рабийе и молитвенных четках. Когда эту женщину спросили, что можно сказать о четках, она, как сообщают, ответила: «Каждый день понемногу, и через год получаем много». Те, кто одобрял использование четок, полагали, что таким образом она подтвердила их ценность, другие же приводили ее слова в поддержку своего протеста против четок, толкуя ее слова так: «Ведь это совершенно очевидно, что понемногу зла каждый день приведет к большому злу через год».

На Востоке, конечно, многие знакомы с подобными приемами, и не нужно даже быть суфием, чтобы увидеть, как введенные в заблуждение буквалисты (которых становится все больше и на Востоке и на Западе) применяют подобные формулы безо всякого внутреннего понимания.

В чем не правы ученые

Вопрос: *Почему суфии критикуют профессиональных ученых? Ведь не вызывает сомнения, что приобретение знаний уже само по себе похвально и должно встречать поощрение.*

Ответ: Суфии постоянно критикуют профессиональных ученых из-за двух совершенно очевидных и далеко идущих заблуждений, которым подвержены последние. Первое: претензия ученых на то, что они якобы обладают фактической монополией на изучение, иными словами, предполагается, что только их ограниченный способ подхода к вещам можно считать «путем ученого». Второе заблуждение вытекает из первого: они попусту тратят силы на рассмотрение бесконечных фактов и на споры, за что расплачиваются саморазвитием. Гипертрофированное стремление к мудрости становится манией коллекционирования, которая иногда поглощает это стремление.

Аль-Газали, в прошлом сам аналитический ученый и величайший исламский толкователь суфийских принципов, подробно касается этого вопроса в своей Книге Знания, — «Возрождение религиозных наук» («Ихиа ал Илюм ал Дин»).

Он утверждает, что, человек, избегая эмпирической религии и тем не менее обсуждая ее, подобен больному, в тяжелом состоянии пришедшему на прием к опытному доктору: времени может хватить лишь на то, чтобы попросить у врача помощи. Вместо этого он болтает, задает бесконечные вопросы о лекарствах, лечении, о медицинской профессии. Тратя попусту время, человек не поворачивается к собственной болезни.

И по сей день это является главной бедой учености. Ибрагим ибн Адам рассказал о камне, который видел по дороге в Мекку. На нем было написано: «Переверни меня и прочти предостережение». Ибрагим ибн Адам перевернул камень. На обратной стороне была другая надпись: «Если ты не поступаешь согласно знанию, которое у тебя уже есть, зачем ты стремишься узнать больше?»

Суфии — не поставщики информации, они — инициаторы опыта.

И еще есть старая поговорка, пришедшая с таинственного Запада, которая гласит, что человек может быть дураком, но без образования никогда не станет законченным идиотом.

«You can't make a fool of biggest pattern Until he's learnt both Greek and Latin» ^[15].

Вопрос: *Суфийский Путь, не считая его искаженных форм, традиционно действовал в мире и выступал против удаления от мира. Но разве не лучше совсем уйти от мирских проблем и сконцентрироваться на духовном?*

Ответ: На этот вопрос есть три ответа. Во-первых, таков суфийский Путь, и как суфийские, так и не суфийские комментаторы суфизма всегда подтверждали, что эта установка приводит к прекрасным результатам.

Во-вторых, если вы изучите людей, которые якобы разорвали мирские узы, то обнаружите, что они так поступили только на словах, а в действительности по большей части остались одержимыми тем, что, по существу, является мирским. Они или дают подобным явлениям другие имена, или отказываются от жадности к деньгам, поощряя в себе жадность к духовности, и так далее.

В-третьих, суфий, достигая понимания мирских вещей, делает эти вещи средством спасения. «Когда ты родился в этой бездне, тебе была спущена лестница».

Есть история о мулле Насреддине, рассказывающая, как однажды он рассматривал небольшую тростниковую грядку у своего дома. Он подумал, что надо бы расширить эту грядку и заняться выращиванием тростника. Тогда он начнет продавать тростник и на вырученные деньги разобьет великолепный сад. Но внезапно, осознав, как нелепо будет выглядеть тростниковая грядка в его роскошном саду, он бросился на нее и вырвал все тростниковые стебли до единого, совершив, таким образом, первый шаг к осуществлению своей мечты о саде, которая, конечно, могла бы воплотиться, если бы он все же посадил больше тростника...

Сегодня и вчера: Джами

Вопрос: *Аналогично ли то, как суфии ведут себя в наше время и какие аргументы используют сегодня, тому, что происходило в прошлом, когда великие суфии на Востоке имели дело с фанатиками и с людьми ограниченными? К примеру, может ли такая параллель проявляться в юморе? Как жаль, что мы не знаем больше о повседневной деятельности тех суфиев.*

Ответ: Аналогии, и в самом деле, существуют. Одним из суфиев прошлого, который среди наших современных ограниченных мыслителей почувствовал бы себя как дома, был Наруддин Абдур Рахман Джами (1397–1474), основной классик персоязычной поэзии и афганский суфий. Он был учеником накшбандийского учителя Са'адуддина Кашкари из Герата и женился на его дочери. Благодаря этому родству, Джами встретил выдающегося суфийского святого Абдуллаха Ахрара («Господина Свободы»).

Джами не только создавал суфийские классические произведения, но и играл в жизни роль суфийского борца с идиотизмом. Однажды религиозный ученый Хайдари из Багдада вызвал Джами на спор. Джами спросил: «Будет ли темой религиозный закон или мистическое восприятие?» Хайдари выбрал первое. Тогда Джами сказал: «Прежде чем начать, мы должны привести в порядок твои усы, они слишком длинны согласно букве закона». Послали за ножницами и затем стали подстригать ученому усы, сначала с одной стороны, потом с другой, пока он не остался вовсе без усов. Религиозный ученый вынужден был уйти, так как теперь, согласно тому же религиозному закону, ему надо было снова отрастить усы, прежде чем он мог быть допущен к дебатам.

Однажды Джами увидел, как какой-то человек с огромным тюрбаном на голове важно ехал верхом по улицам Герата. Суфий спросил, что бы это значило.

Люди сказали ему: «Этот человек — бывший безбожник, он обращен в ислам главным

городским богословом, чей тюрбан и украшает теперь его голову».

«Очень кстати, — сказал Джами, — на голову бывшего безбожника надели тюрбан мусульманского безбожника».

Некий поэт пожаловался как-то Джами, что другой поэт украл его лучшие мысли. Джами попросил принести его стихи, просмотрел их и сказал: «Да, твои поэмы совершенно бессмысленны, видимо, из этих слов действительно украли смысл».

Когда Джами лежал на смертном одре, люди привели к нему огромное количество чтецов Корана, чтобы те громко произносили над ним святые слова.

Джами поднял голову и спросил их: «Зачем все это? Разве вы не видите, что я умираю?»

Безвкусный вкус...

Вопрос: Кажется, что многие процедуры, знакомые нам по мистическим и экстрасенсорным системам, лишены всякого смысла. Кроме того, их воздействие не может быть непосредственно воспринято. Иногда даже создается впечатление, что никакого воздействия и нет. Что вы можете сказать об этом?

Ответ: В Нигерии растут совершенно безвкусные фрукты. Для чего же тогда их едят? Ответ очень прост. Если вы отведаете этот «чудесный фрукт», который называется «ду-руми», и затем вкусите каких-либо других фруктов, то вкус этих последних будет уже иным. Поешьте дуруми и затем пожуйте лимон: вы ощутите во рту сладкий вкус апельсина. Представьте себе, что вы находитесь там, где нет апельсинов, одни только лимоны, а также эти чудесные фрукты. Тогда вы сможете, при необходимости, создать вкус апельсина.

Но если вы, как некоторые другие, упорствуете в том, что все должно иметь свой вкус, тогда, следуя своей установке, вы не сможете насладиться апельсином в указанных условиях. Так же обстоит дело и с метафизическими учениями и системами развития высшего сознания. Искатели, которые требуют, чтобы все имело вкус, полагая, что это вопрос исключительной важности, откажутся участвовать в процедурах, эквивалентных вкушению безвкусных фруктов.

Эмоциональные стимулы в свете приведенной иллюстрации подобны вкусу. В этом нет ничего плохого, но просто неэффективно придавать таким вещам чрезмерную важность лишь только потому, что человеку представляется, будто все, что он считает важным, не может быть смешным.

Защитить людей от лжеучителей

То и дело кто-нибудь взывает к нам: сделайте, мол, что-нибудь, чтобы остановить огромный поток людей, текущий к мириадам лживых восточных гуру, ведь те их дурачат, а людям в конце концов это надоедает, и, осознав, каким абсурдным было их поведение, они являют собой весьма жалкое зрелище.

Это напоминает мне о персонаже из рассказа Саади. У одного человека болели глаза. Он пришел к коновалу с просьбой о помощи, поскольку знал, что тот избавляет лошадей от точно таких же проблем со зрением. Коновал смазал ему глаза лошадиной мазью, и человек ослеп. Когда же несчастный подал на лекаря в суд, судья вынес такой вердикт:

«Ты не можешь рассчитывать на компенсацию. Если бы ты не был ослом, то не обратился бы к коновалу».

Вопрос: *Вы встречаетесь и работаете с людьми, и они, таким образом, несомненно, учатся. Затем, как я понимаю, материалы этих встреч вы публикуете в своих книгах. Но как насчет тех, кто живет далеко и не может себе позволить приехать к вам?*

Ответ: Согласно одному из наших преданий, точно такой же вопрос был задан мастеру Бахауддину из Бухары. Он рассказал такую историю из цикла «Страна Дураков».

Двое жителей Дуристана посетили ярмарку в другой стране. Они увидели, что какие-то люди жарят быка, и спросили, что происходит.

«Видите ли, — сказал им один из поваров, — в первый день ярмарки мы жарим целого быка и угощаем жареным мясом всех, кто пришел в день открытия. Затем, на второй день, мы раздаем людям холодное мясо». «Не очень-то умно придумано, — сказал вожак дуристанцев, — представьте себе, что кому-то захочется холодного мяса в первый день ярмарки».

Как найти правильный путь

Вопрос: *Было сказано, что путей столько, сколько звезд на небе. Это сказал Джами, и он также привел слова кого-то, кто, ссылаясь на сказанное, заявил, что так и не смог найти даже одного пути. Каков ответ на этот вопрос поиска?*

Ответ: Ответ очень прост. Это цитата из классической книги «Нафахат аль-Унс» («Благоуханье общений»). В этой книге Джами объясняет: «Он не может быть найден путем поисков, но искатель находит его».

Это означает, что нахождение осуществляется не через поиск, но поиск обеспечивает тренировку, каковая наделяет человека способностью принять определенную позицию, и эта позиция в конце концов приводит к нахождению Пути.

Можно привести такой пример: координация движений, которую вы приобрели, когда ребенком научились держать бутылку с молоком, позднее становится частью искусства письма, требующего той же координации движений. На первый взгляд, вроде бы нет никакой связи между первым действием и тем, как должна проявляться способность ко второму. Люди, ищущие Путь, как правило, ищут то, что выглядит для них как путь. И насколько глубоко может быть их заблуждение! Кстати, именно поэтому суфийские учителя побуждают людей делать то или иное или размышлять о некоем предмете, как будто бы не имеющем ничего общего с целью, к которой стремится ученик.

Об этом аспекте мало известно, в основном из-за того, что знающим людям говорить об этом ни к чему, а те, кто не знает, обычно находятся в процессе изучения указанного вопроса или же им просто чужда данная область.

Поведение

Вопрос: *Может ли быть, чтобы суфий всегда одинаково вел себя с любым человеком? И разве не из привычки и эмоций исходит поведение?*

Ответ: Существуют два типа поведения: то, что контролирует вас, и то, которое вы сами можете контролировать. Первое — поведение животных и недоразвитых людей, последнее — поведение суфиев.

В этом различие между тем, что вы не в состоянии изменить, и тем, что изменяет вас.

Цитируя одного суфия, Аль-Газали в произведении «Возрождение религиозных наук», перечислил три типа поведения, на которые вы должны быть способны:

«Вести себя вежливо по отношению к людям этого мира.

Вести себя мудро с людьми другого мира.

Вести себя в соответствии со своей волей по отношению к Знающим».

Испытание ученика

Вопрос: *Проводится ли испытание с той целью, чтобы показать учителю, какие черты ученика нуждаются в его (учителя) внимании? Или цель испытания — выставить эти черты на обозрение присутствующих? А может быть, проявить внутренние характеристики ученика для него самого?*

Ответ: Проведение испытания может преследовать любую из этих целей или все три сразу. Никогда нельзя предполагать, что это делается только с какой-то одной целью, иначе часть полезного эффекта будет утеряна. Например, если учитель провоцирует в ком-то определенное поведение и наблюдатели воображают, что подобное делается только для блага одного этого человека, им не удастся применить урок к самим себе. Точно так же, если думать, что единственная цель производимого действия — просто продемонстрировать нечто, можно упустить, что все это также посвящено самопознанию наблюдаемого человека, то есть того, кто представлен таким образом.

Великий суфий аль-Газали в книге «Возрождение религиозных наук», в разделе о братстве, рекомендует следовать совету Абу Саида ал-Заури. Тот наставлял, что, прежде чем принять человека в братство, необходимо рассердить его и затем устроить так, чтобы испытуемый встретился с кем-нибудь другим, кто спросит у него о вас. Если, продолжает Заури, новичок, несмотря ни на что, будет отзываться о вас хорошо, можете принять его в свое общество. Итак, вы видите, что, согласно суфийской позиции, гармония между людьми не может реализоваться правильно до тех пор, пока не будет основываться на достаточно глубоком уровне. Много ли вы знаете людей, которые прошли бы этот тест?

Суфии критикуют

Вопрос: *Мы привыкли представлять духовных людей мягкими и скромными. Тем не менее я слышал, что суфии часто и довольно резко критикуют людей, заявляющих, будто те суфии. Говорят, что эти духовные люди также бранят тех, кто не является суфиями, за претенциозность, позу и различные поступки, причем делают это таким образом, чтобы выставить критикуемых полными идиотами в глазах окружающих. Каково традиционное обоснование такого поведения? Вел ли себя так кто-нибудь из великих классических учителей-суфиев?*

Ответ: Предположим, теолог или священник, последователь доктрины, согласно которой что-то является добром, а что-то злом, встречается с человеком, совершающим осуждаемые доктриной злые поступки и избегающим провозглашаемого ею добра. Вероятнее всего, этот священник заклеит увиденное, независимо от того, убеждали ли его быть мягким или нет. Это все, что можно сказать о так называемых духовных людях.

Если тому, чьи принципы основаны не на знании, а на убежденности в правильном и

неправильном, позволительно говорить или действовать в столь резкой манере, разве тот, кто предположительно обладает знанием объективного добра и зла, не имеет права вынести свое суждение?

Приведенный аргумент использовался для объяснения резкого поведения суфиев как в прошлом, так и в наши дни.

Джами был одним из тех, кто в подобных случаях отличался особой резкостью. Почитайте Руми, и вы также встретите немало прямых выражений. А если вы, например, заглянете в семьдесят третью беседу великого Абдул Кадира Гиланского в книге «Футух ал Гхаиб» («Откровения Невидимого»), то найдете заявление, гласящее, что, поскольку суфий способен непосредственно воспринять ложь в человеке, он вынужден осудить такого мужчину или женщину. Гилани идет еще дальше и утверждает, что недовольство подобным поведением суфия высказывает, как правило, тот, кто сам чувствует себя виновным и, боясь суфийского противодействия своей ложной личности, пытается таким образом нейтрализовать усилия суфия.

Стало быть, принимая упомянутое поведение суфия, наблюдатель служит собственному благу.

Что делает Мастер

Вопрос: Как следует рассматривать роль суфийского руководителя по отношению к ученику? Является ли руководитель источником передаваемого знания или он служит для искателя проводником к местам или переживаниям, которых иначе не достичь?

Ответ: Шейх Ибрагим Газур Илахи прекрасно сформулировал ответ на подобный вопрос, сказав в своем произведении «Иршадат», что процесс обучения подобен путешествию. Учитель, говорит он, следует по Пути и хорошо знает этот Путь. Затем, вместе с любым и каждым учеником, начинает Путь сначала. Это как если бы начать рисовать круг с определенной точки и, описав полную окружность, закончить в точке, уже являющейся частью круга.

Действия шейха, учителя, подобны также работе зерна, которое становится растением, давая рождение другому зерну, повторяющему в свою очередь тот же цикл.

В этом — смысл Пути, путешествия и тому подобного.

Именно из-за того, что ученик невежественен, а учитель обладает точным восприятием (что является основной его способностью, соответствующей нуждам ученика), взаимоотношения первого и последнего должны быть абсолютно подчинены необходимости.

Мастер Гариб Наваз (Моинуддин Хасан Чишти из Аджми-ра) подчеркивает:

«Помните, что бы руководитель ни приказывал делать или осуществлять своему ученику, это совершается для блага последнего».

Вы и я

Вопрос: Почему, согласно утверждению такого классического произведения, как «Дхия ал Кулуб» («Сияние сердец»), люди в учебных группах должны быть особым образом подобраны, а не взяты наугад?

Ответ: Люди должны быть сгармонизированны, иначе каждый будет проходить через одинаковые переживания в одно и то же время — в результате они просто научатся подражать друг другу и получится механическая, а не органическая группа.

Здесь все зависит от того, как люди видят себя и других. Есть сказочка о Стране Дураков, иллюстрирующая это, — в ней рассказывается, что происходит с двумя людьми, каждый из которых думает только о себе.

Двое жителей Страны Дураков идут по дороге, и вдруг один из них поднимает с земли осколок зеркала. Он смотрится в него и отворачивается, содрогнувшись. Другой дурень забирает зеркало у товарища, тоже смотрится в него и удивленно восклицает: «Что с тобой? Ведь там же я!» «Слава тебе, Господи, — отвечает его спутник, — а я было подумал, что это я!»

Фактически, в данном случае мы имеем дело с одним из тех предметов, которые наилучшим образом подходят под утверждение: это так, потому что по-другому быть не может. Если мнение авторитетного суфийского автора по этому вопросу известно, то зачем спрашивать. Если вы продолжаете недоумевать, ваш вопрос не о суфизме.

Приведу поговорку, указывающую на то, что подобные вещи должны согласовываться с возможностями: «Ты молишь о дожде, но ветер дует с севера».

Вопрос полезности

Вопрос: *Что получается, когда люди, так сказать, хватаются за суфийские упражнения, которые нужно выполнять только при наличии специальных обстоятельств, и механически повторяют их в надежде на какой-то положительный результат?*

Ответ: Люди действительно могут подобрать себе какие-либо упражнения, и многие так и поступают. Затем они могут начать пользоваться своей находкой, что и делают. Я постоянно встречаю людей, которые выполняют суфийские упражнения под руководством тех, кто не имеет суфийского статуса, а также вижу, как некоторые занимаются упражнениями по книгам. Вероятнее всего, произойдет следующее: с этими людьми вообще ничего не произойдет. Хотя, конечно, остается риск, что они могут заболеть, как бывает при любых злоупотреблениях.

Вот история об этом, взятая из цикла о Насреддине.

Однажды Насреддин и его жена стирали белье на берегу реки.

Откуда ни возьмись, налетел черный дрозд, схватил в клюв мыло и был таков.

«Он украл наше мыло!» — воскликнула жена муллы.

«Очень плохо, что он не сможет им воспользоваться, — сказал Насреддин, — его одежды больше наших нуждаются в стирке».

Гусиные лапы

Вопрос: *Я читал, как часто древние суфии успешно сажали в галошу ученых, отягощенных ограниченными идеями и узко-мыслием. Я пытался подражать в этом суфиям, но чаще всего ученые одерживали верх надо мной. Должен ли человек спорить с педантами?*

Ответ: Если вы так же ограничены, как они, то нет. Возможно, вы не слышали, что приключилось однажды с муллой Насреддином.

Некий ученый, на глазах у Насреддина, разглагольствовал перед одним суфием.

Внезапно суфий сказал:

«Всем известно, что у ученых — гусиные лапы».

Буквалист пришел в такую ярость, что тут же разодрал на себе туфли, крича:

«Это только доказывает, как ты глуп. Вот, посмотрите, вовсе у меня и не гусиные лапы!»

Все засмеялись, ведь ученый позволил себе стать жертвой манипуляции, вынудившей его

принять абсурдный вызов.

Какое-то время спустя Насреддин, слушая другого ученого, вспомнил выходку суфия: «У всех ученых гусиные лапы», — заорал мулла.

Ученый просто сошел с кафедры и ударом кулака вырубил Насреддина.

Достоверность

Вопрос: *Я не испытал упомянутых вами состояний и не получил авторитетного доказательства, что таковые вообще существуют, и потому никак не могу принять ваших утверждений, касающихся упомянутой темы. Могли бы вы переубедить меня или предоставить доказательства?*

Ответ: К счастью, я не должен делать ни того, ни другого.

Если вы требуете опыта без подготовки, которая только и делает его возможным, вы предотвращаете получение опыта. Почти все, что я мог бы сделать или сказать в этом случае, только усилит уже существующие у вас предубеждения.

Аль-Газали, высочайший авторитет среди суфиев, сказал в своем произведении «Алхимия счастья»:

«Нет большей глупости, чем отрицать реальность чего-либо только потому, что это еще не было испытано».

Не я, но классические суфийские мастера утверждают и авторитетно подтверждают реальность суфийских состояний. Сами эти мастера являют собой достоверность и доказательство существования подобных состояний.

Никакая известная мне суфийская деятельность не ставит своей целью кого-то убеждать. Суфизм обеспечивает информацию и метод, а не противоречия и дебаты. Суфизм изучается посредством самого себя.

Речь и молчание

Вопрос: *Не было ли сказано, что молчание лучше речи? Но если это правда, то почему суфии так многословны?*

Ответ: Само по себе молчание не может быть лучше, чем речь. Все зависит от того, какое молчание и чему оно служит, каково содержание речи, а также, что с ее помощью делается. Верхоглядия и лицемеры процветают в атмосфере, где похожие лозунги заменяют знание, например, когда люди настаивают, что «улыбаться лучше, чем хмуриться», хотя пусть лучше хмурится хороший человек, чем улыбается плохой. Здесь затронут очень важный вопрос, поскольку в большинстве культур под видом реальности выступает лишь внешность и лозунги, скрывающие невежество и противодействующие истине.

Худжвири тысячу лет тому назад привел небольшую историю на эту тему в книге «Раскрытие сокрытого» (глава о «Речи и молчании»).

«Абу Бакр Шибли, — сообщает он, — однажды остановился в Кархе и услышал там, как некий самозванец сказал: "Молчание лучше, чем речь"».

Шибли не был лицемером и привык говорить правду без оглядки на внешние правила, и поэтому он с полным правом ответил так:

«Твое молчание лучше, чем твои слова, а мои слова лучше, чем мое молчание; потому что

твои слова — бессмыслица, а молчание твое — обман. Мои слова лучше твоего молчания, так как мое молчание — терпение, а речь моя — знание».

Если бы кто-то сказал подобные слова сегодня, его, наверное, сочли бы обманщиком, потому что лжецы убедили людей в том, что расхожие нравоучительные речи лучше, чем откровенные и правдивые высказывания.

Огнепоклонник

Вопрос: *Почему вы так терпеливы с людьми, на которых сами спешите указать как на бестолковых?*

Ответ: Потому что я не могу забыть то, что написано у Саади в «Бустане» («Фруктовый сад»).

Саади сообщает, что Авраам однажды пригласил к своему столу одного пожилого человека. Выяснив, что старик огнепоклонник, патриарх пришел в ярость и прогнал его.

Затем Авраам получил Божественное послание следующего содержания: «Я кормил его целый век, а ты — возненавидел в одну минуту!»

Передача знания

Вопрос: Почему суфии, как правило, не выступают с публичными лекциями, почему не разделят свое знание поровну со всеми людьми в мире?

Ответ: Великий имам аль-Газали в своем произведении «Мишкат аль-анвар» («Ниша света») — классике суфийской мысли, процитировал одного поэта, прибавив такие слова:

«Всякий, кто дает знание глупцу, теряет его, а отказывающийся в нем достойному, поступает дурно».

Почти все широко известные публике суфии постоянно окружены людьми, желающими привлечь их внимание. Уделять внимание тем, кто еще не готов для него, или просто мотивируется желанием социальной деятельности, неотвратимо приводит к тому, что без внимания остаются как раз люди, действительно способные извлечь из него пользу, поскольку большинство всегда оттесняет меньшинство.

Если бы благотворительная помощь оказывалась каждому, пусть даже нуждающемуся, ее просто не хватило бы на всех.

Рассмотрим другое явление, в какой-то степени близнеца духовного знания — техническое «ноу-хау». Предположим, вы пытаетесь внедрить его в какой-нибудь восточной стране, где все жаждут подобного знания. Какого прогресса вы достигнете, если возьметесь обучать ему каждого жителя, все сто миллионов? Вам не удастся научить даже одного человека. Точно так же следует придерживаться определенной дискриминации и при передаче внутреннего знания.

Религиозный и мудрый

Вопрос: Чем благочестивый отличается от мудрого?

Ответ: Благочестивым быть легче, чем мудрым, и первое приносит больше мирского вознаграждения, чем второе.

Можно также пронаблюдать, как человек, называющий себя религиозным, куда как сильнее беспокоится о своей персоне, чем мудрый. Люди в большинстве своем, стоит им только услышать вышесказанное, тут же отрицают это, но правда легко выходит наружу в тот момент, когда те, за кем вы наблюдаете, забываются (или теряют над собой контроль).

Саади в «Бустане» приводит случай, который мог бы послужить тому иллюстрацией.

Жил-был святой человек. Он покинул монастырь якобы духовных людей и поступил учиться в семинарию. Саади спросил его, в чем разница между религиозным и мудрым. Тот ответил:

«Пока религиозный человек пытается вытащить из огня свое собственное одеяло, мудрец занят спасением утопающих при наводнении».

Три сундука и равновесие

Знаменитая восточная история «Три сундука» обеспечивает нас прекрасной структурой для изучения суфийской психологической системы.

Герои этой истории символизируют особенности человеческого ума, а их поведение говорит о равновесии и неуравновешенности. Поскольку до недавнего времени психология была неизвестна Западу, эта сказка воспринималась в каком угодно смысле, но только не в ее реальном значении. В ней видели литературу развлекательного, сатирического, иронического характера, пример изображения женского коварства или беззакония в любой восточной культуре. А теперь давайте взглянем на этот материал глазами суфиев.

Начнем с синопсиса. Багдадский купец заболел и в результате неразумных инвестиций, ошибок, допущенных друзьями и сотрудниками, потерял все свое состояние. Его жена-красавица отправилась на встречу с их последней надеждой — другим купцом, задолжавшим ее мужу деньги, — чтобы умолить его вернуть долг.

Человек этот поначалу стал отрицать свой долг, так как на сей счет не существовало никаких документов. Но затем пообещал заплатить вдвое больше той суммы, на которую рассчитывала женщина при условии, что она ему отдастся. Тогда жена купца пошла к кадию, судье, призывая его убедить должника выплатить деньги. Но судья согласился сделать это, только если женщина переспит с ним. Следующий, к кому она обратилась, был правитель города, но результат оказался тем же.

Когда женщина и ее муж горевали, ломая голову, как быть, их старый ночной сторож предложил план действий. И вот женщина, притворясь, что уступила, приглашает к себе в гости должника, судью и правителя, назначив каждому встречу на полчаса позже предшественника. Разумеется, никто из них ничего не знал об остальных. Когда они, друг за другом, стали являться, женщина осыпала ласками пришедшего гостя, но спустя несколько минут вбегал сторож, предупреждая, что к ее покоям направляется муж. Каждый по ее совету тут же залезал в один из трех стоявших в комнате сундуков, и она запирала крышку на ключ.

На следующий день женщина пошла к королю и все ему рассказала. Привыкнув к разным необоснованным обвинениям, правитель усомнился, что люди с такой репутацией могли повести себя столь дурно. Тогда были внесены сундуки, и из них, на глазах у всего двора, вышли три голых человека.

Король приказал оштрафовать нечестивого купца на сумму, равную почти всему его состоянию, а штраф передать захворавшему купцу. Негодяя к тому же заставили вернуться к его прежнему занятию — торговле зеленью на базаре. Судью разжаловали и вернули туда, где он начал карьеру, — в контору публичного писца. Правителя возвратили на прежний пост мелкого служащего, чиновника. И с тех пор все зажили счастливо, включая трех преступников, которые были благодарны за то, что их не казнили.

Каждая из частей человеческого сознания вернулась, так сказать, к своей законной функции.

Кем же на самом деле являются герои этой истории? Несчастный купец — подлинное «я» человеческого существа; жена — потенциал, необходимый для самосознания и присутствующий в каждом человеке. Нечистоплотный купец — это впавшее в самообман эмоциональное, материальное «я». Судья — интеллектуальная способность, оперирующая не так, как должна. Правитель — уравнивающий фактор, чувство, подсказывающее человеку, что необходимо скоординировать и исправить. Ночной сторож — это учение, которое сохраняется по сей день и доступно каждому, тогда как король — символ учителя. Придворные символизируют момент осознания истины всем существом индивида. Аудитория, которой рассказывается история, в зависимости от обстоятельств может ею развлечься, получить ее помощь, пропустить мимо ушей.

Суфийское отношение к религиозным предписаниям и правилам состоит не в том, чтобы отказаться от них или приуменьшить их значение, но в том, чтобы дать им особое определение.

Один из основателей ордена Сухраварди в Индии, мастер Джалаледдин из Табриза, воспользовался характерной схемой, чтобы проиллюстрировать имеющееся здесь различие.

Он посетил видного религиозного судью, кадия Камалуд-дина, автора многих книг о молитве, как раз в то время, когда тот молился.

Ему объявили, что законовед занят молитвой, и суфий, уходя, поинтересовался, а знает ли судья, как именно нужно молиться.

Естественно, это замечание вызвало бурю негодования, и судья отправил вдогонку гостю письмо, в котором спрашивал, что суфий имел в виду, усомнившись в знаниях общепризнанного знатока.

Мастер Джалаледдин был только рад тому, что их разногласие было документально запечатлено (ведь этот случай вспоминают до сих пор), и проинформировал судью, что, «в то время как религиозные мыслители молятся в направлении Мекки, суфии молятся, лишь когда воочию видят Трон Божий»^[16].

Мудрость...

ПУШТУНСКИЕ ПОГОВОРКИ, ПОСЛОВИЦЫ И СРАВНЕНИЯ

- Кинжалом из чистого золота никого не заколешь.
- Не можешь подать монетку — хоть собак отзови!
- Кошка мышей ловит не в угоду Господу.
- Когда вином поили бесплатно, даже судья не просыхал.
- Нагрузил себя важностью, как слона поклажей.
- Смородинки без хвостика не бывает.
- Запрыгнула лягушка на стену и кричит: «Кашмир вижу!»
- Дрова сгорели — с золою хлопоты.
- Пока мясники бранились, корова сдохла.
- Сандалии — не туфли, тибетейка — не тюрбан.
- Он и на мели утонет.
- Внемли трубадуру — сожги обед.
- Желтый пес — волку брат.
- Хромой краб ходит прямо.
- Ладно, это твой ишак, только вытащи его из канавы.
- Хранишь молоко в сите, а жалуешься на неудачу?
- Любого побьешь туфлей, если туфля золотая.
- Сберег уши, да потерял голову.
- Лучше умный враг, чем друг дурак.
- Муравей говорит о море, а ты слушай — о луже.
- Выстрелом из незаряженного ружья пятерых разгонишь.
- Выучил язык голубиный, да позабыл родной.
- Жирная курица — плохая несушка.
- Слепой просит у Бога оба глаза.

- Разозли портного и останешься без рубашки.
- Низкая цена — не без причины, высокая цена — не без ценности.
- Если ты — роза, пусть соловей тебя хвалит.
- Набил брюхо и думает, заговорил по-персидски.
- Попробуй лаской поднять людей на дело, Но потом с жалобой на них ко мне не ходи.
- Пахнет арбузом, но вреден для пуза.
- Сначала подыми притолоку, потом обзаводись верблюдом.
- Не показывай финиковую пальму, покажи финики.
- Учение одних делает муллами, других — чертями.
- Вылезай из своей деревни, но деревня твоя пусть из тебя не лезет.
- Когда хозяин грызет кости, что же остается собакам?
- Бранилась мать с дочерью, а дурак всерьез сокрушался.
- Умна ворона, а чего только не клюет.
- В мастерской подслеповатого ювелира, что рубин, что галька — все едино.
- На молоке обжегся — на йогурт дует.
- Два ястреба подрались — а голубь разнимать удумал.
- Придирка да жалоба — сноровка слабого.
- Ночь темна, да яблочки пересчитаны.
- Племянник — вор, зато дядя — судья!
- Стремления — в небесах, а ум — в ногах.
- Грязь одной страны — лекарство для другой.
- Ничтожеству — дубина, благородному — намек.
- Нет обмана — нет и купцов.
- Осел тот же — седло другое.
- Прекрасна роза, хоть и растет из грязи.

Одноглазый король

Жил-был король, пожелавший однажды заказать свой портрет.

Король был одноглаз.

И вот он призвал трех величайших в мире портретистов и сказал им:

«Напишете плохой портрет- накажу, а за хороший — награжу превыше всех ожиданий».

Первый портретист изобразил правителя без глаза. Король велел его казнить за неуважение к королевской особе.

Второй живописец приписал королю здоровый глаз. Его приказали высечь за фальсификацию образа.

Третий художник написал портрет короля в профиль, показав только его здоровый глаз.

Этого человека назначили придворным портретистом и осыпали золотом.

Как представляются суфийские материалы

Представить материалы можно, предложив заинтересованным людям прочесть определенные книги и тому подобное, и затем попросить сформулировать свои вопросы и наблюдения.

На следующем этапе проводится встреча, на которой рассматривается прочитанное, после

чего уделяется внимание возникшим вопросам и наблюдениям.

Вслед за этим решают, какие вопросы получили ответ и какие наблюдения были в достаточной степени рассмотрены. Таким образом, участники приобщаются к знанию, присущему их группе, насколько это возможно на данном этапе.

Так завершается стадия, в которой основное внимание направлено на предварительные письменные материалы и реакции.

Подходящая группа индивидов затем может предпринять одно из двух: продолжить изучение и рассмотрение материалов или принять участие в упражнениях.

Упражнения

Группе демонстрируются упражнения, и затем все выполняют их, безо всяких ожиданий, не одобряя их и не отвергая.

Сессия заканчивается после того, как каждый участник проделал эти упражнения, чтобы узнать, как они выполняются.

Члены группы могут решить, хотят ли они ежедневно в течение двух недель самостоятельно выполнять эти упражнения. В течение первых трех дней (когда не ведется никаких заметок) каждый индивид отмечает по вечерам: ощущает ли он на себе эффект от этих упражнений и как он сам может описать этот эффект.

О своей реакции он сообщает на групповой встрече.

В зависимости от этих реакций прописывается или, наоборот, прекращается курс дальнейших изучений.

Если группе предписывается дальнейшее изучение, людей просят зарегистрировать ловушки самогипноза, чтобы предотвратить превращение предпринимаемой деятельности в обусловленную систему, — этому искушению подвержено большинство человеческих групп.

С этого момента начинается выполнение программ.

Суфийская позиция по поводу религиозных и иных культов

1. Суфии выступают против фанатизма и узкомыслия, полагая, что это приводит к угнетению людей.

2. На протяжении веков возникало множество культов, называвших себя «суфийскими». Они вредили своим последователям и иногда способствовали тому, что слову «суфий» придавался нежелательный оттенок.

3. По двум вышеприведенным причинам суфийская деятельность предварительного характера веками ставила перед собой задачу объяснить природу истинно суфийских целей, а также растолковывать нежелательные последствия того, что сегодня мы называем системами обусловливания.

4. Ученые, и не только они, заметили, что практически одни лишь суфии выявили и описали два отрицательных фактора, упомянутых выше. Работая в этом направлении, суфийские мыслители, возможно, проложили дорогу современному знанию о ментальной манипуляции. Например, в то время, когда люди все еще думали в категориях: «культы — порождение дьявола», суфии указывали на истинные причины культов — психологические.

5. В числе характерных особенностей «ложных, или никуда не ведущих, путей» суфии отмечали следующие признаки, по которым можно опознать последние:

- I. Претензия организации на то, что она является единственным хранителем Истины.
 - II. Принятие эмоциональных состояний за духовные.
 - III. Обособленность членов группы от общества в целом.
 - IV. Пренебрежение исполнением человеческого долга по отношению к другим вне зависимости от их религиозного мировоззрения.
 - V. Стремление опираться на надежду и страх, а также на награду и наказание.
 - VI. Материальное богатство организации, особенно ее лидеров.
 - VII. Претензия на исключительность — лидер заявляет о своих сверхчеловеческих качествах, ответственности или иной подобной значимости.
 - VIII. Секретность.
 - IX. Неспособность рассмеяться над тем, что кажется смешным обычным людям, не имеющим отношения к Пути.
 - X. Использование стереотипных технических приемов и/или ритуалов и упражнений, не адаптированных в со ответственности с принципом «Время — место — люди».
 - XI. «Идолопоклонство», которое проявляется в том, что людям, животным или предметам придается какое-то особое значение.
 - XII. Невежество самих учителей.
6. Суфии, будучи терпимыми, фактически не борются с такими культами, но считают необходимым описывать их, чтобы сделать разницу между культами и суфизмом очевидной, а также помочь интересующимся суфизмом избежать формирования подобных организаций и групп или участия в них.

Суфии и современная технология

Великие открытия в области психологии, сделанные в двадцатом веке, позволили суфиям общаться с мировой общественностью на языке этого знания.

В прежние времена, из-за общей отсталости большинства сообществ, суфиям приходилось говорить с людьми, пользуясь установками, преобладающими в обществе, что весьма сужало предпринимаемое общение. Сегодня стало ясно, что многие утверждения суфийских учителей прошлого, сохранившиеся в классических произведениях, проложили путь к пониманию различий между духовными и социальными группами. Этот вклад отметили многочисленные современные наблюдатели, хотя он все еще не стал достоянием общества в целом и не обрел широкой известности в кругу специалистов. Но в этом направлении наблюдается все более заметный прогресс.

В книгах и монографиях сегодня можно найти немало ссылок на вышеприведенные факты. Один из наиболее значительных вкладов суфиев состоит в их утверждении, что человеческая убежденность в истинности той или иной доктрины может быть случайно или преднамеренно состряпана; приклеивать же к подобным явлениям ярлык «религиозной веры» или чего-либо подобного — не более чем признак невежества относительно принципов работы человеческого мозга.

Нежелание признать, что внушение имеет место во всех человеческих системах, характеризует низкий уровень мышления.

Признаки настоящей суфийской школы

Первое: отбор.

Школа, ее учителя и студенты должны быть исследованы на предмет выявления признаков, приведенных выше (суфийская позиция по поводу религиозных и иных культов, раздел X, пункт 5), которые выдают лжешколу.

Второе: необходимо отметить, что приведенные ниже признаки составляют только часть указаний, свидетельствующих о подлинности суфийской школы:

I. Школа не ограничивает людей в проявлении интереса к какой-либо специфической литературе или учениям, а скорее, наоборот, ожидает от студентов прочтения широкого спектра литературных произведений, в то же время специализируясь на тщательно дозированном изучении.

II. Школа способна объяснить и истолковать прежние формулировки суфийского Пути — как содержащиеся во всем обилии суфийской литературы.

III. Школа способна объяснить процесс замещения прежних учебных материалов новыми.

IV. Школа не привязана к какой-то культуре или языку. Иными словами, ей не понадобится, кроме как для иллюстрации или аналогии, использовать лексику или практику из культур и/или языков, чуждых для людей, среди которых работают суфии.

V. Ученики подлинной школы не ходят в чуждых одеждах (мантиях) и не используют терминов, чуждых местной культуре.

VI. Школа не берет на вооружение лозунги или «высказывания» учителей прошлого, если эти материалы лишены иллюстративной функции.

VII. Школа не использует речитативы, движения, музыку и тому подобное в качестве полурелигиозной церемонии или спектакля, так как знает, что все эти действия являются составной частью многосторонней системы применения стимулов.

VIII. Школа не претендует на то, что ее миссия — учить всех, а также не принимает в свои ряды любого. Прежде всего, школа должна убедиться, что искатель имеет достаточно информации и опыта, чтобы принять решение относительно суфиев и суфизма в соответствующем ключе.

IX. Школа, скорее, прояснит природу «инструментальной функции» идей, технических приемов и иных материалов, чем позволит относиться ко всему этому, как к чему-то непреложному, священному, «традиционному» и так далее.

X. Школа будет иметь дело с каждым человеком в соответствии с его способностями и характером, не будучи ни благожелательной, ни, наоборот, отрицательно настроенной (к кандидатам), так как добросердечность и жестокость, будучи эффективными и понятными в обычной жизни, действуют в учениях или в групповых ситуациях как элементы обусловленной системы.

Суфии и литература

Есть два вида литературы. Первый — суфийская, то есть литература, предназначенная для целей обучения. Она создается суфиями, прежде всего, для людей своего времени. Последующие поколения должны понять план, лежащий в ее основе, а долг школы — обеспечить это понимание.

Второй вид литературы формируют внешние материалы о суфиях и суфизме. Существует весьма значительное количество такой литературы. Авторами этого пласта произведений часто являются ученые, которые не понимают суфизма, так как оценивают его с академической, механистической или эмоциональной точки зрения. Ценность ее только в том, что в ней

содержится иллюстрация к природе и образу академического мышления. Ничему другому она научить не способна. Уже само изобилие такой литературы заставило многих вообразить, что они могут по ней учиться. Суфии веками приравнивали поглощение этого материала к процессу, который называется «передать вкус варенья на словах». Но престиж запечатленного слова столь велик, что часто люди, разумные во всех других отношениях, не могут понять простого факта: внешняя оценка вряд ли что отражает, если только не касается такого же внешнего феномена.

Басня о двух лягушках

Вопрос: *Западная цивилизация основана на экспериментах и успешных результатах, на пробах и ошибках. Как бы то ни было, частица за частицей знание накапливается и образуется такой феномен, как наука. Даже если у нас нет знаний, мы не падаем духом и продолжаем бороться, достигая желаемого. Суфии же утверждают, что человеку необходимо изначальное знание, иначе маловероятно, что его усилия увенчаются успехом. Так ли это?*

Ответ: Совершенно верно, вначале необходимо знание.

Вопрос: *Тогда как вы объясните следующую суфийскую басню, ведь она объявляет настойчивость заслугой?*

Лягушки

Однажды две лягушки угодили в крынку с молоком. Первая была логически мыслящим существом и, поняв, что ей не выбраться, спокойно покорилась судьбе и утонула. Вторая тоже не понимала, как ей попасть на волю, но в течение нескольких часов продолжала барахтаться. В должное время из молока образовался кружок масла, и, оттолкнувшись от него, лягушка выпрыгнула на свободу.

Ответ: Как обычно, вам рассказали неполную версию этой истории. История кончается так: возня лягушки в молоке привлекла внимание аиста, который подлетел к ней, как только та выпрыгнула из крынки, наколот на свой клюв и отменно поужинал ею.

Вопрос: *И что дальше?*

Ответ: На самом деле в басне была и третья лягушка. Она знала, как делается масло. Когда аист улетел, она прыгнула в крынку и стала взбивать лапками молоко, пока не превратила его в масло, после чего позвала друзей и вместе они достойно похоронили первую лягушку и съели масло.

Вопрос: *А как насчет хозяина молока, ведь бедняга его лишился?*

Ответ: Не все сразу: о хозяине — другая история.

«Сеть» на встречах

Вскоре вы сможете увидеть разницу между суфийской лекцией и проповедью.

У проповедника, дидактического оратора и прочих подобных людей всегда есть наготове тема, связанная с их основным кредо, которую они то и дело так или иначе развивают, пытаясь убедить других в ее актуальности.

В данном случае действует преимущественно фактор идеологической обработки или ее закрепления.

В этой схеме также присутствует мораль, логика или эмоции, а иногда — всего понемногу.

У суфиев выступление или какая-то иная инициатива учителя основаны на его восприятии того, что необходимо индивидам и коллективному сознанию аудитории. Можно сказать, что учитель сначала бросает «сеть», выясняя, как люди мыслят, и затем стимулирует их соответствующим образом, развивая сознание.

Эти два метода совершенно различны. Первым пользуются люди религиозные, имеющие целью донести политическое, национальное или какое-нибудь иное послание. Второй — оперирует на внутреннем, духовном уровне.

Вот пример того, как применяются одни и те же материалы в первом и во втором случае: религиозный человек может сослаться на искусство или природу, как на что-то чарующее, поощряющее человека, удовлетворяющее его эстетически и эмоционально; суфий воспользуется тем же самым материалом, скорее, чтобы простимулировать в человеке понимание и развитие, а не чувство самоудовлетворения.

Стричь шерсть

Вопрос: *Вы говорите, что люди пишут вам письма, в которых выражают желание присоединиться к обучающим группам, встретиться с вами, получить помощь или объяснение того, что вы написали, и так далее. И, как вы сами говорите, вы не можете им помочь и фактически не удовлетворяете все эти просьбы.*

Не кажется ли вам, что, отказывая им в помощи, вы теряете популярность или, во всяком случае, рискуете быть непонятым, если, конечно, у вас нет веских причин для того, чтобы не приносить большей пользы?

Ответ: Что касается риска потери популярности, то, независимо от ваших действий, для некоторых вы все равно останетесь непопулярным.

Если я буду делать кое-какие вещи, о которых меня просят, все закончится тем, что я окажусь кем-то похуже непопулярного человека — для людей, считающих, что я должен это делать.

Так что есть причины, по которым я не могу казаться более полезным.

На самом деле причина только одна, и сформулировать ее можно с помощью очень короткого анекдота, который, говорят, взят из реальной жизни.

Сделайте это срочно

Одна лондонская компания купила контрольный пакет акций австралийской овцеводческой фермы. Узнав, что мировые цены на шерсть внезапно подскочили, председатель совета директоров компании отбил телеграмму управляющему фермой: «Приступайте к стрижке».

Из Австралии пришел ответ: «Нельзя стричь, ягнимся», на что председатель послал приказ: «Хватит ягниться, начинайте стричь».

Эффективность

Вопрос: *Вы согласны, что сегодня существуют более эффективные способы что-либо делать, чем те, что были доступны древним суфийским учителям?*

Ответ: Да, кое-что действительно может быть усовершенствовано, но лишь немного. Есть

история, которая случилась на самом деле. Я очень ее люблю, потому что она показывает ограничения и преимущества там, где их совсем не ожидают. И хотя это из другой области, в данном примере можно обнаружить параллель с суфийскими вопросами.

Humint/Челраз/

Elint — это аббревиатура, используемая в разведывательных кругах для обозначения Electronic INTELLIGENCE, — электронной разведки, то есть способы добычи информации с помощью электроники.

В 1970 году Пентагон (США) задумал узнать калибр пушки новейшего боевого танка, созданного в СССР.

Используя спутники, компьютеры и все тому подобное, американские разведчики потратили восемнадцать миллионов долларов, и только после этого признали свое поражение.

Однако было известно, что несколько образцов этого танка стоит в Восточной Германии, и Британское военное ведомство решило попробовать раздобыть эту информацию там.

Из простых солдат сколотили небольшую группу Humint, то есть HUMAN INTELLIGENCE (человеческая разведка).

Они проникли в танковый ангар и измерили пушку, израсходовав на это всего четыреста долларов — 1/45000 часть стоимости, в которую обошлась неудачная попытка Elint!

Зачастую работа с ограниченными средствами не так уж тяжела и гораздо более эффективна, чем применение изощренных методов.

Нелестное

Вопрос: *Как остановить людей, которые говорят и пишут необоснованные и нелестные отзывы о суфиях?*

Ответ: Мой бедный друг, хотел бы я знать, откуда вы свалились, если за свою жизнь еще не поняли, что люди говорят и пишут нелестные слова обо всем на свете?

Фактически вы спрашиваете меня, как изменить природу человека, но это невозможно сделать тем способом, на который вы, видимо, рассчитываете.

Разве вы еще не заметили, что в средствах массовой информации, рекламе, десятках областей жизни самых различных обществ, как передовых, так и отсталых, практически все построено на сплетнях и слишком часто — на злобе?

Кто вы такой, каковы ваши компетенция и авторитет, чтобы пытаться все это остановить?

Не сомневаюсь, вы также хотели бы, чтобы награды получали только наиболее заслуженные и наиболее достойные были нашими руководителями и правителями?

Почему бы вам не подумать об этом еще раз?

Американец

В Америке есть настоящие дервиши, но не из тех, кто себя так называет. Как говорил один подлинный американский дервиш, анонимность в данном случае связана с необходимостью работать вне или по ту сторону коммерческой ментальности возникшей вследствие распространения делового подхода, который определенные люди в Соединенных Штатах

ошибочно считают единственным способом что-либо сделать.

Этот человек рассказал следующую историю, освещающую изъяны мышления, ориентированного исключительно на приобретение.

Все человеческие души до своего рождения на Земле проходят перед ангелом и получают от него предначертанные им склонности и возможности.

Первой прошла душа, которой должно было стать суфием. Ее спросили, чего она хочет. Душа потенциального суфия ответила:

«Я желаю не иметь желаний».

Вторая душа, предназначенная принадлежать дервишу, сказала:

«Я жажду стать суфием».

Следующей была душа американского бизнесмена.

Она заявила:

«Все, что я хочу, — это знать, кому достанутся деньги».

Конфронтация

Показывать людей самим себе — древняя суфийская специализация. Один инцидент, который я наблюдал в Лондоне, может послужить прекрасной иллюстрацией к ней.

Но, чтобы отследить происходящее, необходимо уделить этому определенное внимание.

Один суфийский учитель присоединился к группе журналистов, собравшейся для участия в пресс-конференции, которую устраивал один бизнесмен с весьма скандальной репутацией. Этот человек фигурировал во многих газетных статьях, намекавших на его сомнительные операции с акциями на фондовой бирже.

Беседуя с журналистами, суфий заметил, что участники встречи, каждый в соответствии с политическим кредо представляемого им печатного органа, готовились наброситься на этого дельца. Представитель популярной ежедневной газеты, например, собирался уделить внимание расточительному образу жизни и предполагаемой неразборчивости в средствах; корреспондент от правой прессы выискивал компромат на бизнесмена, желая написать статью о том, насколько изолированным и нетипичным было это «уродливое лицо капитализма», и тому подобное.

Интервьюируемый опаздывал, и журналисты начали обсуждать его в неформальной беседе.

Это предоставило суфию шанс. Взяв слово, но не представившись, он обрушился на магната. С нарастающей яростью он стал критиковать прошлое, личные качества, связи, весь отвратительный облик дельца. Я был единственным среди присутствующих, кто знал, кем является этот странный оратор.

Он говорил все более безапелляционно и все больше распаляясь, а настроение журналистов менялось прямо на глазах. Прошло совсем немного времени, и они начали возражать обвинителю — правые и левые принялись наперебой указывать на преувеличения в его обличительной речи, пока не начали буквально состязаться друг с другом в произнесении хвалебных речей о своей жертве.

Когда же наконец явился сам бизнесмен, все вопросы к нему носили вполне благожелательный характер. Вышедшие затем статьи отличались сдержанностью и в основном призывали не спешить с суждениями.

Я попросил двух психиатров прокомментировать изменение в поведении журналистов. Первый сказал, что «такие поведенческие образы типичны, когда люди намечают себе жертву и вдруг обнаруживают, что «кровь» уже пролилась». В этом случае суфий взял здесь на себя роль псевдообвинителя. Он выпустил пар из ситуации».

Второй ментальный эксперт полагал, и все еще полагает, что, наблюдая, как кто-то взял на себя роль, на которую они сами претендовали, и разыграл ее у них на глазах, журналисты подсознательно увидели неприглядность своих намерений.

Ну а что по этому поводу думал сам суфий?

«Люди жаждут возбуждения, а не правды. Но им непросто признаться себе: "Я хочу возбуждения", они и в самом деле не подозревают, что таково их состояние. Поэтому они нацеливают свое желание на наиболее вероятный источник возбуждения. Тогда в этой роли был бизнесмен, а его предполагаемые проступки только служили предлогом. Разыгранный мною спектакль обеспечил присутствующих возбуждением. После «просмотра» они благожелательнее отнеслись к тому человеку, потому что "израсходовали всю свою желчь" и пребывали в более ясном состоянии ума».

Я спросил суфия, как он с помощью всего этого послужил, если вообще собирался, интересам истины, журналистики, коммерции и так далее...

Он ответил: «Если чему-либо из перечисленного и можно послужить, то только после удовлетворения основных желаний — возбуждения и тому подобного. Нет оснований предполагать, что бизнесмен или пресса отдали бы предпочтение насущному, в то время как ни та, ни другая сторона даже не представляла себе, что имеет дело с совершенно иным фактором. В самом деле, все это до такой степени рационализировано ^[17], что люди верят и не устают повторять, будто человек готов исследовать какой-либо предмет лишь в том случае, если загорается идеей или исполняет свой долг. Мы все еще не достигли стадии, на которой можно понять: сама функция раскрытия и публикации фактов стоит гораздо более высоко, чем концепции долга или возбуждения».

notes

Хашимиты — потомки Хашима, прадеда пророка Мухаммеда. — Прим. перев.

См.: Идрис Шах. Благоухающий скорпион. — М.: Эннеагон Пресс, 2006 (с. 115).

Мнемоника — искусство улучшать, укреплять память, заучивать и помнить много (по словарю В. И. Даля). — Прим. перев.

Белые Утесы — юго-восточное побережье Британии в районе Дувра. Речь идет о древних племенах бриттов, которые ожидают римского вторжения. — Прим. перев.

Вайда — название растения, которое выращивалось прежде в Британии, а также получаемого из него синего красителя. — Прим. перев.

Похоже на описание значения русского слова «предвзятость», теперь также имеющего негативный оттенок, хотя возможная его этимология — «занятый уже взятым». — Прим. перев.

Из энергетики. — Прим. перев

Из книги: Идрис Шах. Путь суфия. Раздел I. (В издании London Octagon Press Ltd.)

«Кто ищет, тот всегда найдет». — Прим. перев.

Extra Sensery Perception — экстрасенсорное восприятие. — Прим. перев.

Дихотомия (греч. *dichosomia*) — разделение надвое. — Прим. перев.

Отец автора. Создал много книг по суфизму, выдающийся политический деятель и суфий. Умер в 1962 г. — Прим. перев.

«Истина порой преподносится в виде шутки». — Прим. перев.

Али Б.Усман аль-Джуллаби аль-Худжвири. Кашфаль Магджуб (XI в.?)

«И лишь тогда он станет дурнем высочайшего образца, //Когда латынь и греческий изучит до конца». — Прим. перев.

Цитируется по: Amir Hasan. *Sijri's Fuwa'id al Fu'ad* — Прим. перев

Как вариант — отдано во власть самооправданию. — Прим. перев.